

*Женщинам
Земли
посвящается*

V. N. Mamyachenkov

Val'kirii SS

**Ekaterinburg
2004**

В. Н. Мамяченков

Валькирии SS

**Екатеринбург
2004**

ББК 63.3(0)62
М22

М22

Мамяченков В.Н.

Валькирии SS. Екатеринбург: Монография. Изд-во Уральского ун-та, 2005. – 288 с.

ISBN 5-7525-1387-1

Книга посвящена практически не исследованной отечественной историографией теме – судьбам женщин-служащих войск СС в нацистской Германии. Автор предпринял попытку рассмотреть не только конкретные жизненные коллизии выбранных им персонажей, но и сравнить однотипную сущность двух тоталитарных систем – сталинской и гитлеровской. При всех явных и кажущихся различиях обе эти системы были едины в одном – они безжалостно пожирала человеческие жизни.

Зло должно быть наказуемо, а тот, кто не помнит о своем прошлом, обречен пережить его вновь – в этих двух истинах и заключается основной пафос данного произведения. В монографии изложен в массе своей неизвестный и недоступный до последнего времени российскому читателю фактический материал.

Книга, издаваемая в год шестидесятилетия со дня окончания Второй мировой войны, предназначена для всех интересующихся мировой и отечественной историей.

ББК63.3(0)62

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор В.А.Кузьмин

Рецензент:

доктор философских наук, профессор В.О.Лобовиков

ISBN 5-7525-1387-1

© В.Н.Мамяченков, 2005

© Оригинал-макет.

В.Н.Мамяченков, 2005

Содержание

<i>От автора</i>	8
<i>Введение</i>	10
 <i>Глава 1</i>	
<i>СС и женщины</i>	16
1.1. Надзирательницы СС в концентрационных лагерях	18
1.2. Врачи и медицинские сестры СС в концентрационных лагерях	27
 <i>Глава 2</i>	
<i>Уголовное преследование нацистских военных преступников и денацификация Германии</i>	31
 <i>Глава 3</i>	
<i>Германия</i>	45
3.1. Трагедия Берген-Бельзена	46
3.1.1. Первый Берген-Бельзенский процесс	53
Ирма Грезе	56
Юана Борман	76
Элизабет Фолкенрат	78
3.1.2. Второй Берген-Бельзенский процесс	79
3.2. Ад для женщин – Равенсбрюк	107
3.2.1. История лагеря	107
3.2.2. Равенсбрюкские (гамбургские) процессы	110
Первый Равенсбрюкский процесс	111
Кармен Мори	115
Вера Зальвекварт	119
Доротея (Теодора) Бинц	133
Элизабет Маршалл	134
Грета Бёзель	136
Третий Равенсбрюкский процесс	137
Рут Клозиус-Нойдек	137
Четвертый Равенсбрюкский процесс	138
Герда Ганцер	139
Седьмой Равенсбрюкский процесс	142

Эмма Зиммер	142
Ида Шрейтер	142
3.3. Хельмштедтский процесс детоубийц. Элла Шмидт	155
Глава 4	
Польша	157
4.1. Майданек: люблинский кошмар	158
4.1.1. Майданекские процессы	160
Ильзе Эрих	161
4.2. Освенцим: фабрика смерти	170
4.2.1. Второй Освенцимский процесс	173
Мария Мандель	175
Терез-Рози Брандль	176
4.2.2. Третий Освенцимский и другие процессы	176
Элизабет Лупка	177
Марго Дрекслер	177
4.3. Концлагерь Штуттгоф: прибалтийская преисподняя	190
4.3.1. Первый Штуттгофский процесс	191
Герда Штейнхофф	194
Дженни Баркманн	196
Элизабет Беккер	199
Ванда Клафф	200
Ева Парадиз	201
4.3.2. Последующие Штуттгофские процессы	202
Глава 5	
Чехословакия	229
Рут Гилднер (Гилднерова)	235
Заключение	242
Приложение 1	
Первый Берген-Бельзенский процесс	245
Приложение 2	
Второй Берген-Бельзенский процесс	250
Приложение 3	
Первый Равенсбрюкский процесс	251
Приложение 4	
Второй Равенсбрюкский процесс	252

<i>Приложение 5</i>	
Третий Равенсбрюкский процесс	253
<i>Приложение 6</i>	
Четвертый Равенсбрюкский процесс	254
<i>Приложение 7</i>	
Пятый Равенсбрюкский процесс	255
<i>Приложение 8</i>	
Шестой Равенсбрюкский процесс	256
<i>Приложение 9</i>	
Седьмой Равенсбрюкский процесс	257
<i>Приложение 10</i>	
Процесс Рудольфа Гёсса	258
<i>Приложение 11</i>	
Второй Освенцимский процесс1	259
<i>Приложение 12</i>	
Третий Освенцимский процесс	263
<i>Приложение 13</i>	
Первый Майданекский процесс	270
<i>Приложение 14</i>	
Третий Майданекский процесс	271
<i>Приложение 15</i>	
Первый Штуттгофский процесс	273
<i>Приложение 16</i>	
Второй Штуттгофский процесс	274
<i>Приложение 17</i>	
Третий Штуттгофский процесс	275
<i>Приложение 18</i>	
Четвертый Штуттгофский процесс	276
<i>Приложение 19</i>	
Брауншвейгский процесс детоубийц	277
<i>Библиография</i>	278

От автора

Замысел написания этой книги созрел постепенно, по мере того как вырослел и набирался жизненного опыта сам автор, а события Второй мировой (для нас – Великой Отечественной) войны отдалялись в прошлое.

Нет, не зря об этой войне А.Т.Твардовский написал: «Она такой вдавила след и столько наезд положила...» Страшный этот след будет тянуться еще не одно десятилетие, постоянно напоминая о себе. Но все-таки у каждого нового поколения свои проблемы, и хотим мы этого или нет, а вспоминать минувшую войну будут все реже. Что же касается поколения, к которому я принадлежу, то мы, без преувеличения, были ее детьми, хотя и родились уже в мирное время. У каждого из нас на фронте погиб кто-то из родственников, у многих отцы были ее участниками, а непрерывные игры «в войну» – это все мое детство.

Фильмы и книги той поры также в значительной своей части были посвящены военной и связанным с нею темам. Но при этом «человеческому фактору» войны, как сказали бы сейчас, внимания не уделялось. Доступные нам тогда произведения кинематографа и литературы давали представление (большой частью однобокое и предельно идеологизированное) о людях, воевавших только по эту сторону фронта. Это были «наши», «советские», сражавшиеся за «великие» идеи социализма и коммунизма. Даже их человеческие недостатки (конечно, «отдельные и нетипичные»), воспринимались нами как продолжение их достоинств.

Что же касается тех, кто им противостоял, то это были «фашисты», «изверги», «патологические убийцы», в самом лучшем случае – «отравленные идеологией национал-социализма». Они представлялись нам монстрами, неспособными на проявление таких простых и естественных человеческих чувств, каковыми являются сострадание, привязанность, дружба и, наконец, любовь. Поэтому и победа над этими чудовищами воспринималась как закономерное торжество добра и справедливости над злом и мерзостью, иного просто и не предполагалось.

Помню, как озадачил меня, совсем маленького мальчика, рассказ отца о том, как он осенью 1941 года увидел плачущего немецкого солдата. Дело происходило в родной деревеньке отца на

От автора

Смоленщине, оккупированной к тому времени гитлеровцами. Пожилой немец сидел на поваленном дереве у околицы села и горько плакал, бормоча про себя немецкие слова, из которых понятными были разве что «фрау» и «киндер». Плачущий немец, да еще в первые месяцы войны – это было уж очень необычное зрелище! Немец выглядел таким жалким и беспомощным, что несколько жителей деревни осмелились подойти к нему.

И произошло следующее: солдат, глотая слезы и мешая русские и немецкие слова, поведал им свою горькую историю. Вкратце она сводилась к тому, что его семья – жена и дети – погибла при бомбежке их города авиацией союзников. Немец достал из нагрудного кармана семейные фото (непременный атрибут любого немецкого военного) и, не переставая всхлипывать, показывал совершенно чужим ему людям, какая замечательная у него была семья... Была...

Кажется, именно после этой услышанной в далеком детстве истории я стал понемногу понимать, что по ту сторону фронта тоже находились **люди** (пусть мы и отказывали им в праве так называться). И у этих людей, оказывается, тоже были свои семьи, свои радости и заботы, свои судьбы. А значит, мир был не черно-белым, каким его рисовали наши идеологи. И на **той** стороне тоже проступали человеческие лица. Тем более, что там находились не только мужчины, но и женщины. Они ведь тоже создавали «звериное лицо фашизма».

Сказано: «у войны не женское лицо». Но любая война (которую, кстати, всегда развязывают мужчины) в первую очередь затрагивает интересы женщин – наших матерей, жен, сестер, дочерей. Хотят они того или нет, но женщины неизбежно оказываются втянутыми в страшный водоворот войны. При этом неизвестно, кто из них подвергается большей опасности – те, кто стремится быть ближе к домашнему очагу, или те, кто решил активно участвовать в событиях.

Именно о тех германских женщинах, кто «решил участвовать» и связал свою судьбу с самой одиозной структурой нацистской Германии – СС, и рассказывается в этой книге. Название ее нам подсказала древняя скандинавская мифология, столь, кстати, почитавшаяся национал-социалистами. Как известно, валькириями в этой мифологии назывались воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений. Они отбирали храбрейших из павших воинов и уносили их в Вальхаллу – дворец Одина, где

погибшие продолжали свою героическую жизнь¹. Наверное, многим из женщин – служащих СС в годы Второй мировой войны казалось, что они выполняют свой долг перед Германией, помогая воинам-мужчинам сражаться с врагами рейха и приближая победу. Наверное, многие из этих женщин воображали себя именно такими валькириями, храбрыми и прекрасными, способными на беззаветную верность своим любимым и безжалостность к врагам.

Увы, действительность, как всегда, оказалась много прозаичнее и страшнее красивой мифологии. В реальности многим из этих женщин пришлось участвовать в отвратительной службе по охране концентрационных лагерей и в обслуживании их, за что после окончания войны их нередко привлекали к суровой ответственности. Именно этим несостоявшимся валькириям и посвящена данная книга. Точнее, только тем из них, которые особо «отличились» на этом бесславном поприще и понесли самое тяжкое наказание – были приговорены к смертной казни. Ибо рассказать обо всех, конечно, невозможно. Кстати, охотно допускаем, что не все они формально состояли в СС. Но в любом случае они служили этой преступной структуре, а тем самым служили и преступной нацистской партии, и преступному гитлеровскому режиму.

Поэтому данная книга не только о конкретных тяжелых судьбах служительниц нацистского ада, но и о неизбежной ответственности за совершенные злодеяния. Это книга также о том, что зло порождает только зло, а жестокость – только ответную жестокость, пусть даже и облаченную в судейскую мантию.

И, наконец, наша книга о том, что ждет женщину, если она перестает быть Женщиной...

¹ Большой Энциклопедический Словарь. М., 1991. С. 190.

Введение

«Вся Германия ...с ее 80 миллионными населением и территорией в 555 тысяч квадратных километров была сплошным концлагерем».

*(Из повести польской писательницы
Зофи Посмыш «Пассажирка»)*

Во введении к любой научной работе прежде всего требуется обосновать актуальность избранной темы, а также цель и задачи написания данной работы. Так, по крайней мере, мы наставляем своих студентов. При этом мы не считаем, правда, что наша работа в точности отвечает всем требованиям, предъявляемым к научному труду. Она, несомненно, таковым является, но только отчасти. В целом это скорее труд научно-публицистический.

Так вот, если уж говорить об актуальности, то избранная нами тема является актуальной и востребованной, во-первых, уже потому, что она крайне скудно освещена в отечественной исторической литературе. А во-вторых, она тесно переплетается с другой актуальнейшей темой историко-этического плана – ролью женщины в жизни общества, особенно в критические периоды истории.

Главная же *цель написания этой книги* виделась нам прежде всего в том, чтобы *собрать, обработать и донести до российского читателя практически неизвестную ему информацию* о тех, уже далеких от нас событиях почти шестидесятилетней давности. Действительно, значительная часть изложенного в работе материала никогда не публиковалась ни в бывшем СССР, ни в уже новой России. Это при том, что общий объем исследований, посвященных Второй мировой войне и опубликованных в нашей стране, весьма значителен. Например, нацистским концентрационным лагерям посвящены в нашей стране по крайней мере десятки книг, а вот найти в них более или менее подробные сведения о судебных процессах над персоналом этих лагерей, состоявшихся в послевоенной Германии и других странах, почти невозможно. Почему так произошло?

Причин можно назвать несколько, но главнейшая из них, как нам представляется, состоит в следующем: ни так называемое советское общество, ни (к сожалению) современное российское не желали и не желают знать всю правду о нашей собственной истории. Ведь если детально разрабатывать тему ответственности за преступления против человечности, то неизбежно приходишь к печальному выводу: поучаствовав в наказании немецких фашистов в Нюрнберге, мы увели от ответственности за аналогичные злодеяния фашистов своих, доморощенных. Своего Нюрнберга, для самих себя, мы так и не провели, он не состоялся. Призыв к покаянию в нашем обществе услышан не был, и это еще может аукнуться ему в будущем. Ибо кто не помнит свое прошлое, тот обречен пережить его вновь.

Справедливости ради скажем также, что не все материалы послевоенных процессов были в равной степени доступны исследователям. Так, англичане (как и мы, большие любители засекречивать свои архивы) увезли документы гамбургских процессов в Лондон и держали их там под замком. И только начиная с конца 1970-х годов эти документы постепенно открывались для общественности.

Работая над этой книгой, изучая материалы судебных процессов над нацистскими преступниками, мы не могли не задать себе риторические вопросы: «А какое же наказание понесли наши отечественные преступники, те же охранники и коменданты сталинских лагерей, замучившие многие тысячи невинных людей? Кто ответил за чудовищные преступления сталинского режима в нашей многострадальной стране? Кто? И как?» Ответ, к сожалению, очевиден... А ведь судить наших преступников было и есть за что. Даже по официальным данным, только за период с 1930-го по 1953 год в СССР было осуждено 3 миллиона 778 тысяч человек. Из них 786 тысяч были расстреляны и около 600 тысяч погибли от непосильного труда и истощения¹. Эти цифры, по нашему мнению, занижены, но и они не могут не ужасать. И они вполне сопоставимы с масштабами преступлений германских нацистов. Тогда в чем разница между нашими преступниками и нацистскими? Видимо, только в том, что наши были коммунистами, а те – нацистами.

¹ Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990). Россия, XXI, 1994. № 1–2. С. 119–120.

Но мало того, что преступления в нашей стране остались по большому счету безнаказанными. Уже в ходе войны, а особенно после нее, сталинско-бериевскими преступниками и их наследниками были предприняты значительные усилия сразу в трех направлениях фальсификации (благо, что победителей не судят!).

Первое – это всемерное, до немыслимых пределов, преувеличение масштабов нацистских злодеяний. Сразу подчеркнем: мы ни в коем случае не пытаемся оправдать преступления немецких фашистов. Но несомненно и то, что раздувание их масштабов имело место. А ведь элементарная порядочность и справедливость должны соблюдаться даже в отношении закоренелых преступников: не надо на убийцу одного человека навешивать убийство еще двух... Или, как говорят в науке, исследование должно быть честным. Тем не менее на послевоенных процессах, в том числе и на Западе, нередко число жертв тех же нацистских концлагерей завышалось в разы (к этому мы еще вернемся).

Второе – и еще более отвратительное – это попытки списать на германских фашистов собственные злодеяния. Самый яркий тому пример – Катынь. При этом с помощью продажных экспертов, в качестве которых порой выступали именитые медики, составлялись фальсифицированные акты судебно-медицинских экспертиз.

И третье – тиражирование бессовестной лжи о том, что в Федеративной Республике Германии якобы никак не преследовались бывшие нацисты.

Что касается исследователей западных стран, то тут мы затрудняемся дать однозначное объяснение их ошибкам в подсчетах жертв нацистов. Возможно, где-то имело место и, как говорят, добросовестное заблуждение. Но что касается нашей страны, то здесь главная цель всех трех перечисленных направлений фальсификации была и остается одна – увести общественное мнение как можно дальше от обсуждения преступлений сталинского режима и советского режима вообще. Увести так, чтобы люди не задавали вопросов о том, **что** произошло в той же Катыни, в поселке Медном Тверской области и в Харькове², Быковне и Куропатах³,

² Места массовых расстрелов интернированных польских граждан накануне войны. Всего было злодейски расстреляно около 22 000 человек, в основном офицеров Войска Польского.

³ Места массовых расстрелов многих тысяч советских граждан в 1930-х годах соответственно под Киевом и Минском.

в чеченском ауле Хайбах и других чеченских и ингушских аулах⁴, что происходило в бесчисленных лагерях ГУЛАГа, в Новочеркасске⁵ и во многих, многих других местах огромного Советского Союза, этой гигантской империи зла.

В соответствии с поставленной целью мы попытались в нашей работе решить следующие задачи:

- рассмотреть малоизвестные аспекты преследования и осуждения немецко-фашистских преступников в отдельных европейских странах;
- дать представление о роли и степени участия женщин в структуре СС;
- исследовать вкратце историю наиболее крупных нацистских концентрационных лагерей;
- проследить конкретные судьбы женщин, осужденных судами указанных стран к высшей мере наказания за совершенные преступления.

Источниковой базой для написания данной работы послужили:

- многочисленные отечественные и зарубежные печатные работы по избранной тематике;
- материалы отечественной и зарубежной периодической печати;
- диссертационные работы, опубликованные в Интернете;
- прочие работы в электронном виде, опубликованные в Интернете.

У нас, к сожалению, не было возможности поработать в архивах западных стран (хочется верить, что это еще впереди). Поэтому большую помощь в написании данной работы нам оказали

⁴ Все население аула Хайбах (территория нынешнего Урус-Мартановского района Чечни) – 705 человек – было зверски уничтожено войсками НКВД под командованием генерал-майора Гвишиани 23 февраля 1944 года во время депортации народов Северного Кавказа: людей загнали в конюшню и там заживо сожгли. Подобная же страшная участь постигла и другие северокавказские селения: Гали, Мозгара, Маскара, Цори, Таргим.

⁵ В этом городе 2 июня 1962 года была расстреляна мирная демонстрация населения, протестовавшего против плохого обеспечения товарами первой необходимости. При этом было убито 26 человек, а впоследствии еще 7 человек расстреляны по приговору суда.

исследования зарубежных (главным образом – немецких) авторов, основанные на изучении архивных материалов. К ним мы прежде всего отнесем работы Клаудии Тааке и Зилке Шефер⁶.

Значительная часть информации (в том числе многие фотографические материалы) была получена нами из свободно доступных сайтов сети Интернет.

И, наконец, последнее. По ходу нашего повествования мы стремились по возможности не втягиваться в обсуждение острых дискуссионных вопросов, какие, например, ставят ревизионисты⁷. И сделали это по двум причинам: во-первых, из-за недостатка объема нашего исследования, а во-вторых, памятуя о цели его написания. Поэтому мы не дискутируем о том, например, были или не были в нацистских концлагерях газовые камеры, ограничиваясь оборотом «по версии обвинения».

Таковы были цели и задачи написания нашей работы, а насколько нам удалось их реализовать – судить читателю.

⁶ *Taake Claudia*. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998; *Schäfer Silke*. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002.

⁷ Одно из современных направлений в исторической науке. Так, ревизионисты утверждают, что масштабы нацистских злодеяний были значительно преувеличены, а их цели – превратно истолкованы. В широком смысле ревизионизм в истории призывает к пересмотру многих «бесспорных» исторических канон.

1. СС и женщины

В этой книге не освещается история возникновения и функционирования СС – по этому вопросу существует много литературы, в том числе и на русском языке. Нас интересовало прежде всего участие женщин в этой структуре. Тех же, кого интересует история СС вообще, рекомендуем прочитать книги Хайнца Хёне и К.К.Семенова, в которых история этих охранных отрядов нацистской партии изложена доступно и полно¹.

Напомним только, что аббревиатура SS произошла от немецкого Schutzstaffeln – охранные отряды. Зародившись как охранный структура нацистской партии, СС в 1934 году стала фактически самостоятельной организацией со своим «верховным главнокомандующим» – рейхсфюрером СС, и штабом. В составе СС находились подразделения охраны концентрационных лагерей, войсковые части (так называемые «Ваффен-СС») а также служба безопасности СД – главный орган разведки и контрразведки. В дальнейшем СД вместе с гестапо (тайной политической полицией) образовали всеимперскую службу безопасности – РСХА². В 1946 году Международный трибунал в Нюрнберге объявил СС, как и ряд других структур нацистской Германии, преступной организацией.

Общая численность персонала, служившего в СС, была оценена на том же Нюрнбергском процессе в несколько миллионов человек. Как и многие другие цифры, оглашенные на этом суде, она оказалась явно преувеличенной (в настоящее время эта численность оценивается цифрой «более 1 миллиона человек». О причинах такого преувеличения нами уже было сказано). При этом, хотя подавляющую часть персонала СС составляли, естественно, мужчины, в этой организации служили и женщины в качестве сотрудников так называемых «вспомогательных подразделений».

Во-первых, в качестве канцелярских работников и связистов они несли службу на оккупированных немецкой армией территориях

¹ Хёне Х. Орден «Мертвая голова». История СС. Смоленск, 2002; Он же. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003; Семенов К.К. Войска СС. Тула, 2004.

² Подробнее об истории создания РСХА можно прочитать в книге: Залесский К.А. РСХА. М., 2004.

(последние обслуживали громкоговорящие и радиоустановки, а также телефонную, телеграфную и другую аппаратуру в составе женских вспомогательных подразделений полков полиции и войск СС). А во-вторых, они были заняты как врачи, медсестры и надзирательницы СС в концентрационных лагерях. От общей численности персонала СС женщины составляли, скорее всего, считанные проценты. Подробной истории упомянутых женских вспомогательных подразделений СС (или, как их еще называют, «женского корпуса СС») в исторической литературе, в том числе на Западе, пока нет. Если о них и упоминают, то достаточно редко и только вскользь. Зато в западных странах существуют многочисленные публикации о надзирательницах и женском медицинском персонале СС в концлагерях. Именно эти женщины стали печально знамениты благодаря тому, что оказались вовлеченными в одну из самых мрачных сфер деятельности СС – функционирование системы концентрационных лагерей.

Необходимо сказать, что вообще традиционное немецкое представление о роли женщины не допускало сколько-нибудь серьезного **прямого** использования «женского потенциала» для военных нужд (вспомним знаменитое и порицаемое нами «дети, кухня, церковь»). Вообще, трудно не согласиться с тем, что «использование женщин нельзя рассматривать в таком же смысле, как использование оружия, а их «участие» ни в коем случае не предполагает какой-то военной организации. Использование оружия и военных формирований покоится на вековом опыте участия в войне только солдата-мужчины как вооруженного представителя своего народа». Именно эти строки написали немецкие мужчины – военные и политические деятели – в известной книге, посвященной итогам Второй мировой войны³.

Отдадим должное нашему противнику в Великой Отечественной войне: немецкие женщины никогда не окапывались в траншеях в качестве стрелков или снайперов, не выносили на себе из боя раненых (для этого были санитары-мужчины), не водили в бой танки и не сидели за штурвалами самолетов. Наверное, только в Красной армии, да еще в Войске Польском можно было увидеть женщин, живущих в окопах на передовой наравне с мужчинами. Точно так же, как в мирное время их «фрау» не водили в полях

³ *Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги второй мировой войны: Выводы побежденных.* СПб., 1999. С. 469.

тракторы (как тут не вспомнить незабвенную Пашу Ангелину и тысячи других наивных, одураченных советских девчонок), не плавил сталь и не асфальтировали улицы. Что там ни говори, а немецкие фашисты уважали и любили своих женщин больше, нежели любили своих мы, носители «самой передовой в мире морали».

Тем не менее, совсем обойтись без участия женщин в военных и связанных с ними действиях, а также в экономике нацисты, конечно, не могли. Именно поэтому в январе 1943 года была объявлена трудовая мобилизация всех германских женщин в возрасте от 17 до 45 лет. При этом девушек и женщин направляли на работу в промышленность, сельское хозяйство, другие отрасли экономики, а также призывали на службу в военизированные формирования, в том числе во вспомогательные части СС. Из этого контингента нас интересуют прежде всего лагерные надзирательницы и лагерьный же медицинский персонал.

1.1. Надзирательницы СС в концентрационных лагерях

Таковые впервые появились в 1938 году в женском лагере Лихтенбург – прообразе печально знаменитого Равенсбрюка. Во время войны количество женщин-надзирательниц, естественно, значительно возросло (как и численность «контингента» в лагерях). Базой их подготовки стал упомянутый Равенсбрюк, в котором, напомним, за 1942–1945 годы обучались своему ремеслу примерно 3500 (в некоторых источниках – до 4000) будущих надзирательниц. Здесь они изучали не только свои прямые будущие обязанности, но и типовую структуру лагеря.

Что же касается структуры нацистских концлагерей, то она была универсальной и включала в себя прежде всего комендатуру, политический отдел и лазарет (ревир). Имеет смысл рассказать об этих подразделениях подробнее, чтобы у читателя сложилось представление о структуре концентрационного лагеря.

Комендатура возглавлялась комендантом лагеря и являлась непосредственно управляющим органом. В ее составе главными отделами были отдел управления лагерем, отдел труда и интендантский (экономический) отдел. Ведущую роль играл первый из них, возглавляемый одним или даже сразу тремя лагерфюрерами (работающими посменно). В их обязанности входило управление всей повседневной жизнью лагеря – проведение перекличек, соб-

людение распорядка дня и приведение в исполнение наказаний. Непосредственно лагерфюреру подчинялся старший надзиратель – рапортфюрер (или, в женском исполнении, – «рапортфюрерина»), контролирующий личный состав лагеря. В больших лагерях старших надзирателей также могло быть несколько. Соответственно под их началом находились блокфюреры, то есть блоковые надзиратели (например, в Равенсбрюке их насчитывалось около 150) и многочисленные рядовые надзиратели, по несколько на одного блокового. Эти рядовые надзирательницы отвечали за ежедневные переклички, формирование рабочих групп, а также за выполнение заключенными различных работ. Все эти должностные лица и были вершителями судеб заключенных.

К упомянутым трем отделам комендатуры можно еще добавить охрану лагеря, обычно являющуюся вооруженным подразделением СС из соединений «Мертвой головы». Правда, ближе к концу войны в охране лагерей нередко участвовали и подразделения вермахта.

Политический отдел был независим от комендатуры, представлял собой подразделение гестапо и подчинялся непосредственно РСХА. Его возглавлял криминальсекретарь, в подчинении которого находились следователи. Основная функция этого подразделения – слежка за заключенными и... персоналом лагеря. Поэтому и отношения политотдела с другими подразделениями обычно были напряженными. Вполне можно предположить, что все прочие сотрудники лагеря относились к служащим данного отдела как бездельникам, «за все болеющим, но ни за что не отвечающим» (полная аналогия с советскими политотделами).

И, наконец, медицинская служба – ремир – также была достаточно самостоятельным подразделением, не подчиняющимся напрямую комендатуре. Здесь заправлял главный врач-эсэсовец, в подчинении которого находились рядовые врачи, медсестры, аптекари и санитары. По единодушному мнению бывших заключенных, ремиры в лагерях напоминали скорее фабрики смерти, чем медицинские учреждения, так как вопросы излечения узников персоналом этих учреждений никогда не рассматривались всерьез.

Вышеописанная организационная структура присутствовала и в мужских, и в женских концлагерях. Существенным же различием между ними было разделение между «внешней» и «внутренней» охраной заключенных. Функции внешней охраны в любом лагере всегда оставались за мужчинами-эсэсовцами, в то время

как надзиратели-женщины охраняли внутреннюю область женского лагеря и входили таким образом в непосредственный ежедневный контакт с заключенными-женщинами.

Впрочем, половое разделение соблюдалось не всегда строго. Например, в Равенсбрюке оно существовало неукоснительно, чего нельзя сказать о Берген-Бельзене. Там время от времени из-за недостатка персонала внутренняя охрана также осуществлялась мужчинами СС. Лагерная статистика показывает, что на 15 января 1945 года в Равенсбрюке находились на службе 1008 мужчин и 546 женщин-надзирателей, а в Берген-Бельзене соответственно 277 мужчин и 12 женщин. Однако, согласно показаниям заключенных, фактическая численность женщин-надзирателей во втором лагере была значительно выше. По их оценкам, примерно 10% надзирателей СС в концентрационных лагерях были женщинами⁴.

Для надзирательниц СС существовали строгие правила. Они подчинялись юриспруденции СС и с весны 1940 года носили форменную одежду. Она состояла из серого⁵ костюма, со знаком имперского орла (но не черепа, как это обычно было в СС). В дальнейшем кроме костюма надзирательницам выдавались сапоги и головной убор. Они были вооружены дубинкой, пистолетом и плеткой. Нередко в сопровождение им выделялись специально обученные собаки. Надзирательницы СС считались имперскими служащими и получали зарплату согласно Положению о тарифах для служащих. Незамужняя надзирательница 25-ти лет зарабатывала ежемесячно 105 рейхсмарок «чистыми» (нам неизвестно, взимался ли с них подоходный налог). Надбавка за сверхурочную работу составляла 35 рейхсмарок. В сумме это были в то время неплохие для немецкой женщины деньги⁶. Зарплата надзирателей-мужчин была примерно такой же.

⁴ *Taake Claudia*. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. S. 31.

⁵ В большинстве художественных фильмов эсэсовцы почему-то одеты в черную форму – видимо, сказывается живучий стереотип.

⁶ Среднемесячный заработок в Германии в это время составлял, по разным оценкам, от 70 до 120 рейхсмарок. В то же время «народный автомобиль» – «Фольксваген» – стоил около 1000 рейхсмарок. И еще две цифры: генерал вермахта получал 2000, а фельдмаршал – 4000 рейхсмарок в месяц.

Об обязанностях и привилегиях надзирательниц так говорилось в стандартном письме Фрица Зурена, коменданта Равенсбрюка, адресованного вновь поступающим на службу: «На основании Вашего заявления о приеме на должность надзирательницы кратко доводим до Вас, какую работу Вы здесь должны будете исполнять. В концентрационном лагере Равенсбрюк находятся в заключении женщины, которые совершили различные нарушения закона, и теперь, чтобы предотвратить дальнейшие их преступления, они должны быть изолированы. За этими женщинами необходимо следить при их нахождении и в пределах, и вне лагеря. Вам не надо владеть никакими профессиональными знаниями для этой работы, так как речь идет лишь об охране заключенных. Надзирательницы являются имперскими служащими, получающими зарплату в соответствии с Положением о тарифах для служащих. Вы будете также бесплатно обеспечиваться форменной одеждой и частично нижним бельем. При соответствии занимаемой должности Вы имеете возможность занять должность начальника одного из внешних лагерей Равенсбрюка»⁷.

Кроме перечисленного, все надзиратели питались и получали продовольственный паек непосредственно в лагере, и им предоставлялись служебные квартиры. При этом незамужние женщины селились по двое в комнате, а замужние и матери-одиночки имели возможность размещаться в частном порядке вне лагеря. Надзирательницы, принятые на службу с 1943 года, могли, по крайней мере в Равенсбрюке, спать вне лагеря.

На службу принимались преимущественно женщины от 21 до 45 лет, не имеющие судимости и годные по состоянию здоровья. Предварительно они проходили трехмесячный испытательный срок, прежде чем их допускали к самостоятельной работе. Сначала они исполняли функции вспомогательных надзирательниц под началом «опытной» надзирательницы и только потом допускались к самостоятельной деятельности. Если же они уже были однажды надзирательницами, то имели шанс стать старшей надзирательницей.

Нельзя не сказать и о степени принадлежности надзирательниц к СС. Точной статистики на этот счет не сохранилось, но можно

⁷ *Schäfer Silke*. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. S.184.

предположить, что многие женщины из персонала концлагерей формально не были членами СС, будучи служащими вспомогательных подразделений этой структуры. При этом, как было сказано, они безусловно подпадали под юрисдикцию СС. В упомянутом стандартном письме комендатуры Равенсбрюка говорилось об этом так: «Ваша деятельность будет рассматриваться как военная служба. Вы будете состоять в вооруженных подразделениях СС. Поэтому условиями для Вашего приема являются Ваша несудимость в прошлом и физическое здоровье. Поэтому Вам предлагается предоставить нижеследующие документы: полицейское свидетельство о благонадежности, автобиографию, фотографию, медицинскую справку о состоянии здоровья и направление соответствующей биржи труда»⁸.

Заключенные должны были обращаться к надзирательницам «госпожа надзирательница», а поэтому их имена были редко известны. Их знали скорее под определенными кличками, которыми награждали их узники. Для большинства заключенных надзирательницы являли собой некий новый человеческий тип. Вот как описывает типичную надзирательницу Ханна Леви-Хасс, заключенная концлагеря Берген-Бельзена, в своем дневнике, который она вела с сентября 1944-го по апрель 1945 года:

«6 ноября 1944 года... Барак подвергается ежедневно строгому осмотру. Это делается молодой девушкой-эсэсовкой, «серой мышью», смотрящейся изящно и кокетливо в ее ладно сидящей униформе и сапожках до колен. Высокомерная и крикливая, она врывается в барак, сопровождаемая солдатом и еврейским лидером лагеря («Judenaltester»). «Серая мышь» делает преувеличенные жесты, провокационно резко выбрасывает свое тело в разные стороны и произносит театральные, рассчитанные на устрашение крики всякий раз, когда она видит плохо вымытую посуду или недостаточно тщательно убранную кровать.

Она может быстро и внезапно, не снимая перчатки, ударить заключенную по лицу, произведя звонкую пощечину. Без всякой видимой причины она ежедневно наказывает по крайней мере семь или восемь заключенных в каждом бараке тем, что оставляет их голодом. Ее единственная цель состоит в том, чтобы измываться, мучить и оскорблять. Ее посещения и не преследуют никакой другой цели».

⁸ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 182.

Другая бывшая заключенная, Лина Хааг, так описывала свои впечатления после ее прибытия в женский концлагерь Лихтенбург: «Надзирательницы-эсэсовки окружают нас, как серые волки. Я впервые вижу этот новый, идеальный тип немецкой женщины. У одних пустые, у других свирепые лица, но у каждой одна и та же вульгарная складка у рта. Они шагают взад и вперед большими шагами в серых развевающихся накидках, на весь двор гулко звучат их команды, огромные овчарки, которых они держат на поводке, стремительно и угрожающе рвутся вперед. Женщины эти неправдоподобны, внушают страх, напоминают о мрачных легендах, безжалостны и, наверное, много опаснее свирепых эсэсовских палачей, ибо они женщины. Женщины? Сомневаюсь в этом. Это могут быть лишь существа, существа с серыми псами и всеми инстинктами и дикостью своих псов. Это чудовища»⁹.

Дисциплина среди надзирательниц была обычной немецкой дисциплиной. Если надзирательницы совершали проступки, вступая в «любые личные отношения с заключенными» или из-за «недостаточной внимательности» при охране или краже заслуживали наказания, то они наказывались в зависимости от вида недозволённых действий (зачастую переводились в другое место). При этом жестокость по отношению к заключенным практически поощрялась. Например, в то время как «кража имперской собственности» наказывалась тремя месяцами тюрьмы с последующим увольнением, за «убийство заключенного из-за неосторожного обращения со служебным пистолетом» полагалось лишь пять дней «мягкого ареста». Тем не менее, известен ряд случаев, когда эсэсовцев наказывали весьма и весьма сурово. Например, штандартенфюрер СС Карл Кох, комендант Бухенвальда и Майданека, был казнен по приговору суда СС за «незаконное (!) убийство двух заключенных» и «незаконную деятельность» (судя по всему – за воровство и другие преступления). Такая же участь постигла и другого коменданта Майданека – Германа Флорштедта¹⁰.

⁹ Хааг Лина. Горсть пепла. М., 1981. С. 168.

¹⁰ Кстати, о том, как сложились судьбы комендантов концлагерей. На сайте www.ess.uwe.ac.uk/ можно найти сведения о 56 наиболее известных комендантах. Из них 42 были казнены, трое покончили с собой, один был убит, 9 осуждены к лишению свободы и только один остался безнаказанным. По этим цифрам видно, как несладко пришлось комендантам гитлеровских концлагерей. В отличие от их коллег – комендантов сталинских лагерей.

Специальным циркуляром от 17 января 1944 года комендантам концентрационных лагерей запрещалось самовольно подвергать наказанию надзирательниц СС. Это решение должно было приниматься на уровне ВФХА – Главного административно-хозяйственного управления РСХА, которому были подведомственны лагеря. Если надзирательница и наказывалась арестом, то обычно и после этого она продолжала свою службу. Причинами же увольнения были обычно хронические болезни и беременность. Редко случалось, когда надзирательниц увольняли как «неисправимых»: для этого надо было получить несколько взысканий. Если же женщина была наказана только однажды, то ей было сложно уволиться по собственному желанию. Штрафные перестановки и увольнения производились только при какой-то «экстремальной» необычности надзирательницы. Причиной тому был почти хронический, как это ни странно, недостаток женского персонала в СС.

Нам известны три вида призыва надзирательниц: добровольное вступление женщин в СС, наём и привлечение к отбыванию трудовой повинности (впрочем, принципиальная разница между первым и вторым способом не ощущается. Видимо, в первом случае инициатива исходила от потенциальной претендентки, а во втором – от заинтересованных органов). Стимулы же были преимущественно финансового рода. Кроме того, женщин привлекал статус имперской служащей. Первое время потенциальных надзирательниц набирали с помощью газетной рекламы и биржи труда, которые расхваливали эту работу как «легкую физическую деятельность». При этом чаще всего обращались к женщинам, которые были безработными, одинокими, а зачастую – без необходимого для трудоустройства образования. Как особенную квалификацию рассматривали опыт работы надсмотрщицей, а хорошая оплата была дальнейшим стимулом.

Обычно добровольно на службу в лагерь шли женщины из близлежащих населенных пунктов. Кстати, таких было немало. Например, в Равенсбрюке на места надсмотрщиц претендовали многие женщины, проживавшие в близлежащем Фюрстенберге и прилегающих деревнях. Таким образом они радикально решали проблему своего трудоустройства, поступая на хорошо оплачиваемую работу вблизи от дома. Такие добровольные надзирательницы пользовались определенными преимуществами по отношению к военнообязанным. Во-первых, они жили у себя дома, а

во-вторых, у них всегда была возможность подать начальству рапорт об увольнении по уважительным (прежде всего – семейным) причинам. Вот только пользовались этим правом немногие¹¹.

В 1944 году Генрих Гиммлер в своем циркуляре в учреждения СС сообщил, что СС нуждается в женщинах-помощницах больше, чем это обеспечивает их добровольный набор. Рейхсфюрер потребовал от получателей циркуляра усиления работы по найму молодых девушек и женщин, так как растущее количество заключенных в концентрационных лагерях делало это абсолютно необходимым.

Надо сказать и о еще одной «странности» гитлеровского режима (она вполне роднит его с режимом сталинским): он испытывал неудобство от того, что далеко не все женщины приходили в надзирательницы добровольно, а многие рекрутировались биржами труда. Желательна же была именно добровольность (!). По этой причине один из начальников концлагеря Равенсбрюк предпринял даже в середине 1943 года настоящую рекламную поездку, в ходе которой он на промышленных предприятиях агитировал женщин и девушек в надзирательницы. В результате были завербованы уже работающие женщины, да еще не самые дисциплинированные, то есть позволяющие себе «ослабление трудовой морали». Поэтому не от хорошей жизни уже с августа того же года в Равенсбрюке регулярно стали проводиться так называемые «мировоззренческие обучения» (видимо, аналог советских политзанятий), имеющие целью быстро сформировать надежных надзирателей из завербованных женщин¹².

Привлечение женщин для работы в военной промышленности через биржи началось уже в 1940 году. Но этот процесс шел вяло, и оживление наступило только к концу 1942 года, когда экономика Германии прочно работала в режиме военного времени. В конце концов, 27 января 1943 года появилось упомянутое нами «Предписание о привлечении мужчин и женщин для целей имперской обороны», но оно было ориентировано прежде всего на квалифицированных работников, а поэтому многие женщины не были им затронуты. В результате большинство женщин из состоятельных семей не были вовлечено в экономическую деятельность, а, на-

¹¹ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 34.

¹² *Ibid.* S. 34–35.

против, «Предписанием» были затронуты преимущественно женщины менее обеспеченные – либо уже работающие, либо безработные.

Тем не менее, принятые меры дали неплохие результаты: количество привлеченных женских рабочих рук быстро возрастало в течение всего 1943 года и достигло пика в 1944 году. Не исключено, что к биржам труда применялись какие-то государственные меры воздействия, так как число добровольцев в это время даже превысило на какой-то момент число рабочих мест в лагерях¹³.

У гражданских служащих предприятий по производству вооружения была и другая возможность для обязательного призыва на лагерную работу. Дело в том, что когда в 1943 году началось усиленное использование труда заключенных концлагерей в военной промышленности, то именно ее предприятия были обязаны поставлять в лагерь надзирателей. Только предприятия, предоставившие достаточное число надзирательниц, могли получать дешевую рабочую силу. Таким образом, женщины, которые работали на них, часто становились надзирательницами в концлагерях.

Эта самая большая группа принудительно-обязанных надзирательниц породила, однако, для лагерей новые проблемы. Так, в приказе комендатуры концлагеря Равенсбрюк от 24 июля 1942 года отмечалось, что «не размещенному в казармах вспомогательному персоналу» сильно не хватает дисциплины, надзирательницы часто прибывают на службу только (!) к началу работы и уставшими, так что нередко засыпают во время службы¹⁴. Надзирательницы, со своей стороны, часто официально жаловались на недостаток свободного времени и «плохое состояние их квартир» (типичная, кстати, жалоба немецких женщин, которые рассматривали неухоженность жилья как свое серьезное женское упущение. У советских женщин проблемы зачастую лежали в другой плоскости).

Тем не менее, как мы уже отмечали, попыток уйти с надзирательской работы было сравнительно немного. Абсолютное большинство женщин-надзирательниц рассматривали свое пребывание в лагере не только как финансово выгодную деятельность, но и как исполнение своего долга перед Германией.

¹³ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 35.

¹⁴ *Ibid*. S. 36.

1.2. Врачи и медицинские сестры СС в концентрационных лагерях

Они служили в женских концентрационных лагерях, в других лагерях с женскими отделениями, а также в управлениях СС по концентрационным лагерям, во фронтовых военных госпиталях и в полицейских участках СС. Все они состояли в соответствующем имперском союзе и были подчинены юрисдикции СС. Бывшие узники после окончания войны почти единогласно утверждали, что эти женщины не только не имели никакого желания помогать больным, но и убивали их неоднократно. Неудивительно, что это утверждение часто встречается и в исследованиях, посвященных концлагерям¹⁵.

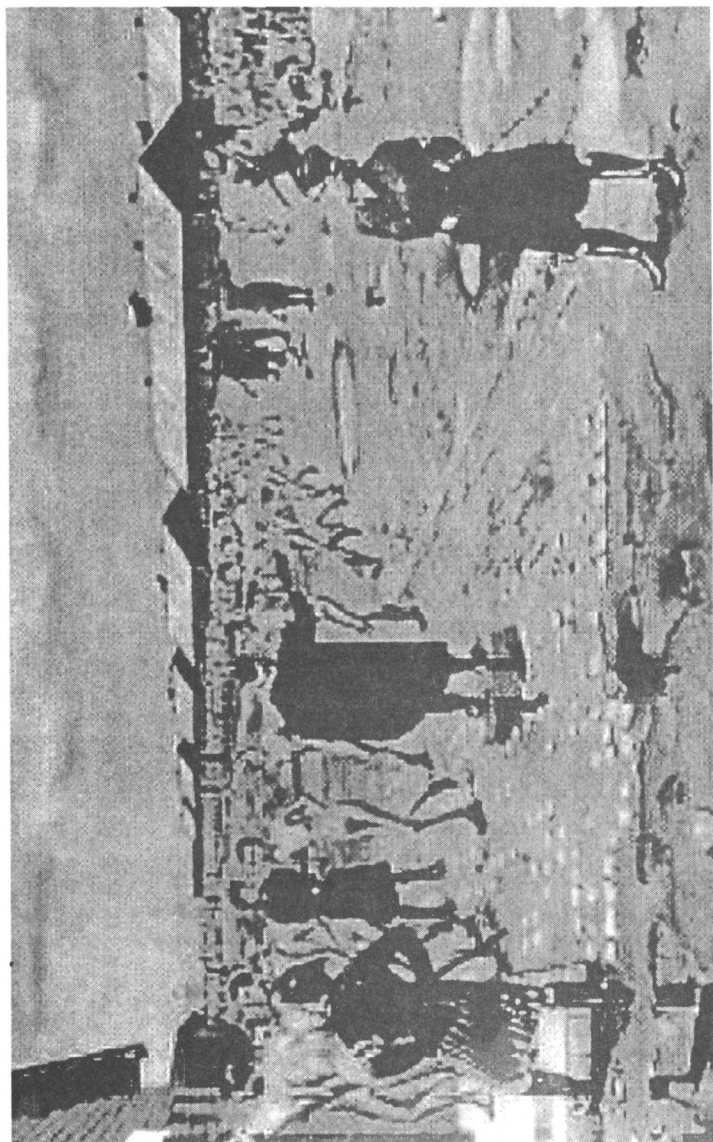
Кто спорит: действительно, состояние здравоохранения в лагерях было плачевным, а врачи и медсестры СС нередко ничего не делали для того, чтобы изменить ее к лучшему. Но не будем оценивать всех одной мерой. Были и другие, пусть даже их было мало. Вспомним только одну – австрийку Марию Штромбергер, служившую старшей медсестрой в эссовском госпитале в Освенциме в 1942–1944 годах. Эта отважная женщина оказывала лагерному подполью бесценную помощь – осуществляла его связь с внешним миром (кстати, видимо, именно благодаря в том числе и ей разведслужбы союзников были в курсе того, что происходит в Освенциме. Порой эти сообщения, к великому неудовольствию нацистов, появлялись и в западных средствах массовой информации). Кроме того, она помогала заключенным доставать продукты питания и медикаменты. (Тем не менее есть основания полагать, что и ей пришлось после войны пережить всю горечь несправедливых обвинений.) Жизненный пример Марии Штромбергер – еще одно доказательство того, что и в самых тяжких условиях человек может оставаться Человеком.

Необходимо отметить, что из женщин-врачей и медсестер СС в историографии нацистских лагерей осталось не так много имен. Большинство из этих лиц считается в той или иной степени причастным к проведению преступных экспериментов над живыми людьми – узниками концлагерей. При этом чаще всего в литературе упоминаются доктора Герда Оберойзер, Эрика Кёлер, Герда

¹⁵ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 30.

Вейанд и медицинские сестры Эрна Бехмер, Марта Хааке, Герда Ганцер, Лисбет Крцок, Элизабет Маршалл, Кармен Мори и Вера Зальвекварт. Некоторые из них не были привлечены к ответственности (например, Г.Вайанд, Э.Бехмер и Э.Кёлер), другие же понесли различные наказания вплоть до самого тяжкого (Э.Маршалл, К.Мори и В.Зальвекварт – приговорены к смертной казни).

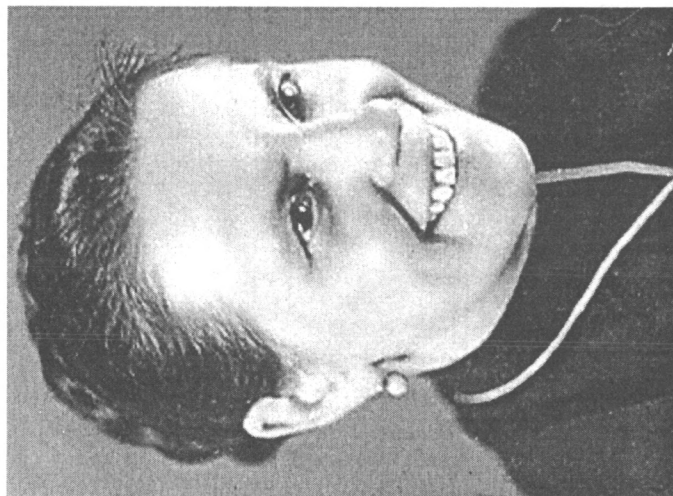
Здесь надо также сказать, что к работе в качестве младшего медицинского персонала иногда привлекались сами же узницы лагерей, имеющие хоть какую-то медицинскую подготовку. Именно это случилось с Г.Ганцер, К.Мори и В.Зальвекварт. При этом они оказались втянутыми в нацистские преступления, за что и понесли суровое наказание. О судьбах этих и других женщин рассказывается в нашей книге.

Так художник изобразил сцену из лагерной жизни

Карл Кох, один из самых известных
командантов гитлеровских концлагерей.
Расстрелян по приговору своего же
эсэсовского суда

Мария Штрөмбергер
(1898–1957).
Послевоенная фотография

2. Уголовное преследование нацистских военных преступников и денацификация Германии

Считается, что идея наказания нацистских преступников за совершенные злодеяния впервые была высказана Президентом США Ф.Рузвельтом 7 октября 1942 года, когда он заявил о намерении союзников наказать нацистских главарей, «ответственных за организованное убийство тысяч невинных людей и нарушивших все принципы Христианской веры». Ровно через месяц, 7 ноября, аналогичную мысль высказал И.Сталин в своем выступлении на торжественном заседании в Москве: «Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Между тем не все знают, что уже 12 января 1942 года в Лондоне собрались представители девяти оккупированных Германией стран¹ с тем, чтобы привлечь внимание мирового общественного мнения к преступлениям нацистов, совершаемых на территориях этих стран. В принятой на этом совещании декларации осуждался нацистский «режим ужаса, сопровождающийся заключениями, массовыми изгнаниями, казнями заложников и убийствами» и звучал призыв к «наказанию посредством организованного правосудия виновных или ответственных за эти преступления».

Конкретное воплощение эти намерения получили в Московской декларации от 30 октября 1943 года. Декларация гласила, что германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, ответственные за военные преступления, будут отосланы в страны, где они совершили свои преступления и там преданы за них суду. Текст декларации был подготовлен У.Черчиллем.

¹ Бельгии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Франции, Чехии и Югославии.

Меньше известен тот факт, что уже 26 октября того же, 1943-го, года в Лондоне собралась Комиссия по военным преступлениям, составленная из 15 представителей союзнических наций, чтобы обсудить предстоящие (!) суды над немецкими военными преступниками. Таким образом, практическая работа по подготовке послевоенных процессов началась уже задолго до окончания войны.

Вопрос о привлечении к ответственности и наказании нацистских преступников обсуждался также на всех конференциях трех ведущих держав-победительниц – Тегеранской в 1943 году, Ялтинской и Потсдамской в 1945 году. На последней Г. Трумэн, И. Сталин и К. Эттли (он накануне стал премьер-министром, заменив на этом посту У. Черчилля) решили «нацистских руководителей партии, влиятельных сторонников нацистов и руководителей нацистских учреждений (...) арестовывать и интернировать».

Собственно говоря, это решение реализовывалось уже с момента разгрома Германии. Непосредственная подготовка к судебным процессам по делам военных преступников началась сразу же после ее оккупации. К лету 1945 года были созданы все важнейшие организационные предпосылки для подобных процессов. Как известно, наиболее ярким проявлением общей воли держав-победительниц в этом вопросе стал «суд народов» – знаменитый Нюрнбергский процесс. Но не надо забывать, что он был лишь верхушкой айсберга: помимо него состоялись сотни процессов над преступниками меньшего ранга.

При этом расторопнее всех союзников оказались англичане. В середине июля 1945 года особый приказ военного министерства Великобритании установил, что британские главнокомандующие получали право созыва военных судов для проведения судебных процессов по делам военных преступников. Как только эти особые полномочия были ими получены, процессы должны были начаться в самом скором времени. На них как военные преступники должны были судиться только лица, которых обвиняли в нарушении права войны, то есть в убийствах или истязаниях военнопленных или жителей оккупированных стран.

Организация и порядок функционирования британских военных трибуналов очень хорошо описаны в работе цитируемой нами Клаудии Тааке². В общих чертах это выглядело следующим образом.

² *Taake Claudia*. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998.

В зоне оккупации Великобритании было установлено, что суды формируются в составе пяти или семи британских офицеров. В случаях, когда подсудимый обвинялся в военных преступлениях вне Германии, офицер соответствующей страны мог допускаться как заседатель (именно так и произошло на первом Равенсбрюкском процессе, где в качестве заседателя участвовал представитель Польши). Хотя военно-полевые суды из офицеров существовали и ранее, но судопроизводство уже не должно было вестись подобно тому, как это делалось в условиях военного времени. Для послевоенных процессов вырабатывался поэтому особенный порядок ведения, который должен был гарантировать быстрое и справедливое решение по законам британской юстиции, и ни один подсудимый не мог быть казнен или подвергнут любому другому наказанию без суда.

Порядок функционирования британского военного суда определялся королевским поручением, изложенным в «Правилах для уголовных преступлений» от 14 июня 1945 года в соответствии с действующим Положением о военных судах. Таким образом, британский военный суд состоял, как уже было сказано выше, из 3–5 офицеров в качестве судей, председателя суда, обвинителя и квалифицированного юриста как консультанта. При этом и защитники, и обвинители были служащими британской армии.

Консультант (адвокат), являясь квалифицированным юристом, должен был консультировать судей во всех юридических и процедурных вопросах и помогать в приведении доказательств. Он не принимал участия сам в обсуждении приговора, но давал перед тем заключительный обзор о правовом статусе и состоянии доказательной базы процесса. В процессах, не имеющих большого значения, консультант часто не привлекался: там хватало и того, что председатель или один из заседателей юридически был квалифицирован.

Если в первых британских процессах защитники были молодыми английскими офицерами, которые выбирались по их «симпатиям к фашистской партии в Англии» (такую разнузданную демократию нам, россиянам, и сейчас понять нелегко), то обвиняемые в гамбургских (равенсбрюкских) процессах уже имели немецких адвокатов. Вместе с тем британцы хотели доказать их беспристрастность. Все заседания судов были публичными. Приговор должен был быть утвержден более высоким офицером. Возражения

против вынесенного приговора могли оформляться как «особое мнение».

На решение суда не принимались никакие апелляции. Тем не менее осужденный мог подать прошение компетентному в утверждении командиру о помиловании или смягчении наказания. Военный министр или каждый уполномоченный им офицер (который должен был занимать должность по меньшей мере генерал-майора) мог смягчать вынесенный приговор или утверждать его, при условии, что его власть или звание позволяли сделать это³. (Например, после первого Берген-Бельзенского процесса это сделал фельдмаршал Монтгомери.)

В случае осуждения суды были правомочны выносить смертные приговоры, наказания лишением свободы, а также назначать имущественные взыскания. Имущественные взыскания и назначение денежных штрафов должны были практически обеспечить возможность для возмещения причиненного ущерба. Вышеупомянутый приказ предусматривал также, что осужденный мог подавать апелляцию. Решение по этим апелляциям должны были приниматься незамедлительно.

Процедура запланированных процессов была точно расписана. Сначала подсудимый должен был в ответ на заданный ему вопрос о том, признает ли он себя виновным, произнести всего лишь одно слово: «виновен» или «не виновен». Затем же он был в какой-то мере зрителем на собственном суде. Здесь в противоположность немецким судам, которые ставили допрос подсудимых на передний план, свидетельские показания играли более важную роль. Подсудимый не имел возможности говорить непосредственно, а должен был ждать своей очереди на перекрестный допрос. Это происходило только в том случае, если судебное следствие было закрыто.

Приговор распадался на две части. Сначала подсудимый признавался либо «виновным», либо «невиновным». Во второй же части провозглашалась мера наказания. Защитник мог выступать по ходу судебного заседания, но просить о снисхождении и говорить о смягчающих обстоятельствах мог только после вынесения приговора. Чтобы относиться к каждому подсудимому в высшей степени непредвзято, суд узнавал о возможных прежних судимостях обвиненного только после оглашения приговора.

³ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 33.

Что касается военных судов в других оккупационных зонах – американской, советской и французской, то условия их функционирования хотя и имели некоторые отличия (вызванные, прежде всего, особенностями национального судопроизводства), но в целом служили одной согласованной цели – наказанию нацистских преступников. Например, на Берген-Бельзенском процессе фигурантам предъявлялись обвинения в индивидуальных убийствах людей, внесенных в специальный список, в то время как на Нюрнбергском процессе, а также процессах персонала концлагерей Бухенвальд и Дахау в индивидуальных убийствах никто не обвинялся.

Нельзя не сказать, что судебное преследование нацистских преступников в зонах влияния союзников проводилось в рамках многостороннего и обширного процесса, получившего в исторической литературе название «денацификация». Само это понятие имело двойной смысл. Во-первых под ним понималось «политическое очищение» и преобразования в оккупированной Германии, а во-вторых – процесс проверки анкет должностных лиц с последующим принятием решений о том, должны ли увольняться определенные лица из государственных учреждений и заменяться на политически благонадежных людей. Увольнение представляло собой мероприятие скорее профилактическое, а интернировались, напротив, те немцы, которые рассматривались как лица, представляющие угрозу для оккупационных войск. К этой категории относились в первую очередь так называемые «подозреваемые военные преступники», т.е. люди, которых должны были обвинять в преступлениях. Кроме того, интернирование производилось на основании изданного в апреле 1945 года «Справочника категорий арестованных», который и служил указанием к действию для производства арестов. Согласно ему все члены нацистского руководства были разделены на 6 категорий по степени опасности.

Многочисленные аресты начались сразу же с приходом союзнических войск. От страха натолкнуться на сильное национал-социалистское движение сопротивления примерно 30 000 человек были интернированы с самого возникновения британской зоны оккупации⁴. К арестам предполагаемых военных преступников военные власти в британской оккупационной зоне были подготовлены, по мнению некоторых исследователей, плохо. Правда, в апреле 1945 года фельдмаршал Монтгомери назначил специальные «ко-

⁴ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 37.

манды по расследованию преступлений», но имелись лишь три такие группы, состоявшие из четырех офицеров каждая. Все же британцы арестовали до июня 1946 года тысячи потенциальных военных преступников. Кроме того, имелись списки, содержавшие данные на эту категорию лиц. Эти списки должны были помочь при поисках среди уже интернированных людей.

«Подозреваемые военные преступники» должны были размещаться в отдельных, огороженных колючей проволокой зонах полевых лагерей, чтобы исключить любые их несанкционированные контакты с внешним миром (хотя в реальности это трудно было соблюсти, например в лагерных госпиталях). К 1949 году только через британские лагеря интернированных на территории Германии прошли 90 614 человек. Из них более 71 000 человек интернировались уже в первом послевоенном году, а большинство из этого количества (примерно 65 000 человек) интернировались автоматически, так как относились к «арестным» категориям⁵. Сам арест производился вполне обыденно: либо по месту постоянного проживания подозреваемых, либо в тот момент, когда они обращались за оформлением различного рода бумаг. Этому способствовали (как тут не вспомнить!) знаменитые немецкие законопослушание и дисциплина.

Как это было принято в лагерях любой страны, интернированные сразу же подвергались пропагандистской обработке. Надо отдать должное британским спецслужбам: уже в октябре 1944 года в их недрах обсуждался вопрос о том, какой материал может быть использован для перевоспитания немецкого народа. В результате решено было создать фильм под названием «Мельницы смерти» как основное средство информации о зверствах немцев. В нем рассказывалось о преступлениях в нацистских концентрационных лагерях, и англичане надеялись, что немецкое население узнает масштабы этих зверств и испытает соответствующее чувство вины.

Параллельно пропагандистской, в лагерях велась, естественно, и агентурная, «оперативная», работа. При этом чины британской армии и доверенные лица среди задержанных, например врачей или священнослужителей (некоторые из них шли добровольно в лагерь, чтобы помогать пленникам), выполняли роль осведомителей. Надо сказать, что здесь было широкое поле деятельности: ведь

⁵ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 40.

первое время, примерно до весны 1946 года, интернированные сами толком не знали, почему они находились в заключении (факт наличия «автоматических категорий ареста» от них скрывался). Многие из интернированных были абсолютно уверены в грядущей новой мировой войне между западными оккупационными властями и Советским Союзом и предполагали, что они должны были использоваться для этого, то есть выдавали желаемое за действительное. Это происходило чаще всего у бывших эсэсовцев и высших офицеров, но с течением времени, что интересно, таких интернированных становилось все больше и больше.

Кроме изучения «общественного мнения» оперативная работа помогала выявить и конкретных военных преступников, в том числе и для выдачи их органам правосудия тех стран, где они совершали преступления. Надо сказать, что самый большой страх интернированных испытывали перед выдачей «восточным» странам: Советскому Союзу, Польше, Чехословакии, Югославии. При этом больше всего таких выдач пришлось на Польшу. Зная масштабы злодеяний в этой стране и предвидя беспощадность польских судов, конкретные фигуранты нередко кончали жизнь самоубийством, когда узнавали о своей предстоящей выдаче. Почему-то (особенно первое время, пока в союзнических оккупационных зонах не прошли первые процессы) интернированные очень рассчитывали на снисходительное к себе отношение со стороны хотя бы англо-американцев. Правда, разочарование пришло сразу же, как только союзники начали десятками вешать бывших нацистов по приговорам судов...

Функционирование подобных лагерей неизбежно сопровождалось и еще одной проблемой: интернирование и долговременное содержание под стражей десятков тысяч человек было непростой задачей даже для отлаженной машины материально-технического снабжения союзников. При том, что общая экономическая ситуация в послевоенной оккупированной Германии была катастрофической. Так, в трех западных оккупационных зонах было разрушено 45% жилых помещений. В имеющемся же жилом фонде часто размещались оккупационные войска. Жилищный кризис усугублялся еще и тем, что в последние месяцы войны в Западную Германию прибыло примерно 10 миллионов беженцев из бывших немецких восточных областей. При этом из-за неравномерной половозрастной структуры населения возник дефицит рабочей силы на рынке: с одной стороны, имелось избыточное предложение

служащих и неквалифицированных рабочих, а с другой – не хватало квалифицированных рабочих, и прежде всего мужчин. По этой причине женщины нередко использовались на тяжелых физических работах. Однако самой большой проблемой британского управления было плохое состояние здоровья населения, что было вызвано недостаточным уровнем питания.

В течение 1945 года, а тем более суровой зимой 1945/1946 года (суровой, конечно, по меркам Средней Европы) потребность в продуктах питания для 23 миллионов жителей британской оккупационной зоны ежемесячно составляла многие десятки тысяч тонн. Ввиду такого плохого положения со снабжением страны, в целом ситуация с интернированными отходила на задний план, то есть лагеря попросту снабжались по остаточному принципу. Поэтому численность категории «автоматического ареста» неуклонно снижалась с зимы 1945/1946 года, и ее удельный вес в общей численности интернированных больше уже не увеличивается.

Британское военное министерство имело всего девять лагерей для интернированных лиц. Самым, пожалуй, известным (и в то же время типичным) из них был лагерь под названием Падерборн-Штаумюле. Во время режима национал-социалистов на территории этого лагеря размещался гарнизон войск СС. После окончания войны здесь несколько месяцев находился лагерь для перемещенных лиц. Лагерь для интернированных был оборудован в июле 1945 года и просуществовал три года.

Сам лагерь состоял из пяти разделенных друг с другом полевых лагерей и госпиталя, в котором работали и сами интернированные. Падерборн-Штаумюле был самым большим лагерем подобного рода в британской зоне оккупации. В апреле 1946 года там содержалось более 10 000 человек, из них примерно 850 женщин⁶. Сравнительно большая смертность в данном лагере объясняется тем, что условия жизни и обеспечение питанием в нем было хуже, чем в любом другом лагере. Первый случай смерти от истощения, произошедший уже в ноябре 1945 (!) года, стал предметом разбирательства в британской оккупационной администрации, которая попыталась улучшить условия жизни в лагере. В апреле 1946 года лагерь посетила специальная инспекция, а два месяца спустя в нем побывали английские парламентарии. К этому

⁶ *Taake Claudia*. Op. cit. 1998. S. 44.

времени средний вес интернированных уже вырос примерно на семь килограммов.

Весной 1946 года в пределах лагеря был создан особый лагерь для предполагаемых военных преступников, огороженный колючей проволокой. Он был назван «лагерем для интернированных преступников», и в нем содержалось примерно 370 высоких чинов СС и функционеров нацистской партии – кандидатов на выдачу другим странам и тех, кто мог понадобиться уже заседавшему Нюрнбергскому военному трибуналу. Окончания этого процесса большинство интернированных ожидали с нетерпением. И тому были причины. Во-первых, весной 1946 года всем содержащимся в лагерях было объявлено, что они должны будут оставаться там еще неопределенное время до тех пор, пока не будет объявлен приговор Нюрнбергского процесса. А во-вторых, опять же большинство заключенных были уверены, что Международный военный трибунал вынесет оправдательный приговор, а значит, они, как исполнители приказов вышестоящего командования, будут освобождены. И снова – разочарование.

Таким образом, пресловутое немецкое законопослушание сыграло с интернированными злую шутку: они не были готовы к возможности нести ответ за свою принадлежность к СС или другой организации национал-социалистов. И совершенно неожиданным для многих из них было признание Нюрнбергским трибуналом НСДАП, СС, гестапо, СД и других структур Третьего рейха преступными организациями. Как сообщают источники, после этого «общее настроение упало, интернированные чувствовали себя несправедливо униженными»⁷.

Итак, с 1946 года военные трибуналы союзников заработали на полную мощность... Каковы же были итоги их деятельности? Опубликованные на Западе цифры говорят следующее: в американской зоне оккупации было привлечено к судебной ответственности 1941 человек. Из них всего было осуждено 1517 человек, в том числе к смертной казни – 324, к пожизненному заключению – 247, к различным срокам лишения свободы – 946. В британской зоне оккупации всего было осуждено 1085 человек, в том числе к смертной казни – 240. Во французской зоне оккупации было осуждено 2107 человек, в том числе к смертной казни – 104

⁷ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 46.

человека. Наконец, в советской зоне оккупации было осуждено 17 866 человек (меры наказания неизвестны)⁸.

Таким образом, согласно приведенной статистике, общее число осужденных в 1945–1949 годах в трех зонах оккупации союзников составило 4709 человек. Правда, в широкой литературе чаще фигурирует другая, близкая к приведенной, цифра – 5025 человек. Из них к смертной казни было приговорено, как нетрудно сосчитать по приведенным нами цифрам, 668 человек (в литературе обычно фигурирует цифра «более 500 человек»). Наконец, казнено было 407 человек (обычно пишут «более 400»).

Как мы уже отмечали, в трех союзнических зонах (помимо советской) особенную активность проявили британские оккупационные власти. И понять их можно: наконец-то им предоставилась возможность рассчитаться за варварские бомбардировки английских городов, за позор Дюнкерка, за обман Мюнхена. Всего британцы провели в своей зоне 357 (!) процессов, при этом в 314 процессах фигурировало 989 немецких граждан. Для «обслуживания» такого большого количества обвиняемых одновременно функционировали от 2 до 8 военных судов⁹.

При этом большинство британских процессов касались преступлений против группы лиц, на которых привлекались к ответственности коменданты, надзиратели и другой персонал концентрационных лагерей: Берген-Бельзена, Аушвица (Освенцима), Гросс-Розена, Ладе-Везера, Нойграбен-Тифштака, Нойенгамма, Равенсбрюка, Зазеля, Штокен-Алена и Найтсвеллер-Штрутофа. Именно на этих процессах были осуждены к смертной казни 13 женщин – бывших надзирательниц и медицинских работников, причем помилована была только одна (Герда Ганцер), одна покончила с собой до казни (Кармен Мори), судьба еще одной неизвестна (Элла Шмидт), а остальные 10, несмотря ни на что, были повешены. Их биографии и преступления рассматриваются в данной книге.

Но, видимо, такая решительность и суровость военных судов устраивала не всех даже в странах-победительницах. Так, в Великобритании критика судебных процессов по делам военных прес-

⁸ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 28–29.

⁹ *Ibid.* S. 32.

тупников нарастает уже с 1946 года. Это привело к тому, что британское правительство лейбористов во главе с премьер-министром Эттли в 1949 году прекращает деятельность военных судов¹⁰. Мало того, начинается поэтапная кампания по сокращению сроков наказаний уже осужденным союзническими военными судами военным преступникам. Так, с 1 сентября 1949 года при «хорошем поведении» сокращалась треть срока. Со 2 февраля 1950 года пожизненное заключение превращалось в 21 год заключения. С 3 декабря 1951 года в срок заключения стали засчитывать срок предварительного заключения (тут, правда, нечего возразить по существу). Наконец, с 4 апреля 1955 года максимальный срок заключения, был снижен до 20 лет. Таким образом, в 1957–1958 годах тюрьмы союзников покинуло большинство осужденных. Это, правда, никоим образом не означало, что нацистские преступники в союзных оккупационных зонах отныне могли чувствовать себя спокойно.

Начало этого процесса «гуманизации» совпало по времени с началом «холодной» войны. Это, в свою очередь, дало повод советским средствам массовой информации в течение многих последующих лет утверждать, что на Западе, особенно в Западной Германии, «нашли убежище» и «преспокойно живут» многие тысячи нацистских преступников (что было, конечно, явной ложью). О непопулярности в нашей стране темы наказания за преступления против человечности мы уже говорили. Добавим только, что именно поэтому в нашей стране в общем-то замалчивалась информация о том, какое наказание понесли многочисленные коменданты и надзиратели фашистских концлагерей, видные эсэсовцы и функционеры нацистской партии, не попавшие в руки советского правосудия. В результате абсолютное большинство россиян просто не знает, что после Второй мировой войны прошел целый ряд (сотни!) судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками как в оккупированных Германией странах, так и в ней самой.

¹⁰ Таким образом, первым британским судебным процессом по делу военных преступников был первый Берген-Бельзенский процесс (проходил с 17 сентября по 17 ноября 1945 года), а последним – процесс генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна (проходил с 23 августа по 19 декабря 1949 года).

После же 1949 года суды над военными преступниками проводились уже в Федеративной Республике Германии, созданной на территории упомянутых трех зон оккупации. Видимо, последний из таких судов состоялся совсем недавно – уже в 2002 году. На нем был осужден 93-летний (!) нацист. (Вспомним, как примерно в это же время российские СМИ лили крокодиловы слезы и расплывались в сочувствии бывшему энкавэдэшнику, привлеченному к ответственности в одной из стран Балтии. А ведь сами же еще в недавнем прошлом громко вещали о том, что «к подобным преступлениям не должен применяться срок давности».)

Годом раньше в германских СМИ появилось такое сообщение:

24 Апреля 2001 г.

**В Германии начался суд
над очередным нацистским преступником**

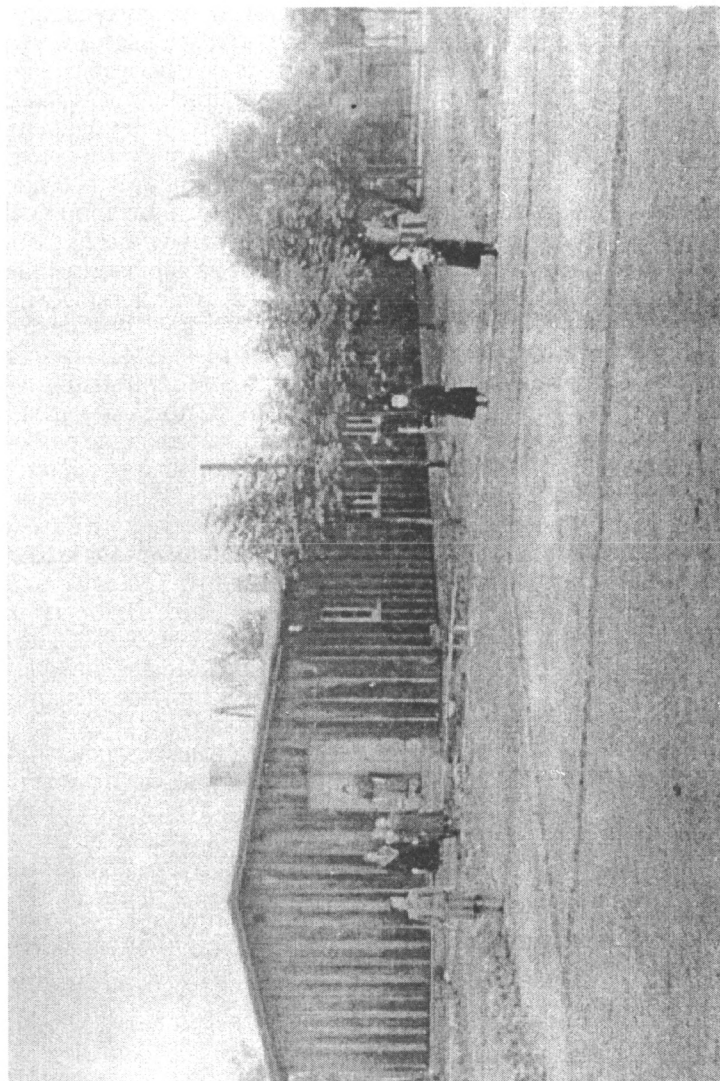
Возможно, что он станет последним в истории осужденным за преступления совершенные на службе третьему рейху. Перед судом предстал бывший офицер «СС» Антон Мэллот. Ему 89 лет. Он почти слепой и страдает раковым заболеванием. Из-за слабого здоровья подсудимого слушание его дела проходит прямо в одной из мюнхенских тюрем, куда его перевезли из дома престарелых. Несмотря на многочисленные заболевания суд решил, что Мэллот дееспособен и вполне в состоянии отвечать за свои преступления. Он служил охранником в концентрационном лагере Терезиенштадт близ Праги. Как утверждают свидетели, в сентябре 1943 года он застрелил заключенного-еврея, который был виноват лишь в том, что пытался спрятать под тюремной робой качан цветной капусты. В январе 45-го Мэллот заставил двух заключенных раздеться до гола, а третьему приказал поливать их водой до тех пор, пока несчастные не превратились в ледяные глыбы. Судья призвал бывшего нациста облегчить душу и признаться во всем. Но пока Антон Мэллот отрицает свою вину.

Добавим к сказанному, что в настоящее время (2005 год) в Германии отбывает пожизненное тюремное заключение одна из самых одиозных надзирательниц Майданека и Освенцима – 88-летняя Луиза Данц (наверное, только она да еще 84-летняя

Герда Боте остались в живых из всех осужденных эсэсовок). В 1947 году Данц уже была приговорена к пожизненному заключению, а спустя 8 лет помилована польским правительством. Но в 1996 (!) году по вновь открывшимся обстоятельствам ей снова, уже в Германии, был вынесен обвинительный приговор. Можно также напомнить «нелегкие» послевоенные судьбы и двух других надзирательниц – Гермины Браунштейнер и Хильдегарт Лачерт, а также медсестры Герды Ганцер, которых германское правосудие преследовало буквально до самой их смерти. Вот живые примеры, как надо наказывать злодеев, виновных в преступлениях против человечности! И вспомним, как, несколько лет назад, российские СМИ лили крокодиловы слезы и расплывались в сочувствии бывшему палачу-энкаведэшнику, привлеченному к ответственности в одной из стран Балтии. А ведь совсем недавно эти же СМИ громко вещали о том, что «к подобным преступлениям не должен применяться срок давности». Прекрасный пример готтентотской морали!

С подачи советских СМИ искаженное представление о послевоенной западногерманской юстиции как о юстиции профашистской глубоко проникло в сознание наших людей. Так, даже такой талантливый и интересный автор, как Валерий Шамбаров, в одном из своих исследований написал об известной нацистке Ильзе Кох буквально следующие строки: «Жену коменданта Бухенвальда Ильзе Кох...приговорили к пожизненному заключению. Вскоре срок был сокращен до 4 лет. И свободу она обрела в том же 1951 году»¹¹. Правда здесь только то, что Ильзе Кох действительно сначала заменили пожизненный срок осуждения на четырехлетний, из которого она отсидела только два года – с 1947 по 1949 годы. Но, помилованная американским генералом Клеем, главноначальствующим в американской оккупационной зоне, она была на свободе совсем недолго: в том же 1949 году Ильзе Кох была снова арестована и привлечена к суду по вновь открывшимся обстоятельствам. А спустя два года, в 1951 году, она вовсе не обрела свободу, а снова была приговорена к пожизненному тюремному заключению, в котором и пребывала 16 лет – до 1 сентября 1967 года, когда покончила жизнь самоубийством в своей камере. Так что не будем завидовать Ильзе Кох – она сполна заплатила за свои преступления.

¹¹ Шамбаров В. Государство и революции. М., 2002. С.441–442.

Бывшие надзирательницы в лагере для интернированных.
Их «подопечные» жили, пожалуй, хуже...

3. Германия

Германия развязала в XX веке две мировые войны, и этим все сказано. Но государства, как и отдельных людей, следует оценивать прежде всего не по количеству совершаемых ими ошибок, а по их умению локализовывать их последствия и способности делать продуктивные выводы из накопленного (пусть и печального) опыта. В этом смысле Германия, на наш взгляд, показала яркий пример умения делать и первое, и второе.

Вспомним, сколько десятилетий в сознание наших людей внедрялась успокоительно-порочная мысль о том, что наше «некоторое» отставание от развитых стран (прежде всего по среднедушевым показателям потребления и вообще качеству жизни) вызвано последствиями Великой Отечественной войны. А до этого была еще разрушительная Гражданская война, а до нее Первая мировая, а до нее Русско-японская, и т.д. и т.п. У неискушенного человека создавалось впечатление, что другие страны почти ни с кем и никогда не воевали и их экономики не страдали от последствий военных действий.

Германия же (как, впрочем, и Япония и некоторые другие страны) показала всему миру, как можно и нужно восстанавливать экономику страны и осуществлять духовное обновление целой нации за очень короткий исторический период (конечно, не без «помощи со стороны»). Современной России, на наш взгляд, очень не помешало бы изучение и применение опыта этих стран, дабы не изобретать лишний раз велосипед. Как и Германии, нам необходимо решительно порвать с тяжким наследием прошлого, и прежде всего – с остатками преступной коммунистической идеологии. И так же, как это было сделано в послевоенной Германии, преступников назвать преступниками – и юридические лица (Коммунистическую партию и порожденные ею карательные структуры), и физические (всех этих Лениных, Сталиных и иже с ними).

Но – что было, то было, и из песни слова не выкинешь... И у германского народа был период временного «затмения сознания». Мы имеем в виду, конечно, двенадцатилетнюю эпоху нацистской диктатуры и всё с ней связанное. Именно в это время территорию Германии покрыла сеть концлагерей. Одним из самых печально знаменитых из них стал Берген-Бельзен.

3.1. Трагедия Берген-Бельзена

Название «Берген-Бельзен» является для многих людей символом ужасов национал-социалистских концентрационных лагерей. Подчеркнем – для многих на Западе, так как в бывшем Советском Союзе, а теперь и в России этим символом является прежде всего Освенцим.

...Когда 15 апреля 1945 года британские солдаты вошли в лагерь, то их глазам открылась ужасающая картина: тысячи непогребенных трупов, частично разложившихся до неузнаваемости, буквально устилали территорию лагеря. На следующий день армейские кинооператоры уже начали снимать фильм о лагере. Этот фильм и тот факт, что Берген-Бельзенский процесс имел большой международный резонанс как первый большой судебный процесс над военными преступниками, способствовали тому, что Берген-Бельзен стал на Западе апофеозом нацистских лагерей.

Свою историю концентрационный лагерь Берген-Бельзен начал отсчитывать с 1936 года, когда в шестидесяти километрах к северо-востоку от немецкого города Ганновера возник исправительно-трудовой лагерь. Здесь же по соседству располагались казармы военно-строительной организации, а позднее – склады вермахта. И только с началом Второй мировой войны – в 1940 году – лагерь стал принимать военнопленных (с июля 1941-го по май 1943 года там были размещены советские военнопленные). Тяжелые условия жизни в лагере вели к массовому вымиранию, всего умерло от 30 000 до 50 000 заключенных. В мае 1943 года лагерь военнопленных большей частью закрылся, а его территория была передана войскам СС¹.

Тогда же, весной 1943 года, министерство иностранных дел Германии разработало так называемый «план обмена», согласно которому граждане еврейской национальности, имеющие двойное гражданство, могли обмениваться на интернированных немцев. Поэтому эти евреи должны были уже не подвергаться ликвидации, а использоваться до «особого распоряжения» для возможного обмена. Приказом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера Берген-Бельзен получил статус «особого лагеря». Заключенные в нем не могли подвергаться принудительному труду в военной промышленности, а должны были предназначаться для обмена. Поэтому

¹ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 16.

лагерь сначала полностью игнорировался административно-хозяйственным управлением СС – ведь он не приносил никакой прибыли. Впрочем, жизнь, как всегда, вносила свои коррективы, и постепенно Берген-Бельзен из «лагеря пребывания» превращался «настоящий» концентрационный лагерь, а его трудовой потенциал мобилизовывался для нужд военной промышленности.

Первая партия так называемых «евреев обмена» (при этом речь шла примерно о 2300–2500 польских граждан) прибыла в Берген-Бельзен в июле 1943 года. Узники по-новому созданного «лагеря пребывания» жили не в едином лагере, а в строго разделенных друг с другом пяти отделениях. В этих отделениях (фактически – отдельных лагерях) существовали и разные порядки в соответствии с указаниями Главного управления имперской безопасности. Самый большой лагерь, заключенные которого предназначались для возможного обмена, назывался «звездный лагерь». Эти узники должны были носить на одежде «звезду Давида», и для них существовала трудовая повинность. Мужчины и женщины здесь были размещены раздельно, однако могли встречаться в течение дня. Из-за высокой смертности, а также после нескольких депортаций количество узников этого лагеря резко сократилось к концу 1944 года.

В «нейтральном лагере» были размещены еврейские заключенные из нейтральных государств, таких, как, например, Испания, Португалия, Турция или Аргентина. Для них не существовала трудовая повинность, они должны были исполнять лишь внутренние лагерные работы. Питание и гигиенические условия в этой части лагеря были лучше, чем в «звездном лагере». Численность этого лагеря составляла примерно 250–350 заключенных².

В «особом лагере» размещались примерно 260 польских евреев, которые остались от первого транспорта, прибывшего в Берген-Бельзен. Большинство из них имели паспорта южноамериканских стран. Видимо, этот контингент предназначался для «особых» случаев.

Еще один – «венгерский» – лагерь открылся в июле 1944 года и принимал венгерских граждан еврейской национальности, которые прибывали из Будапешта. Они пользовались лучшим обращением и не должны были работать, хотя и должны были носить «звезду Давида».

² *Taake Claudia*. Op. cit. S. 17–18.

И, наконец, с апреля 1943-го по март 1944 года существовал «штрафной лагерь», в котором строительная команда концлагеря (примерно 600 мужчин) производила ремонтные работы. Эти заключенные были преимущественно гражданами СССР и Польши. Это отделение лагеря было с самого начала «настоящим» концентрационным лагерем. Здесь заключенные выполняли самые тяжелые работы и подвергались беспощадному произволу надсмотрщиков СС. Весной 1944 года была создана строительная команда, которая затем была передана в концлагерь Заксенхаузен. Больные и нетрудоспособные заключенные из нее были выведены.

Таким образом, Берген-Бельзен не был типичным нацистским концлагерем и тем более лагерем уничтожения. На жаргоне СС он именовался «привилегированным лагерем», а по сути являлся транзитным лагерем для еврейских заключенных со всей Европы, которые должны были там находиться в целях обмена с интернированными союзниками немцами.

Но «легкая жизнь» Берген-Бельзена закончилась с наступлением 1944 года, когда выяснилось, что количество заключенных, прибывающих в лагерь, значительно превышает то их количество, которое предназначалось для обмена. С этого времени начинается вторая фаза развития лагеря, приведшая его к катастрофе весной 1945 года. Так как лагерь находился далеко от каких-либо промышленных предприятий, то начиная с марта 1944 его стали использовать в качестве «лагеря отдыха [!]» для больных и нетрудоспособных заключенных из других концентрационных лагерей. Эти предельно ослабленные люди были размещены в «штрафном лагере». Конечно, циничное название «лагерь отдыха» никак не соответствовало сути: в лагере не хватало ни врачей, ни медикаментов, так что одна треть из первых 1000 прибывших людей умерла уже через четыре недели. Всего же до конца 1944 года в лагерь прибыло 4000 больных, из которых за этот период умерло примерно 1700³.

В «штрафном лагере» сначала не было никакой трудовой повинности, но начиная с августа 1944 года формировалась строительная часть, которая должна была строить другие отделения лагеря. Когда на заключительном этапе войны транспорты с эвакуированными заключенными других лагерей прибывали с востока, то они размещались частично в «звездном лагере», а частично

³ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 19.

– в «штрафном лагере – II», в котором в невероятной тесноте размещалось иногда до 10 000 мужчин. Отсюда сыпной тиф распространялся очень быстро, вызывая бесчисленные жертвы.

Переоборудование «штрафного лагеря» в «лагерь отдыха» было в какой-то мере первым этапом преобразования «лагеря пребывания» в «регулярный» концентрационный лагерь. Второй этап начался с основания женского лагеря летом 1944 года. Для этого в «лагере отдыха» были построены палатки, которые приняли примерно 4000 женщин и детей из Польши на несколько дней, прежде чем те снова покинули лагерь. Палаточный лагерь был разрушен 7 ноября 1944 года ураганом, а женщины размещены затем в бараках склада одежды. Позже этот «маленький женский лагерь» постоянно увеличивался в размерах, пока число его обитательниц не достигло 6000. Берген-Бельзен стал чем-то вроде центра распределения женщин-заключенных для нужд военной промышленности.

Процесс всех этих «преобразований» завершился в декабре 1944 года сменой руководства лагеря. Новым комендантом лагеря стал гауптштурмфюрер СС Иозеф Крамер, «проверенный» эсэсовец из Освенцима. В середине января 1945 года он принял под свое руководство и госпиталь лагеря военнопленных, который подчинялся до сих пор вермахту. Примерно три дюжины бараков стали так называемым «большим женским лагерем». Из-за его плохого санитарно-гигиенического состояния большинство женщин оставалось в нем, а не передавалось в другие лагеря. Поэтому этот лагерь постоянно увеличивался в размерах. К дню освобождения здесь были размещены примерно 23 000 женщин и детей.

Наиболее же драматические события стали разворачиваться в Берген-Бельзене начиная с января 1945 года, когда лагерь превратился по сути в сборный пункт для заключенных, эвакуированных из концентрационных лагерей на востоке. С этого и начался «ад», из-за которого Берген-Бельзен и стал печально известен. Лагерь лежал географически так благоприятно, что как магнитом притягивал к себе многочисленные транспорты с заключенными. Возможности же Берген-Бельзена были ограничены. Ситуация стала катастрофической, когда в лагере началась еще и эпидемия сыпного тифа. Ужас создавшегося положения заключался в том, что даже просто распустить лагерь, то есть предоставить узникам долгожданную свободу, было нельзя из-за неизбежной эпидемической вспышки в еще больших масштабах.

В результате тысячи узников Берген-Бельзена пали жертвами голода и эпидемии. К концу марта 1945 года на территории лагеря скопилось множество непогребенных трупов, так как маленький крематорий давно уже не справлялся с таким их количеством: только в течение последних четырех месяцев погибли примерно 35 000 заключенных. Именно в это время в лагере погибла Анна Франк, еврейская девочка из Нидерландов, ставшая впоследствии легендарно знаменитой благодаря своему дневнику, опубликованному после войны. Она не дожидаясь освобождения лагеря всего шесть недель... Массовое вымирание лагеря продолжалось и после освобождения его британской армией: до 20 июня 1945 года умерли еще около 14 000 человек. Всего же в Берген-Бельзене, по некоторым данным, погибло около 80 000 человек (из 110 000–120 000, прошедших через него), причем большинство – в последний год его функционирования. При этом большую часть погибших составили евреи и советские военнопленные.

К 15 апреля 1945 года, ко дню освобождения, все «население» лагеря составляло более 60 000 заключенных. Из них примерно 41 000 находились на территории концлагеря, которая была предназначена лишь для 8000 человек, а остальные – на территории расположенного рядом армейского учебного центра.

Один из британских офицеров так описал то, что он увидел при вступлении в концлагерь: «Состояние лагеря было неописуемо ужасно, и никакой рассказ, никакая фотография не смогут передать его вид в полной мере... В различных местах лагеря трупы были сложены в высокие штабеля. Кроме того, неубранные трупы лежали повсюду: и между бараками, и в самих бараках, в том числе на нарах вместе с еще живущими людьми. Около крематория были видны следы поспешного сжигания тел умерших. За последним лагерным бараком находился открытый ров, также наполовину заполненный трупами... Наше пребывание в лагере началось с проведения похоронных работ...» Далее автор воспоминаний отмечает, что лагерь был невероятно переполнен. Так, в бараке, рассчитанном на сто человек, жило от 600 до 1000 человек. В блоке, где располагались больные женщины, не имелось никаких кроватей. Женщины лежали прямо на полу и были так слабы, что едва могли передвигаться. У большинства из них вместо одежды на теле были лохмотья.

Справедливости ради надо сказать, что нельзя во всем этом кошмаре винить только лагерную администрацию. Такое траги-

ческое развитие событий стало возможным прежде всего из-за общего хаоса в немецком тылу, который становился почти неконтролируемым по мере приближения войск союзников. Берген-Бельзен при этом фактически стал заложником сложившихся обстоятельств. На Западе распространена версия, согласно которой 7 апреля 1945 года начальник Управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер отдал приказ коменданту лагеря Крамеру, в котором говорилось, что заключенных лагеря при необходимости следует уничтожить, чтобы «они не попали в руки врага». Далее, согласно версии, это сразу же стало известно союзникам и представителям международных организаций, занимающихся обменом лиц еврейской национальности, которые предприняли меры по спасению заключенных Берген-Бельзена. Как бы то ни было, но между 6-м и 11-м апреля 1945 года по распоряжению Гиммлера три эшелона были эвакуированы из трех лагерей Берген-Бельзена – «нейтрального», «звездного» и «венгерского». В них находились заключенные-евреи, имевшие иностранные паспорта.

Между тем в это время уже шли переговоры относительно передачи Берген-Бельзена под контроль британской армии. Они велись несколько дней, и ночью 12 апреля 1945 года такое соглашение было подписано представителями германских вооруженных сил, оборонявших этот участок фронта, и британским генералом Тейлор-Бальфуrom. Соглашение объявляло лагерь и близлежащие территории (48 квадратных километров) нейтральной зоной. До прихода британских войск лагерь предполагалось охранять силами венгерской воинской части и вермахта. Судя по всему, в соглашении не говорилось ясно о том, какова будет судьба персонала лагеря. Большинство его к тому времени разбежалось, но 77 человек во главе с комендантом лагеря Йозефом Крамером остались. Они почему-то были уверены, что после передачи лагеря англичанам им будет позволено свободно уйти в расположение немецких войск.

15 апреля комендант Крамер встречал английские войска, стоя у ворот лагеря в новой отутюженной форме. Рядом с ним стояла красавица-надзирательница Ирма Грезе. Оба они приветствовали входящие в лагерь английские танки. Увы, оба они здорово просчитались: в первый же день взяли под стражу Крамера как обвиняемого в военных преступлениях, а через два дня арестовали Грезе и большинство остальных бывших сотрудников лагеря. Можно сказать, что с этого момента и началась подготовка к су-

дебному процессу, получившему впоследствии название – первый Берген-Бельзенский.

Но сначала надо было хотя бы захоронить трупы умерших, чтобы не допустить распространения эпидемии. 17 апреля 1945 года в Берген-Бельзен прибыли британские медицинские части, и освобожденные узники лагеря смогли наконец-то получить медицинскую помощь. И, хотя в ней нуждались практически все, большинство вчерашних заключенных приняли участие в страшной и тяжелой работе – захоронении трупов. Им помогали взятые под стражу их бывшие охранники и служащие лагеря, которым англичане «в целях наказания» отказались выдать перчатки, что привело к гибели от тифа каждого четвертого из них (см. фото). Таким образом, многие охранники Берген-Бельзена были сурово наказаны еще до и без всякого суда.

Похоронные работы начались 18 апреля и продолжались 10 дней, причем в каждый из этих дней умирало еще по 400–500 человек (это несмотря на принимаемые Красным Крестом и Британской армией меры). Только с этого момента ситуация стала контролироваться хотя бы в том плане, что трупы умерших больше не оставались неубранными. Все они сбрасывались бульдозерами в безымянные братские могилы, хотя имена ряда погибших и были известны. Поэтому сегодня ни на одном из массовых захоронений в Берген-Бельзене не значатся имена тех, кто погребены там.

25 апреля 1945 года в лагерь были доставлены немецкие граждане – жители близлежащих городков Берген и Бельзен. Перед тем как провести их по территории бывшего лагеря, британский офицер сказал им следующие нравоучительные слова: «То, что вы сейчас увидите, является таким страшным обвинением против нацистской партии, что оправдывает любые меры против нее. Организация Объединенных Наций сделает все, чтобы уничтожить эту организацию. То, что вы сейчас увидите, является таким позором немецкой нации, что она заслуживает быть вычеркнутой из списка цивилизованных наций [...]. Сейчас перед вами стоит трудная задача восстановления доброго имени немецких людей [...], но это не может быть сделано, пока вы не вырастите новое поколение, которое не сможет совершить таких преступлений, пока вы не вырастили новое поколение, обладающее инстинктивной доброй волей, чтобы предотвратить повторение таких ужасных жестокостей».

К 19 мая 1945 года все освобожденные узники были эвакуированы в близлежащие армейские казармы, а 21 мая лагерные бараки были преданы огню. В июле того же года 6000 наиболее истощенных оставшихся в живых заключенных были приняты Швецией, где они смогли поправить свое здоровье. Все же прочие бывшие узники самостоятельно добирались домой.

...Сегодня на месте бывшего концлагеря Берген-Бельзен разбит парк, и огромные братские могилы затянuty кустами вереска. Большинство посетителей этого мемориала – немецкие студенты.

3.1.1. Первый Берген-Бельзенский процесс

Уже 27 апреля 1945 года четыре британских офицера были назначены для расследования преступлений в Берген-Бельзене. Руководитель этой следственной группы писал в предварительном сообщении, что имеются большие трудности при сборе доказательств, необходимых для включения в обвинительный акт. Любое преступление лагерной администрации нужно было тщательно доказывать, а поэтому каждое свидетельское показание должно было подвергаться проверке. При этом, поскольку зачастую найти двух свидетелей одного и того же события было невозможно, собирались в основном показания, не нуждавшиеся в подтверждении.

Трудность состояла также и в том, что бывшие заключенные, сообщая о преступлениях, нередко не могли сказать, кто именно их совершил. Персонал СС часто перемещался из одного лагеря в другой (это было обычной практикой), а заключенным конкретные имена своих охранников были известны только в самых редких случаях. Поэтому каждый задержанный эсэсовец немедленно фотографировался, а впоследствии эти фотографии представлялись свидетелям для опознания. При этом если свидетель узнавал подсудимого, его показания засчитывались как отягчающие вину подсудимого. Непроверенные же показания не учитывались. Такой способ расследования, конечно, нельзя признать безупречным и соответствующим принципу презумпции невиновности. Именно поэтому репрессиям подверглись в основном только те служащие СС, которые остались в Берген-Бельзене. Те же, кто вовремя сумел скрыться, напротив, смогли во многих случаях уклониться от обвинения.

Сначала планировалось открыть процесс по лагерю Берген-Бельзен уже в августе, и об этом сообщала вся мировая печать. Однако реально этого нельзя было сделать в столь сжатые сроки. Поэтому заседания начинались только 17 сентября 1945 года, а завершился процесс ровно через два месяца – 17 ноября того же года. Местом проведения был выбран городок Люнебург, лежащий недалеко от Берген-Бельзена. Правовой основой для процесса являлись международное право и свод британских военных законов. Процесс, официально названный «Суд против Йозефа Крамера и сорока четырех других», возбудил большой интерес: примерно 200 журналистов и международных наблюдателей следили за его ходом. В частности, своих наблюдателей прислали Греция, Дания, Люксембург, Нидерланды, Польша, Советский Союз, Франция, Чехословакия и Югославия. Местная газета «Люнебургер пост» так сообщала о начале заседаний:

«Перед залом судебного заседания ждали в напряженном молчании сотни людей, которые хотели видеть подсудимых. Однако вместо этого они должны были довольствоваться только видом многочисленных мундиров старших офицеров, корреспондентов различных стран и строго все контролирующей армейской полиции».

Судьи, обвинители и защитники были англичанами. Суд под председательством генерал-майора Берней-Фиклина состоял из бригадира Казеноува, полковника Ричардса, подполковника Морриша и лейтенанта Маклая. Все судьи были в военной форме. Единственным гражданским лицом был государственный адвокат-наблюдатель Стирлинг. Обвинение поддерживали четыре британских офицера: полковник Бэххаус, подполковник Генн, майор Муртон-Ниале и капитан Стьюарт.

Им противостояли сорок пять немецких подсудимых – бывших сотрудников Берген-Бельзена. Чтобы иметь по возможности более непредвзятых защитников, английский трибунал назначил на эти роли молодых офицеров, симпатизировавших фашистскому «Британскому союзу» Освальда. Языком судопроизводства был английский. Переводчики переводили по-английски, по-немецки и по-польски диалоги между судом и подсудимыми. Это было, конечно, неудобно и вело к существенному продлению срока процесса.

Так как подсудимые частично действовали в концлагере Освенцим или в каком-либо из его внешних лагерей, а появились

в Берген-Бельзене только в ходе эвакуации, первый процесс по концлагерю Берген-Бельзен был одновременно и первым Освенцимским процессом. По этой причине применялись два обвинения: первое против всех подсудимых относительно преступлений в лагере Берген-Бельзен, а второй против одиннадцати подсудимых относительно их преступлений в лагере Освенцим. Представитель обвинения Бэксаус так объяснял это в своем вступительном слове:

«Всех этих людей ... прибывших из Освенцима в Берген-Бельзен, объединяет одно: обвинение докажет, что они пытали людей сначала в Освенциме и убивали их позже, когда прибыли в Бельзен, они и там продолжали мучить людей. (...) Те же самые люди были сначала надзирателями в одном лагере, а позже в другом».

При этом подсудимые не обвинялись в индивидуальных убийствах. Речь шла исключительно о совместных обвинениях, в основе которых лежал тот факт, что каждый из подсудимых был причастен к «системе убийства, беспощадности, жестокости или преступному пренебрежению». Правда, в обвинительном акте поименно назывались отдельные британские, бельгийские, венгерские, итальянские, нидерландские, польские, советские и французские граждане, которые умерли в обоих концентрационных лагерях. Характерно, что трибунал не предъявлял обвинений по поводу преступлений, совершенных по отношению к немецким гражданам.

На наш взгляд, Берген-Бельзенский процесс остался в истории юриспруденции достаточно противоречивым действием. С одной стороны, вроде бы нельзя сказать, что это был несправедливый и негуманный суд. Об этом говорит хотя бы тот факт, что треть (!) подсудимых была оправдана. Но, с другой стороны, печально известный обвинительный уклон в отношении ряда подсудимых имел место. Кроме того, целый ряд свидетельств принимались на веру. Впрочем, это и неудивительно: ведь победители судили побежденных.

Процедура заседаний суда начиналась с допроса свидетелей обвинения. Затем оглашались письменные свидетельские показания, а после этого суд заслушивал свидетелей и экспертов защиты. Наконец, слово получали подсудимые. В конце заседаний выступали защитники и представители обвинения.

На четвертый день заседаний, 20 сентября 1945 года, представители обвинения показали фильм, который британские солдаты сняли сразу же после освобождения концентрационного лагеря Берген-Бельзен. Присутствующим в зале были показаны го-

ры мертвецов, которые находились в лагере на момент его освобождения. Одна из ганноверских газет так писала об этом: «Фильм, который показывается в зале судебного заседания, дает документальную, ужасную картину чудовищности, которую творили монстры из Бельзена, сидящие на скамье подсудимых».

Среди десятков заслушанных судом свидетелей были и советские граждане. Псжелтевшие страницы протоколов Берген-Бельзенского процесса донесли до нас имена Александры Сивидовой, Любови Трищинской, Петра Иванова, Николая Коленникова, Ивана Коробейникова, Андрея Некрасова, Михаила Промского, Владимира Сулимы. (Интересно было бы знать, как сложились дальнейшие судьбы этих людей, попавших в лагерный ад и выживших всему вопреки, чтобы дать показания против своих мучителей. Жив ли кто-нибудь из них сейчас? Пока мы располагаем только одной подробностью: Александра Сивидова до войны жила в Ростове-на-Дону.)

Окончательные итоги процесса были следующими: всего перед военным трибуналом союзников, как мы сказали ранее, предстали 45 сотрудников лагеря (26 мужчин и 19 женщин). Из этого количества 14 человек были оправданы, четверо получили сравнительно небольшие сроки заключения – от 1 до 5 лет, еще 14 человек были осуждены на долгие сроки – 10 и 15 лет, один приговорен к пожизненному заключению (впоследствии, уже на другом процессе и за другие преступления, он был приговорен к смертной казни. Кстати сказать, большинство других осужденных к лишению свободы были освобождены досрочно – последний из них вышел из тюрьмы в 1955 году). Один обвиняемый – мужчина – в ходе суда был признан невменяемым и освобожден от ответственности. Наконец, 11 человек во главе с комендантом лагеря были приговорены к смертной казни через повешение (см. прил. 1). Среди них были три женщины – Ирма Грезе, Элизабет Фолкенрат и Юана Борман. Им выпала бесславная участь: быть первыми из 10 женщин, повешенных по приговорам послевоенных судов в Германии.

А теперь расскажем об этих женщинах подробнее.

Ирма Грезе

В мировой литературе, посвященной фашистским концлагерям, имя этой немецкой девушки стало почти нарицательным. Рядом с ним нередко можно встретить такие эпитеты, как «чудовище

Освенцима», «нацистская гигиена» и тому подобные. Кем же она была на самом деле?

Ирма Грезе родилась 7 октября 1923 года в местечке (фактически – в деревне) Врехен, на юго-востоке земли Мекленбург, недалеко от городка Пазевальк, в большой семье: всего у Альфреда и Берты Грезе было пятеро детей, причем Ирма не была для отца желанным ребенком. В подростковом возрасте она пережила страшное событие – мать Ирмы в 1936 году покончила жизнь самоубийством на почве семейных неурядиц.

Как это происходит во всяком тоталитарном обществе, Ирма с детства была вовлечена в так называемую «общественную жизнь». Как впоследствии утверждал ее отец, дояр по профессии, он всегда был против того, чтобы Ирма состояла в Союзе немецких девушек (БДМ). В маленькой общине, насчитывавшей менее 200 жителей, где жила семья Грезе, не было ячейки этой молодежной фашистской организации. Такая ячейка была в соседнем Фюрстенхагене, и Ирма, наперекор отцу, ездила туда на велосипеде.

В 1938 году Ирма прекратила занятия в школе и начала трудовую деятельность. Так как в фашистской Германии никто не был волен самостоятельно определять свой жизненный путь, то и ей пришлось работать там, куда ее направляло государство (для этого в Германии существовала организация под названием Имперская трудовая повинность): сначала 6 месяцев на соседней ферме, а позже примерно такое же время в молочном магазине. С пятнадцати лет она начала работать (и проработала два года) как медицинская сестра в санатории СС Хознлихен. Как утверждают источники (и это очень походит на правду), Ирма хотела получить образование медицинской сестры, но не могла найти себе подходящего места учебы. Как нам представляется, причиной тому были прежде всего материальные затруднения: девушка жила одна и ни от кого не получала помощи.

Трагические перемены в судьбе Ирмы Грезе начинают происходить в 1942 году, после того как ей снова не удалось поступить учиться на медсестру. Тогда она поступает работать (видимо, опять против своего желания) на молочный завод возле Фюрстенберга, что совсем недалеко от концлагеря Равенсбрюк. В июле того же, 1942-го, года она пытается устроиться медсестрой все в тот же санаторий в Хознлихене, но безуспешно. Можно с уверенностью предположить, что все это самым неблагоприятным об-

разом сказалось на характере Ирмы. Видимо, именно тогда он стал ожесточаться от того, что девушка отчаялась найти себя в жизни.

И вот тогда она поступает на службу в СС (мы опять-таки не знаем, насколько это было добровольно) и обучается в Равенсбрюке под руководством опытных «наставниц» как будущая надзирательница. Ей было в то время только 18 лет, и она, как стажер, получала месячную зарплату в размере 54 рейхсмарки (примерно половина зарплаты «полноценной» надзирательницы). В это время Ирма стала было посещать покинутую семью, но ее отец после очередной ссоры (он был не согласен с тем, что его дочь служит в концлагере) запретил Ирме там появляться.

В марте 1943 года Ирма была переведена из Равенсбрюка в Аушвиц-Биркенау, где и пробыла до января 1945 года. Там она несколько раз перемещалась из «Лагеря А» в «Лагерь В» и обратно. В мае 1944 года она переводится в «Лагерь С» – женский лагерь. 18 января 1945 года, когда лагерь Аушвиц из-за приближения фронта эвакуировался, Ирма сопровождала транспорт с заключенными-женщинами в Равенсбрюк, где и продолжила свою службу. Но в начале марта 1945 года и Равенсбрюк эвакуировался в Берген-Бельзен.

Вместе с другими не убежавшими из лагеря эсэсовцами Ирма Грезе была арестована 17 апреля 1945 года. В течение следующих дней она вместе с другими бывшими сотрудниками лагеря помогает очищать территорию лагеря от огромного количества трупов, а 17 мая того же года ее заключают в тюрьму, где она будет находиться до 17-го (роковое число в ее жизни) ноября 1945 года, когда ей будет вынесен смертный приговор. После этого она будет переведена в тюрьму города Гамельн.

Что касается ее служебной карьеры, то до осени 1943 года Ирма выполняла обязанности телефониста, работника почты и надзирателя за небольшими рабочими командами заключенных (занимающихся в том числе и озеленением лагеря). Видимо, ее «способности» в лагерном деле были оценены руководством, и осенью 1943 года (правда, не все источники это подтверждают, а личное дело Ирмы Грезе не сохранилось) она повышается в должности – ее назначают старшей надзирательницей (рапортфюрериной) лагеря, то есть она становится второй фигурой среди его женщин-служащих СС. С этого времени в ее полном подчинении находилось от 20 до 30 тысяч заключенных.

Почему столь молодая девушка получила такое назначение? Как нам представляется, многие из более опытных эсэсовцев к тому времени уже понимали, что, возможно, им придется отвечать за свои преступления после окончания войны, исход которой становился все более очевидным для Германии. Поэтому они предпочли уже больше «не засвечиваться», и оттого ряды кандидатов на такие «горящие» должности сильно поредели. Ирма же, в силу малого жизненного опыта и фанатичной преданности государству, согласилась на такое роковое «повышение», впоследствии приведшее ее на эшафот гамельнской тюрьмы. Начальство попросту подставило ее.

В своем вступительном слове представитель обвинения полковник Бэкхаус охарактеризовал Ирму Грезе следующим образом:

«Номер 9, Ирма Грезе, надзирательница различных специально выделенных групп рабочих и временно надзирательница штрафного женского лагеря была в Освенциме. Она описывается свидетелями как самая ужасная женщина всего лагеря. Не было никакой жестокости во всем лагере, к которой она не имела бы отношения. Она регулярно принимала участие в отборах для газовой камеры, пыталась по своему усмотрению людей. В Бельзене она продолжала это жестокое поведение точно так же. Ее «фирменным» развлечением было натравливать дрессированных собак на беззащитных людей».

Судя по этим словам, Ирма Грезе, как и все другие обвиняемые, безоговорочно признавалась виновной. Свои впечатления от первого дня процесса Ирма Грезе отобразила в стихах, написанных ею по возвращении в тюрьму. Возможно, что это был ее первый и последний стихотворный опыт. Вот эти строки⁴:

Сентябрь, тринадцатое. Без проволочек
Нас всех забрали из одиночек,
Пересадили по двое и трое
И глазают на нас, герои!

А семнадцатого⁵ – представление,
Всему миру на удивление.
Репортеры со всего мира –
Сенсация! Слетелись, вампиры!

⁴ Перевод наш. – В. М.

⁵ 17 сентября – день начала процесса.

Для нас номера рисуются,
С ним каждый из нас красуется,
Чтобы газетам, значит,
Проще нас обозначить.

Перед тюрьмой у ворот железных –
Огромных три машины военных.
Они все для нас, похоже,
Охрана с танками – тоже.

Поднимаемся в одну из машин.
Углы улиц. Шуршание шин.
Каждая машина – колосс,
Колонна – как гибкий трос.

У суда – толпа репортеров
Нас приветствует, как актеров:
Им, видно, страсть как охота
Запечатлеть нас на фото.

Ожидания зал. Тоска и скука.
Сидеть и ждать – какая мука!
Когда же начнется все это?
Но никто не дает ответа.

Но вот открываются двери в зал,
Свет ламп ослепительно бьет в глаза.
Здесь и будет действие зловещее –
Всему миру оно обещано!

Репортеры скачут от возбуждения.
Вот и время их пробуждения:
Камер стрекот и вспышки блиц,
Множество фото – для газетных страниц.

Теперь нам на жесткой скамье сидеть –
Пять недель мы должны терпеть
И ждать, когда нас приговорят,
Пока попы не заболят.

Лживо истцы клянутся. О боже!
На что это все похоже?
Их рассказы – глупые выдумки тех,
Кто вызывает лишь смех.

Нам обидно и оскорбительно:
Ведь к ним относятся доверительно!
Лучше б тем истцам помолчать –
Они лгут, не начав обличать!

Люнебуржцы глядят на нас мрачно:
Для них мы преступники однозначно.
За них уже все здесь решили
И в газетах всем сообщили.

На улицах, в скверах и в переулках
Стоят люди во всех закоулках.
Из машины выглянешь осторожно –
Тычут пальцем, смотреть невозможно.

Старики, женщины, малые дети
Смотрят жадно, забыв все на свете.
В глазах усмешки сквозят,
Исподтишка кулаками грозят.

Но если мы духом не упадем,
В цветущий май однажды войдем.
И будем, хоть годы пройдут, так и быть,
И целовать, и любить!

В этих непосредственных стихах можно прочесть многое – недовольство, возмущение, протест, недоумение, разочарование, затаенную надежду, но только не страх. Действительно: по свидетельствам очевидцев, Ирма ни разу никому не показалась испуганной, даже при выслушивании смертного приговора.

Многие (правда, не все) из оставшихся в живых заключенных Освенцима и Берген-Бельзена свидетельствовали на процессе против Ирмы. Они утверждали, что она избивала беззащитных узников плетью и пинала тяжелыми эсэсовскими сапогами, иногда стреляла в них, травила собаками и отбирала наиболее обессиленных для

уничтожения в газовых камерах. Так как заключенным запрещалось иметь хоть что-нибудь в их сумках, Грезе, по словам свидетелей, осматривала эти сумки и била женщин, если они что-то при себе несли, даже если это был всего лишь носовой платок.

Бывшие заключенные Берген-Бельзена обвиняли ее в издевательствах, называемом «спортом». Однажды Грезе и другая надзирательница увидели, как специально выделенная группа рабочих при возвращении украла мясо из кухни лагеря. Так как никто не ответил на ее вопрос, кто совершил кражу, вся специально выделенная группа рабочих должна была «заняться спортом», то есть после рабочего дня бегать по территории лагеря. Многие из ослабленных арестантов, согласно свидетельским показаниям, не пережили этого «упражнения».

Кроме того, свидетели заявляли, что Ирма Грезе использовала различные физические и эмоциональные методы мучений заключенных, что их пытки доставляли ей сексуальное удовольствие. Как утверждалось на процессе, в ее комнате в лагере был даже найден абажур для лампы, сделанный из кожи трех узников.

Протоколы процесса донесли до нас конкретные имена, фамилии и национальности свидетелей.

Так, чешская гражданка Гертруда Диамент заявила, что она наблюдала, как Грезе обращалась со специально выделенной группой рабочих, состоявшей из женщин и девушек: «Вашим любимым занятием было бить их и пинать тяжелыми сапогами после того, как они уже лежали на земле».

Другая чешская гражданка, Клара Лобовиц, рассказала о переключках, которые производились при участии Грезе дважды в день. Если кто-то отсутствовал или она обсчитывалась, то переключка продолжалась до тех пор, пока ошибка не обнаруживалась. Это иногда продолжилось весь день, причем никто весь день не получал пищи: «Если Грезе наблюдала за переключкой, она заставляла заключенных часто часами стоять на земле на коленях коленях с высоко поднятыми над головами тяжелыми камнями».

Наконец, еще одна чешка, Катарина Найгер, рассказывала, что Грезе всегда имела при себе несколько перчаток, которые она надевала, когда била узников рукой. Эти удары часто наносились безо всякой видимой причины. Кроме того, она прямо обвинила Грезе в совершенном убийстве: «В августе (видимо, 1944 года. – В.М.) я наблюдала надзирательницу СС в Освенциме в то время, как она застрелила примерно 30-летнюю венгерскую ев-

рейку. Я наблюдала этот инцидент из моего блока. Случилось это, когда новый транспорт с заключенными прибыл в лагерь и когда все узники должны были идти в ее блок. Венгерка остановилась перед ее блоком и смотрела на прибытие транспорта, когда Грезе ехала на ее велосипеде мимо. Она остановилась примерно в пяти метрах перед женщиной и сошла с велосипеда. Тут она закричала: «Иди в свой блок!» А затем, не дав женщине возможности вообще идти в ее блок, Грезе вынула пистолет, прицелилась и застрелила женщину».

Советская гражданка Любовь Тришинская рассказала суду, что заключенные часто бежали в составе специально выделенной группы рабочих к месту, которое находилось на удалении примерно 16 км от лагеря. Там они должны были собирать траву для кухни. Грезе при этом ехала во время этого марша на велосипеде сбоку, сопровождаемая собакой. Несколько ослабленных арестантов нередко отставали. Тогда Грезе натравливала на них собаку, которая часто настолько сильно кусала их, что этих раненых должны были нести их товарищи. В лагере раненые жили в блоке № 25. Это был блок, из которого отсортированных заключенных направляли в газовые камеры.

Полька Гитла Дунклеманн дала показания, что она наблюдала, как Грезе подошла к женщинам во время «селекции» и жестоко, резиновой дубинкой, избила их. При этом Грезе не выказала никакого сочувствия к истекающим кровью женщинам. Затем она приказала, чтобы жертвы беспомощно оставались лежать на земле до тех пор, пока «селекция» не была закончена. Если женщина во время переключки падала, то Грезе «отбирала» ее.

Другая польская гражданка, Ева Стойовска, показала, что видела Грезе при «селекциях» в Освенциме. В «Лагере С» она присутствовала на них всегда и выбирала слабых женщин, которые затем шли в газовые камеры. Она же наблюдала, как Грезе била пленников.

Илона Штейн из Венгрии обвиняла Грезе в трех пунктах:

«Пока я была в Биркенау, женщина по имени Ирма Грезе была ответственна за многие избиения, одно убийство и отправку людей в газовую камеру. Я идентифицирую номер 2 на фотографии Z/4/2 как Ирму Грезе.

[...] В июле 1944 года, работая на кухне в Биркенау, я видела женщину, чья дочь была в соседнем лагере, подошедшей к колючей проволоке, чтобы поговорить с дочерью. Грезе, проезжавшая

мимо на велосипеде, немедленно остановилась, слезла с него и стала своим кожаным ремнем избивать эту женщину. Она также била ее по лицу и голове кулаками, а когда женщина упала на землю, то продолжала пинать ее. Лицо женщины при этом раздулось и посинело. Подруга дочери этой женщины забрала ее, и женщина находилась потом в лазарете в течение трех недель, излечиваясь от последствий побоев. Все это я видела непосредственно сама.

Также будучи в Биркенау, я видела, как Грезе вместе с доктором Менгеле проводили отборы людей для газовой камеры. На этих самых отборах Грезе выбирала людей, которых затем убивали таким образом. В одном из таких отборов, приблизительно в августе 1944 года, для газовой камеры было отобрано от 2000 до 3000 человек. За все эти «селекции» несут ответственность Грезе и Менгеле. Отобранные люди иногда затем пытались спрятаться в бараках под их кроватями. Грезе заходила в барак, находила их и избивала, а затем гнала обратно в строй отобранных. Я видела все это, что я описываю. Все в лагере знали, что люди, отобранные таким образом, отправлялись в газовую камеру.

Где-то в августе или сентябре 1944 года на одном из отборов одна венгерская женщина, будучи отобранной, попробовала убежать из строя отобранных и присоединиться к своей дочери, стоящей в другом строю. Грезе заметила это и приказала охранникам, чтобы они застрелили женщину. Я не слышала приказа, но видела, что Грезе разговаривала с охраной и что женщина сразу же была застрелена».

Наконец, показания против Ирмы Грезе дала Хелен Коппер, ее подельница, сама бывшая надзирательница. Она заявила, что Грезе отвечает «не менее чем за 30 мертвецов в день». Грезе, по утверждению Коппер, посылала женщин из ее специально выделенной группы рабочих за пруд, который служил границей лагеря, и там они были застрелены часовыми. Свидетельница также заявила, что она в составе специально выделенной группы рабочих имела задание от Грезе вечером убрать этих мертвецов в железнодорожный вагон. (Возможно, что этими показаниями Коппер спасла себе жизнь – ее приговорили к 15 годам лишения свободы.)

Эти свидетельские показания (без сомнения, не всегда правдивые, а иногда и просто надуманные), стали переломными в судьбе Грезе. Она была поражена той ненавистью, которую бывшие узники испытывали к ней. «Когда они были в концентрационном лагере, никто из них не проявлял ко мне враждебности», – объяс-

нила бывшая надзирательница. Некоторые современные исследователи (прежде всего – немецкие) подвергают сомнению справедливость предъявленных ей обвинений, но в то время и части из них вполне хватало для вынесения смертного приговора.

Сама Грезе сразу после ареста, еще до начала процесса, сделала три равносильных присяге заявления, которые повлияли на ход допросов. В первом из них она согласилась с тем, что заставляла заключенных долго стоять при переключках. О существовании же газовых камер в Освенциме она, по ее словам, не знала. Во втором заявлении, от 14 июня 1945 года, она сообщала, что в Освенциме была пленников и рукой, и плеткой: «Я еще раз подумала и хотела бы добавить, что я была, действительно, заключенных не только рукой». В своем третьем заявлении она указывала, что в Освенциме многие надзирательницы всегда имели при себе огнестрельное оружие (пистолет). Однако она лично никогда не имела его. Вместо этого при ней была плетка, которую она использовала. Другие надзирательницы также имели плетки, которые производились в цехах лагеря. Этой плеткой, как призналась Грезе, она «несколько раз» была заключенных, до тех пор пока использование этого «оружия» не было запрещено.

Таким образом, в ходе процесса (а далее и в своем последнем слове) Ирма Грезе отвергла практически все выдвинутые против нее серьезные обвинения, заявив, что «Гиммлер ответствен за все, что случилось. Я считаю, что моя вина не больше вины других». Тем не менее приговор ей по сути был predetermined. Нам представляется, что он явился неожиданным для нее.

...Особенное оживление царило в здании Люнебургского суда на 25-й день процесса, когда начался допрос Ирмы Грезе. Надо сказать, что и до того Ирма уже привлекала к себе повышенное внимание прежде всего своей красотой. В этот день она особенно модно оделась – ей очень шла голубая блузка в сочетании с серым костюмом – и сделала новую прическу. Это не осталось незамеченным: все внимание в этот день было приковано именно к ней.

Каждый подсудимый имел право выбирать свидетелей для показаний в свою пользу. В отношении Ирмы это сделала ее младшая сестра – Хелен Грезе. В перекрестном допросе, который закончился уже через несколько минут, она дала показания лишь о детстве своей сестры и ее жизни в родном доме. Один из свидетелей этого эпизода так писал об этом: «Снова и снова Ирма обливала слезами, к которым присоединялись ее соседки – Хильде

Лобауэр и Герда Элерт, когда ее сестра рассказывала то небольшое, что она знала об Ирме, которая покинула отцовский дом в 14 лет».

Один из вопросов, заданный Хелен Грезе, звучал так: «Могла ли Ваша сестра бить заключенных?» На него сестра обвиняемой ответила: «Нет. Когда Ирма училась в школе, то никогда не принимала участия в ссорах, а всегда убегала».

После сестры уже сама Ирма Грезе подошла к месту свидетелей для дачи показаний, и ей был устроен перекрестный допрос. Она очень уверенно отвечала на вопросы своего адвоката майора Кранфильда (он защищал также Ильзу Лоте, Хильду Лобауэр и Йозефа Клиппеля). Грезе давала точные показания о плане и разделении блоков «Лагеря С» в концлагере Аушвиц. Она сообщила, что число узников, находящихся под ее управлением, составляло до 30 000 человек.

Не задумываясь, давала Грезе справку о плетке, которую имела при себе: это была легкая плетка длиной около 70 см, свитая из трех прядей синтетической ткани, которая была сделана в ткацком производстве лагеря. Резиновую дубинку она, по ее словам, использовать не могла, так как это было запрещено комендантом лагеря. Поэтому такую дубинку, в чем ее упрекали несколько свидетели, она не имела при себе никогда.

Грезе также объяснила суду, в каких именно случаях она применяла плетку. Как правило, это было воровство: «Когда «Лагерь С» заполнялся все больше и больше, продукты на кухне постоянно крали». Кроме того, она, по ее словам, должна была заботиться о том, чтобы из-за переполнения лагеря каждый заключенный получал только лишь одно одеяло вместо двух. Так как одеяла снова и снова крали, она проверяла блоки и по таким поводам снова применяла плетку. Но при этом Ирма энергично оспаривала обвинения в умышленной жестокости по отношению к заключенным.

Вот фрагмент из указанного перекрестного допроса:

«— Били ли Вы когда-нибудь заключенного до тех пор, пока он не обливался кровью или падал без сознания, или же били Вы когда-нибудь заключенных, которые лежали бы на земле?

— Нет.

— Вы когда-нибудь били заключенных в Бельзене?

— Да.

— Чем?

— Рукой.

– Вы били когда-нибудь заключенных в Бельзене чем-нибудь иным как рукой?

– Нет.

– Вам говорили когда-нибудь Ваши начальники о газовой камере?

– Нет. Мне рассказали об этом заключенные.

– Вы приказывали когда-нибудь Вашим заключенным держать большие камни над головой в каждой руке? (Утверждение Катарины Найгер. – *В.М.*)

– Нет, и я должна сказать, что Катарина Найгер вообще ни секунды не была в моем лагере».

По утверждению Грезе, она получала команду для «селекций» по телефону от руководительницы переключки или старшей надзирательницы Маргот Дрешель (ее судьба нам неизвестна. Есть непроверенные сведения, что за свои преступления она была повешена в Польше в 1945 году). По приказанию Дрешель заключенные строились в шеренги по пять человек, после этого доктор Менгеле производил «селекцию». Одновременно Грезе должна была внести имена «отсортированных» в составляемый при этом список. «Отсортированные» передавались в другие концлагеря в Германии или определялись для «особого обращения», что означало отправку их в газовую камеру. О существовании этих газовых камер, настаивала Грезе, она узнала от заключенных.

Насчет поведения заключенных в «Лагере С» Освенцима она объясняла: «Сначала, когда заключенных было не так много и они получали достаточно еды, все было в порядке. Но позже, когда я имела под своим началом уже 20 или 30 тысяч заключенных, они вели себя как животные». Поэтому Грезе и стала носить с собой огнестрельное оружие для самозащиты. До того, пока лагерь не оказался перегруженным людьми сверх всякой нормы, она никогда не использовала оружие.

Корреспондент «Нового Ганноверского курьера» наблюдал скамью подсудимых в этот момент: «Крамер, Гура и некоторые из женщин-подсудимых смеялись⁶, когда Грезе говорила: “Я никогда не выстрелила ни в кого, никого не ранила и не убила. Я выстрелила только однажды в новогодний вечер из пневматического ружья в воздух”».

⁶ То, что смеялся обвиняемый Гура, как раз неудивительно: вскоре он был признан невинным и освобожден от ответственности.

Ирма также утверждала, что никогда не угрожала плеткой и никогда не имела при себе собаку. Кроме того, она не устраивала никогда, как это утверждала свидетельница Найгер, перекличку в 3 часа утра. Также она отрицала утверждение бывшей узницы Коппер о том, что она специально посылала узников за разграничительную линию, где их убивала охрана. Также неправдой было, по ее словам, и то, что она планировала кого-то к отправке в газовую камеру. Наконец, она отрицала, что планировала вместе с комендантом лагеря Йозефом Крамером еще в Освенциме планы жестоко обращаться с беглецами или убивать их:

«Я всегда знала, что заключенные притворяются при виде меня. Теперь же я вижу, что они ненавидят меня. Я думаю, что причиной тому то, что я – из СС».

Примерно то же она говорила и о Берген-Бельзене. По ее словам, Берген-Бельзен был «полностью переполнен». Каждый день сюда прибывало все больше заключенных. Она была объята ужасом от того, насколько эти люди грязны и больны. После этого ее высказывания суд отсрочил заседание на следующий день.

Перекрестный допрос продолжился 17 октября в первой половине дня. Обвинитель полковник Бэкхаус пытался запутать Грезе вопросами, что, однако, не удавалось ему. Грезе часто переворачивала все контрвопросами и остроумными ответами. Она бурно оспаривала то, что будто бы имела прирученную собаку:

«– Почему Вы говорите, что не имели никакой собаки?»

– Я не хотела ее иметь.

– Тем не менее я утверждаю: вы имели собаку при себе, и, когда вы маршировали с вашей специально выделенной группой рабочих, собака бежала рядом, чтобы подгонять отстающих.

– Я лучше Вас знаю, имела ли я собаку или нет».

Вообще, Ирме нельзя было отказать в смелости и находчивости. Так, когда Бэкхаус стал задавать ей вопросы о ее детских годах, она с уничтожающим сарказмом задала ему встречный вопрос: «Я надеюсь, Вы не будете утверждать, что я и ребенком была людей?» Когда же он напомнил ей заявление Гертруды Диамент об избииении Ирмой женщин, лежащих на земле, она ответила: «Это ложь. Возможно, что лежать – любимое занятие Диамент».

Все же Грезе, как мы сказали, не стала отрицать часть обвинений. Помимо того, что она сама была заключенных плеткой и руками, она приказывала подчиненным ей надзирательницам, чтобы они тоже били узников. В одном случае она признала и истяза-

ния «спортом», разумеется, без того чтобы заключенные несли на себе камни, как в этом упрекали ее.

Бэкхаус пытался добиться от нее признания, что она находила удовольствие в мучении узников концлагеря, но на это, однако, Грезе не поддавалась:

«– Свидетели утверждают, что ваше любимое занятие было – бить их.

– Это любимое занятие свидетелей – лгать».

Бэкхаус возвращался к этому снова и снова. Однако Грезе всякий раз бурно оспаривала это обвинение. Вот их диалог:

«– Когда Вы были со специально выделенными группами рабочих за пределами лагеря, то вы с удовольствием били женщин. Вы наслаждались этим?»

– Я говорю Вам еще раз, что Вы очень плохо проинформированы обо мне. Это чудовищная ложь.

– Несколько свидетельниц высказали, что Вы были самой плохой надзирательницей во всем лагере.

– Да, они это сказали. Но они все лгут. Людям свойственно преувеличивать и делать из маленькой мухи слона».

Обвинение хотело доказать, что Ирма Грезе избивала узников, чтобы показать свою власть. Она будто бы наслаждалась этим, гордо вышагивая в тяжелых сапогах и с огнестрельным оружием. Грезе, по его мнению, била заключенных руками и плеткой в Освенциме «при случае» для того, чтобы почувствовать особенное «ощущение счастья» при этом. Грезе постоянно оспаривала обвинения в свой адрес. Это, по ее мнению, являлось следствием преувеличений или путаницы в показаниях свидетелей.

Бэкхаус (видимо, не от хорошей жизни) пытался уличить ее даже в изменении прически. В Освенциме и Берген-Бельзене она, по его мнению, выглядела другой, нежели на процессе. Грезе объяснила: изменение прически произошло в тюрьме и не было преднамеренным. (Что обвинителя раздражали великолепные ниспадающие локоны Ирмы, неудивительно: дожившие до нашего времени очевидцы процесса вспоминают их до сих пор.)

В заключение ее спросили, почему она, хотя и знала, что союзники приближались к Берген-Бельзену, не скрылась, а просила коменданта лагеря Крамера о том, чтобы остаться. Грезе объяснила это как свое личное дело и упомянула своего друга – эсэсовца Ханцингера, умершего от тифа в марте 1945 года. Она, по ее словам, «хотела быть ближе к нему». Это вполне могло бы послужить

сюжетом для драматической повести, если бы в Берген-Бельзене ежечасно не происходили и другие, не менее трагические события...

На двадцать шестой день заседаний, 16 октября 1945 года, вступительную речь произнес защитник майор Кранфильд. «Незначительную вину» своих подзащитных он пытался обосновать «общим положением в нацистской Германии». Концентрационные лагеря, говорил он, были, согласно немецкому праву, «легальными тюрьмами», а их узники – «легальными пленниками». Поэтому, уверял Кранфильд, нельзя подводить под британские законы концентрационные лагеря при их оценке:

«Обвинение говорило здесь об отсутствии санитарных и гигиенических условий в лагерях. Оно утверждает, что в Бельзене не имелось ни стыда, ни личной жизни. При всем моем уважении к узникам лагеря я считаю, что большинство из них никогда не знало и раньше никакой личной жизни». (Видимо, Кранфильд намекал на то, что в лагере было много «асоциальных» заключенных.) Далее защитник отвел почти все обвинения против Грезе.

Кранфильд, кажется, сделал все что мог, дабы спасти свою подзащитную от виселицы. Это тем более удивительно, если вспомнить, что он, как и судьи, был англичанином. Особенно наступательной была заключительная речь Кранфильда на 46-й день процесса, 8 ноября 1945 года. Три четверти этой речи он занимался Ирмой Грезе. То, что Грезе при переключках принуждала узников опускаться на колени, объяснял Кранфильд, служило «облегчению при подсчете». Факт, что Грезе осуществляла надзор за огромным количеством заключенных – от 20 000 до 30 000, среди которых находилось много убийц, объяснял, по мнению защитника, то, что она всегда носила при себе плетку.

Кранфильд напомнил суду, что мать Ирмы погибла, когда девочке было всего 14 лет, что двумя годами позже она навсегда оставила родной дом и что в возрасте 18 лет она была направлена против своей воли на службу в концентрационный лагерь. Девушке было всего лишь 19 лет, когда она попала в в ужасную атмосферу Аушвица. Далее адвокат пытался сыграть на том, что отец Ирмы был простой сельскохозяйственный чернорабочий, что она была плохо образованна и, как абсолютное большинство своих сверстников, была беззащитной жертвой пропагандистской машины нацистов.

Затем, что было более существенным, Кранфильд обратил внимание суда на противоречия в показаниях свидетелей. Например, Хелен Коппер заявила, что Грезе появилась в Освенциме после Равенсбрюка «в 1941-м или раньше». Между тем было точно установлено, что Грезе лишь в 1942 году начала свою службу в Равенсбрюке. Следовательно, утверждение Коппер не могло рассматриваться как доказательство. Кроме того, надзирательница СС не имела права отдавать приказ стрелять в заключенных мужчинах—охранникам СС, а именно в этом и упрекали Грезе. В ответ на обвинения Грезе в том, что она избивала узниц и своим кожаным ремнем, Кранфильд продемонстрировал суду этот ремень — настолько легкий и узкий, что он не мог нанести сколько-нибудь серьезных повреждений.

Таким образом, адвокат сделал максимум возможного, но спасти жизнь Ирмы Грезе уже было не в его силах.

13 ноября 1945 года с заключительным словом выступил обвинитель полковник Бэкхаус, речь которого продолжалась весь день. Он выступал отдельно по каждому подсудимому, но занимался Грезе, однако, больше, чем другими. Главный обвинитель называл ее «странной женщиной, которая обходится очень откровенно со всеми упреками против нее». Она, по его утверждению, уже ребенком имела желание вступить в БДМ, что было ей запрещено отцом. Бэкхаус доказывал суду, что свидетельницы не могли выдумать ее высказывания, для этого они были «слишком подробны». Основными же обвинениями против Грезе остались избиения заключенных и натравливание на них собаки. Доказать убийство ею хотя бы одной заключенной обвинению так и не удалось. Закрывая последнее заседание суда, полковник Бэкхаус заявил, что «для торжества справедливости суд должен признать всех подсудимых виновными».

17 ноября 1945 года, ровно через 2 месяца после начала процесса, был объявлен приговор военного трибунала. Его зачитывал председатель суда генерал-майор Берней-Фиклин. Подсудимые должны были входить в зал группами по два-три человека и вставать у скамьи подсудимых. Ирму Грезе ввели вместе с двумя другими женщинами — Элизабет Фолкенрат и Юаной Борман. Почему именно с ними, выяснилось после того, как председатель объявил всем троим меру наказания: «Смерть через повешение».

«Глаза Элизабет Фолкенрат выкатились из орбит, она взволнованно дышала, Йоханна Борман была погружена в себя, но Ирма

Грезе даже не изменилась в лице. Военные полицейские вывели трех женщин наружу» – так сообщала «Люнебургер Пост» о завершении процесса.

После оглашения приговора Ирма Грезе, Элизабет Фолкенрат, Юана Борман и восемь осужденных эсэсовцев-мужчин были переведены в тюрьму города Гамельн для его исполнения. Здесь к ним присоединились еще двое мужчин, осужденных к смерти другим судом. (Мы не знаем, писала ли Ирма Грезе прошение о помиловании, как это сделали некоторые другие осужденные. В любом случае английский фельдмаршал Монтгомери отклонил все ходатайства.) Инженеры британской армии построили в тюрьме виселицу, а осужденные, судя по всему, принуждены были слышать все эти ужасные приготовления, напрямую их касающиеся. Для проведения казни из Великобритании прибыл королевский палач – знаменитый Альберт Пьерпойнт.

В своих мемуарах Пьерпойнт так описал первую встречу с Ирмой Грезе: «Она вышла из камеры смеясь и, не прекращая смеяться, подошла к нам. Она казалась настолько красивой девушкой, какую только можно было пожелать для свидания. Она ответила на вопросы О'Нейла (переводчика), но когда он спросил ее возраст, она сделала паузу и улыбнулась. Я поймал себя на том, что тоже улыбаюсь, так как понял обычное затруднение женщины, не желающей показывать свой возраст. В конечном счете она сказала: «Двадцать один», – что было правдой...»

В ночь накануне казни Ирма написала свое последнее письмо родственникам. Мы приводим его с небольшими сокращениями⁷: «12 декабря 1945 года.

Мои верные горячо любимые братья и сестры! Последний раз я могу поделиться с вами своими мыслями. Час пришел, остались только лишь минуты, которые я физически могу находиться вблизи вас. Все в мире идет так или иначе к своему концу, так и моя жизнь... Мне кажется, что я не иду на смерть, а ухожу к кому-то, кто ждет меня с большой тоской. Никакого страха перед смертью нет в моем изнемогающем сердце!

Лизхен и Лени⁸, за все ваши тяжелые жертвы, которые вы радостно приносили для меня, я благодарю вас последний раз. Если я могу просить вас о чем-то еще раз, то я прошу вас, чтобы

⁷ Перевод наш. – В. М.

⁸ Сестры Ирмы Грезе.

вы оставались точно такими же гордыми немцами, какими были до сих пор, пусть ваши сердца никогда не знают колебаний и разочарований, а демонстрируют только упрямство и непреклонную любовь к нашему любимому Отечеству. Это всегда было моим принципом, и это я уношу с собой в могилу... Если мне будет позволено завтра видеть вас из машины, я хочу попрощаться с вами навсегда таким образом: со смеющимся лицом и с правой рукой, приложенной к левой стороне груди... Сегодняшняя ночь проходит быстро, и скоро наступит утро, а с ним придет и известный час, «подготовка» для ухода в вечность. Да, это будет. Я не хочу оттягивать ваши сердца и передаю в своих строках вам, мои любимые, последние слова прощания. Вы должны вечно думать обо мне. Преданную любовь свою дарите также нашему Отечеству. Я остаюсь верна ему и в моем тяжком положении до самой смерти. С этими последними словами ваша любимая сестра Ирма Грезе уходит из этого несправедливого мира!»

Казнь была назначена на пятницу, 13 декабря 1945 года. Было решено первыми по одной повесить женщин, а затем по двое – мужчин. Об этой тяжелой процедуре Пьерпойнт рассказал так: «Обязанные свидетели начали собираться, и наконец появились британский чиновник, ответственный за исполнение приговора – бригадир Патон-Уолш, которого я знал еще с довоенных времен как представителя губернатора Уондсворта. С ним была и мисс Уилсон, представитель губернатора Манчестера, которая должна была присутствовать при казни женщин. Часы уже показывали без нескольких минут девять, и Патон-Уолш спросил меня: «Вы готовы, Пьерпойнт?» Я ответил: «Да, сэр». Тогда он распорядился: «Господа, следуйте за мной», и процессия начала двигаться.

Мы поднялись по лестнице к камерам, в которых находились осужденные... и через открытую дверь вошли в комнату, предназначенную для исполнения приговора. Чиновники стояли по стойке «смирно». Бригадир Патон-Уолш посмотрел на свои наручные часы и дал мне сигнал. В помещении был слышен вздох каждого присутствующего. Я вышел в коридор и громко сказал: «Ирма Грезе!» Немецкие охранники быстро закрыли все замки на двенадцати камерах, открыв только дверь одной. Ирма Грезе вышла из своей тесной камеры, и здесь, в коридоре, я связал ей руки. «Следуйте за мной», – сказал я по-английски, а О'Нейл повторил это по-немецки. Она вошла в комнату исполнения и на мгновение

пристально посмотрела на всех присутствовавших. Затем взойшла на эшафот и встала в центр круга, который я мелом нарисовал на виселичном люке. Она стояла на люке очень уверенно. Когда я надел на нее белый капюшон, то услышал, как она произнесла свое последнее слово: «Schnell! (Быстрее!)». В следующее мгновение ее тело провалилось в люк... Затем мы вместе доктором спустились вниз, под эшафот, где он констатировал смерть осужденной, которая оставалась на виселице еще 20 минут. После истечения этого времени ее тело было снято с виселицы и положено в заранее приготовленный гроб. Через десять минут я подготовил веревку для Элизабет Фолкенрат, вышел в коридор и назвал ее имя. Полчасом позже я повесил Юану Борман».

Впоследствии Пьерпойнт однажды сказал, что Ирма Грезе «...была самой храброй из всех мужчин и женщин, которых я повесил».

Таким образом, Ирма Грезе была повешена в 9.34 утра. За ней последовали Элизабет Фолкенрат – в 10.03 и Юана Борман – в 10.38, а затем 10 мужчин. Тела казненных были погребены на гамельнском кладбище Вель в отдельных маркированных (немецкая аккуратность!) могилах. Их личные вещи были отданы родственникам. Так, сестрам Ирмы Грезе – Хелен и Лизхен – были вручены по списку: деньги – 439 марок 65 пфеннигов; сберегательная книжка на сумму 4391 марка 57 пфеннигов; шесть колец из желтого металла; пояс для чулок; плащ; накидка от пыли; три рубашки; две пижамы; фартук; три пары чулок; туфли синего цвета; пара высоких сапог; платье; две пары носков; юбка; две блузки; синий пуловер; платок; два трико; бюстгальтер; рюкзак; портмоне; свидетельство о рождении; два гребня; рейтузы.

Но и после смерти Ирму Грезе не оставили в покое: в 1986 году ее могилу сровняли с землей, чтобы прекратить паломничество неонацистов и просто любопытных к этому месту.

...После окончания Второй мировой войны многие исследователи занимались «проблемой Ирмы Грезе», то есть пытались понять причины такого явления, когда молодая и красивая девушка становится способной на жестокие поступки. Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, мы во многом знаем эти причины, главные из которых – условия тоталитарного режима и отсутствие гражданского общества, которые формируют людей «зомби», готовых безотчетно выполнять **любые** приказания свыше. Уже упомянутая нами Лина Хааг так сформулировала свое понимание

сущности этого явления: «Мы можем на худой конец понять, что люди запуганы. Невероятно, почему так много оказалось садистов. Действительно ли это садисты, преступники, убийцы по сути своей? Я в это не верю... Они – обыватели. Но волею обстоятельств они оказались не в финансовом управлении, а в полиции, не писарями в магистратуре, мясниками, канцеляристами, строительными рабочими или служащими ЗАГСа, а чиновниками гестапо или эсэсовцами. Они не отличают добро от зла, а делают то, что им приказано. Им не приказано отличать добро от зла, право от бесправия, им приказано искоренять и истреблять врагов государства. Они делают это с той же тупой педантичностью, с тем же немецким усердием и с той же немецкой основательностью, с какой обычно проверяли налоговые декларации, или писали протоколы, или закалывали свиней. С профессиональным усердием, добросовестно и серьезно стегают они плетьюми привязанных к скамье беззащитных женщин, будучи глубоко убежденными в том, что тем самым служат государству и своему фюреру. Решающее значение здесь имеет типично немецкое сознание своего долга»⁹.

Вполне можно согласиться также и с теми авторами, которые считают, что случай Ирмы Грезе – классический случай того, что случается, когда незрелому человеку дают огромные права и полномочия распоряжаться судьбами и жизнями большого количества людей. Ведь мало кого из ее начальников интересовало, сколько из узников концентрационного лагеря были избиты ею. Более того, Ирма чувствовала, что исполняла волю фюрера, и считала, что он освободил ее от ответственности за ее действия. Как же она заблуждалась... Да только ли она? А вся немецкая нация? А другие народы, попавшие под власть преступных антидемократических режимов?

Не желая никого обидеть или тем более оскорбить, задумаемся над печальным вопросом: так ли уж велика разница между этими двумя девушками – немкой Ирмой Грезе и русской Зоей Космодемьянской? Они были по разные стороны фронта, но и та и другая **не задумываясь выполняли преступные приказы** своих руководителей. Первая могла измываться над вверенными ей беззащитными людьми, выполняя приказы Гитлера и Гимmlера, а другая поджигала дома мирных жителей, выполняя изуверский приказ И.Сталина уничтожать все в прифронтовой полосе. (Именно

⁹ Хааг Лина. Горсть пепла. М., 1981. С. 183–184.

об этом приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года известный историк Д.А. Волкогонов писал: «Война беспощадна. Возможно, что такие действия могли создавать жестокие неудобства оккупантам. Все это так. Но для скольких советских людей их крыша была последним хрупким прибежищем, где они надеялись перенести лихолетье, дожидаться своих, спасти детей. Кто скажет, чего было больше в этом приказе: военной необходимости или бездумной ожесточенности?»¹⁰) И та и другая были уверены, что защищают свою Родину, но были всего лишь крохотными винтиками двух ужасных, бесчеловечных систем, изуродовавших и погубивших их жизни.

Заканчивая рассказ об Ирме Грезе, еще раз надо подчеркнуть: прежде всего нацизм виновен в том, что из обычной деревенской девушки вышла жестокая надзирательница фашистского концентрационного лагеря. В других условиях она, вполне возможно, выросла бы добропорядочным гражданином своей страны, женой и матерью. Все задатки для этого у нее были. Это видно хотя бы из того, с каким мужеством она приняла свою судьбу, считая, возможно, ее лучшим исходом для себя, так как Германия проиграла войну.

Юана Борман

Родилась 10 сентября 1893 года. Подробности ее довоенной биографии нам неизвестны. Поступила на службу в СС в 1938 году. «Так я могла заработать больше денег», – заявила она на суде. Ее деятельность в концлагерях началась в Биркенау (Аушвиц – II), где она находилась с 15 мая 1943-го по декабрь 1944 года в должности медсестры. Затем – служба в Берген-Бельзене с февраля 1945 года, где под ее началом был лагерьный свиновод.

На процессе Юане Борман были предъявлены три обвинения: участие в «селекциях», жестокое обращение с заключенными (одна из свидетельниц заявила под присягой, что Юана на ее глазах выбила одной из узниц сразу два зуба) и натравливание на них собаки. Почему-то последнее обвинение было предъявлено отдельно, а поэтому Борман неофициально фигурировала на процессе как «женщина с собакой».

¹⁰ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: В 2 томах. Т.2. М., 1990. С. 146.

Обвинения в участии в «селекциях» Борман так и не признала. Между тем немецкая свидетельница Анна Джонас утверждала, что обвиняемая присутствовала на «селекциях» не просто по долгу службы: она, например, указывала докторам, проводящим отбор заключенных, на наиболее ослабевших узниц: «Вот эта смотрится весьма слабо, ее тоже надо забрать». Другая свидетельница обвинения, Йилка Малаховска из Польши, рассказала на суде, что однажды в Биркенау в январе 1943 года Борман приняла участие в отборе 50 девушек, одна из которых была родной сестрой Йилки. Грузовик с девушками той же ночью уехал в направлении крематория, который располагался вне лагеря, и больше этих девушек никто никогда не видел. Обвинения такого рода поддержал целый ряд свидетельниц – Эстер Волграш, Дора Зильберберг, Рэчел Келишек, Ханка Розенцвайг и Дора Шафран из Польши, чешка Вера Фишер, гречанка Алегра Кальдерон, Илона Штейн из Венгрии и другие. Тем не менее Борман до конца стояла на своем и даже утверждала, что убыла из Биркенау годом раньше, то есть в декабре 1943 года.

Что же касается двух других обвинений, то Борман утверждала, что лишь иногда «не очень сильно» была вверенных ей заключенных по ушам и давала им пощечины, если они ее не слушались. Она признала наличие у нее собаки в Аушвице, но при этом заявила, что она никогда не заставляла эту собаку нападать на заключенных. По ее утверждению, свидетели обвинения ошибочно приняли ее за другую надзирательницу, также имевшую собаку. Кроме того, натравливание собак на заключенных, заявила Борман, строго запрещалось и наказывалось.

Несомненно, что на судьбу Юаны Борман сильно повлияли заявления другой бывшей надзирательницы, Герды Боте, которая поддержала обвинение против своей подельницы в жестоком обращении с заключенными. Сделано это было, по-видимому, либо из желания отомстить за что-то Борман, либо как-то выгородить себя. Насколько это помогло самой Боте, трудно сказать. Она получила 10 лет тюрьмы, но была освобождена досрочно – в 1951 году. А вот положение Борман ее показания сильно осложнили.

Юана Борман была оправдана по обвинению в избиениях заключенных в Берген-Бельзене, но была осуждена за преступления в Аушвице-Биркенау. Всех предъявленных обвинений вполне хватило для вынесения ей смертного приговора. Накануне приведения

его в исполнение, 12 декабря 1945 года, палач Пьерпойнт измерил рост и вес своей будущей «подопечной»: они оказались равными, соответственно, 152 сантиметрам и 46 килограммам. По его словам, Борман «...хромала, идя по коридору, выглядя старой и измученной... Она дрожала, когда встала на весы. По-немецки она сказала: “Я очень чувствительна...”»

Наутро 53-летнюю Юану Борман вели на виселицу в полуобморочном состоянии...

Элизабет Фолкенрат

Родилась 5 сентября 1919 года. Подробности биографии до 1942 года нам неизвестны. Свою лагерную службу начала в Освенциме (Аушвиц – I) в марте 1942 года в качестве надзирательницы. Затем в декабре того же года была переведена в Биркенау (Аушвиц – II), где служила на почте и хлебном складе до сентября 1944 года (неизвестно, означал ли этот перевод понижение в должности). В сентябре 1944-го Фолкенрат снова переводят в Аушвиц – I, где она до 18 января 1945-го отвечала за рабочую группу заключенных.

Ее служба в Берген-Бельзене началась 5 февраля 1945 года в должности старшей надзирательницы. В обязанности Фолкенрат входили контроль и организация службы подчиненных ей надзирательниц. Но уже через несколько дней она попала в больницу и смогла приступить к исполнению своих обязанностей только 23 марта, то есть за три недели до освобождения лагеря.

Чешская заключенная Гертруда Диамант, бывшая узница Освенцима, свидетельствовала на суде, что в течение 1942 она видела, как Фолкенрат участвовала в «селекциях». Она, по утверждению свидетельницы, отдавала распоряжения о погрузке заключенных в грузовики и отправке их к газовой камере. Фолкенрат отрицала это, заявляя, что она, действительно, присутствовала при «селекциях» в августе 1942 года, но только в качестве наблюдателя. При этом она утверждала, что обязана была присутствовать там, будучи ответственной за женский лагерь, но всего лишь наблюдала за тем, чтобы «заключенные сохраняли спокойствие и вели себя надлежащим образом». О том, куда будут отправлены грузовики с заключенными, Фолкенрат, по ее словам, не имела представления.

Еще одна свидетельница из Освенцима, полька Джозефина Зингер, заявила, что обвиняемая неоднократно избивала женщин-заключенных в швейной мастерской, а однажды так ударила узницу, что та отлетела на несколько шагов. В аналогичных действиях, только уже на хлебном складе, уличала Фолкенрат и другая свидетельница из Польши – Лидия Саншайн. Наконец, свидетельницы Злата Кауфман и Эдит Тригер из Чехословакии и советская гражданка Александра Сивидова под присягой показали, что Фолкенрат избивала дубинкой женщин-заключенных, лежащих на земле, пиная их при этом ногами.

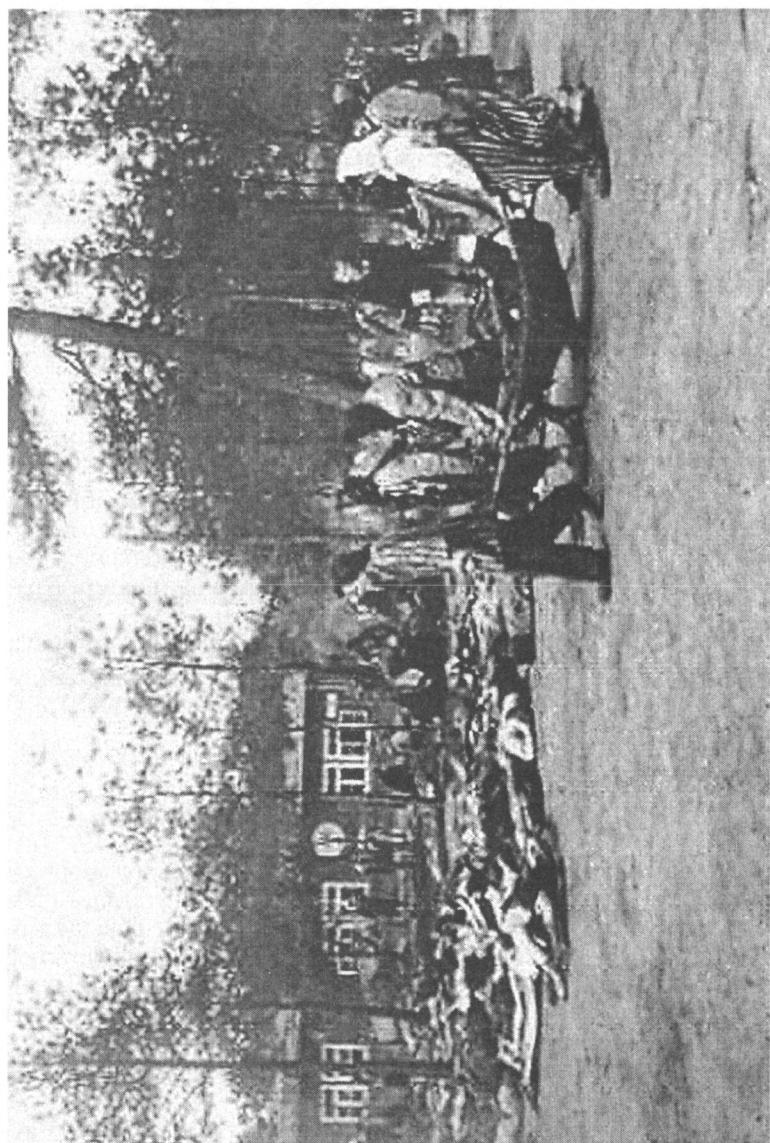
Еще одна свидетельница из Польши, Хелен Хаммермарш, бывшая узница Берген-Бельзена, показала, что и там Элизабет Фолкенрат избивала заключенных резиновой дубинкой и пинала ногами. При этом она описала конкретный случай с одной молодой девушкой, которую Фолкенрат жестоко избила. Это свидетельство было подтверждено показаниями других женщин – бывших заключенных этого лагеря.

На все это обвиняемая отвечала, что никогда не избивала заключенных, а «ограничивалась только пощечинами». Что же касается описанного Хаммермарш случая, заявила Фолкенрат, то девушку, совершившую побег, избивал сам комендант лагеря Крамер, а она всего лишь присутствовала при этом.

Оправдания не помогли ей: Элизабет Фолкенрат была признана виновной в жестоком обращении с заключенными в обоих лагерях – Освенциме и Берген-Бельзене. Этого вполне хватило, чтобы отправить ее на виселицу.

3.1.2. Второй Берген-Бельзенский процесс

Он проходил через полгода после окончания первого процесса по этому лагерю – с 16 по 30 мая 1946 года, и по своим масштабам был неизмеримо меньше его. В печати он почти не освещался. На этот раз перед британским военным трибуналом предстали 9 бывших сотрудников администрации лагеря, в том числе 3 женщины. Приговор был суровым: все были признаны виновными, из них четверо (мужчины) были приговорены к смертной казни через повешение, а остальные – к различным срокам лишения свободы (см. прил. 2).

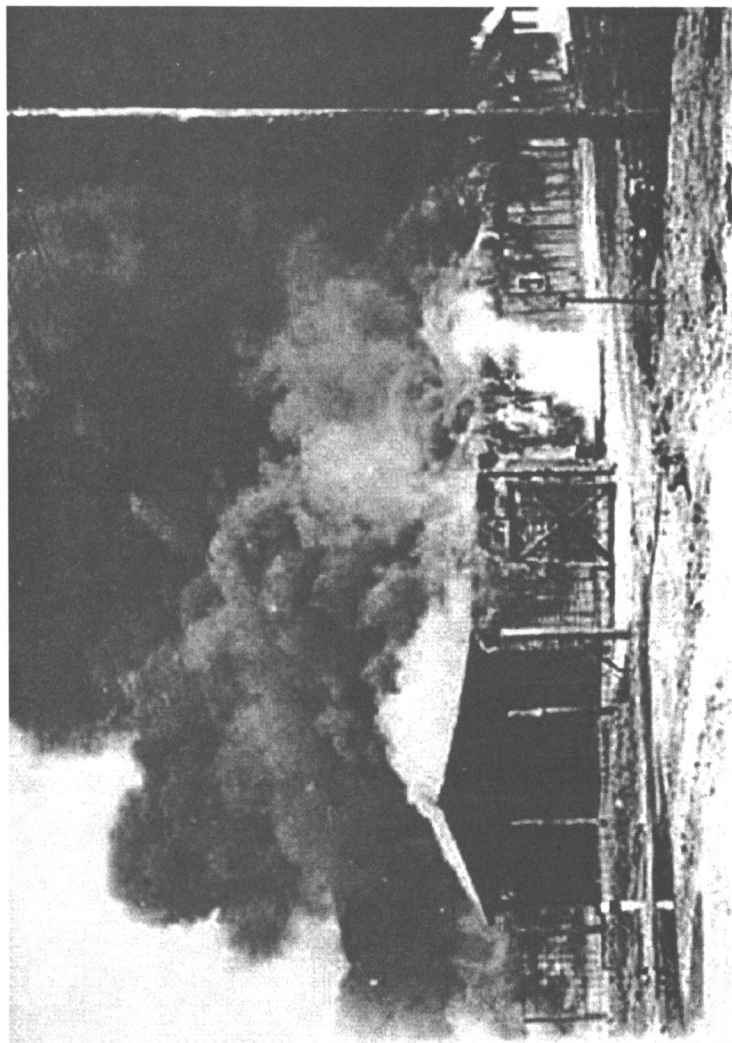

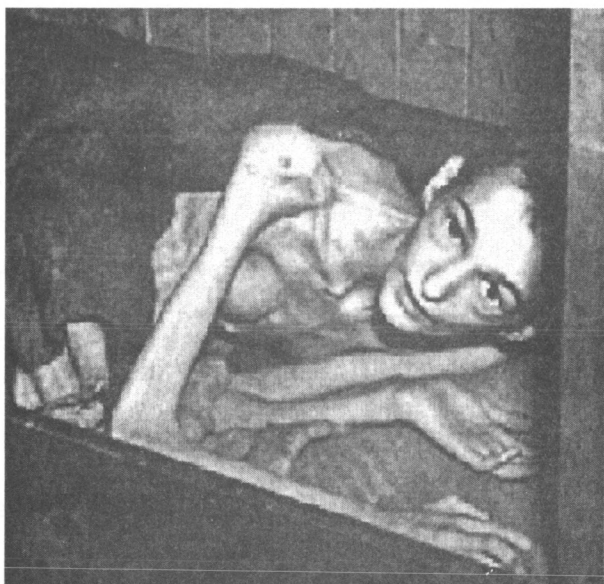
Берген-Бельзен освобожден... Бывшие заключенные заняты страшной работой

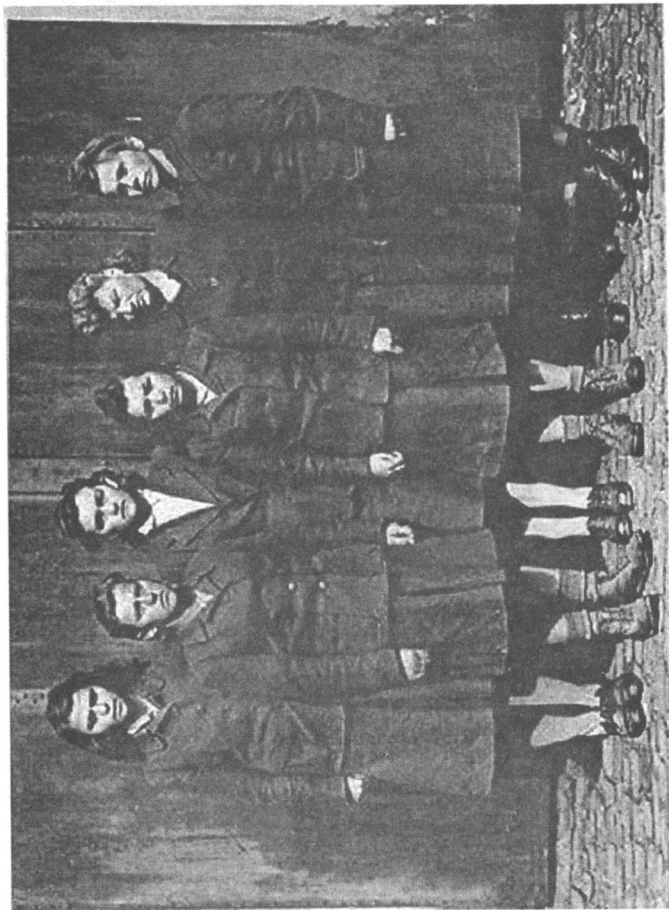
В этих бараках жили узники Берген-Бельзена

21 мая 1945 года. «Бараки, где страдали люди, предаются огню» — так писала одна английская газета

Так выглядели узники лагеря в момент его освобождения

Это группа надзирателей Берген-Бельзена, тех самых «валькирий SS». Помятый и неуверенный вид объясняется просто: снимок сделан уже после взятия их под стражу. Первая слева – Шарлотта Клейн, вторая – Хильде Лизивил. Первую трибунал оправдал, а вторую приговорил к одному году лишения свободы. Им повезло... Личности других нам пока установить не удалось

...а это они все вместе

...а это они же вблизи. Что и говорить, выразительные лица... (крайняя справа – Герда Боте, приговоренная позже к 10 годам лишения свободы. В настоящее время доживает свой век в Германии)

...это они же перед работой

...а это они за работой: под охраной английских солдат захоранивают трупы умерших. 20 из 76 охранников лагеря, привлеченных к этим работам, позднее умрут (большинство – от тифа)

Эти узники Берген-Бельзена дожили до освобождения...

...а эти не дожили... (в таких гигантских братских могилах погребали умерших после освобождения лагеря)

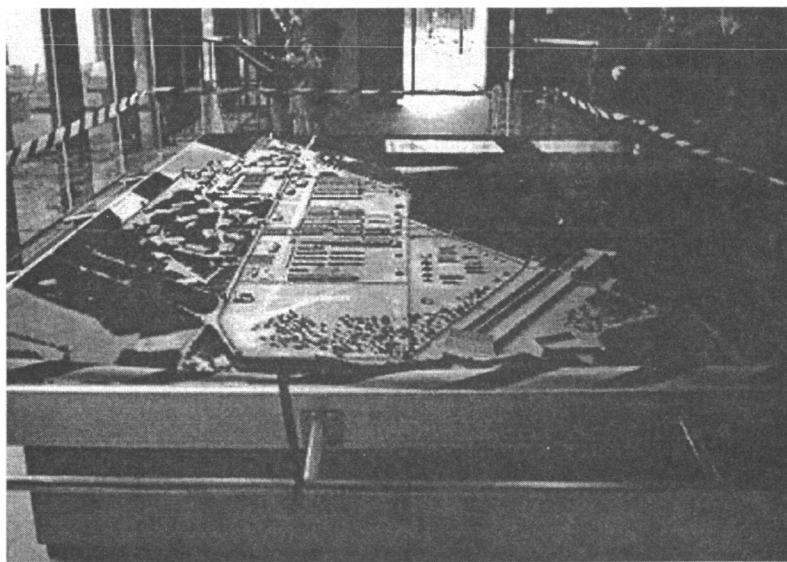

Так погребали трупы погибших

Берген-Бельзен сегодня

Памятная стена

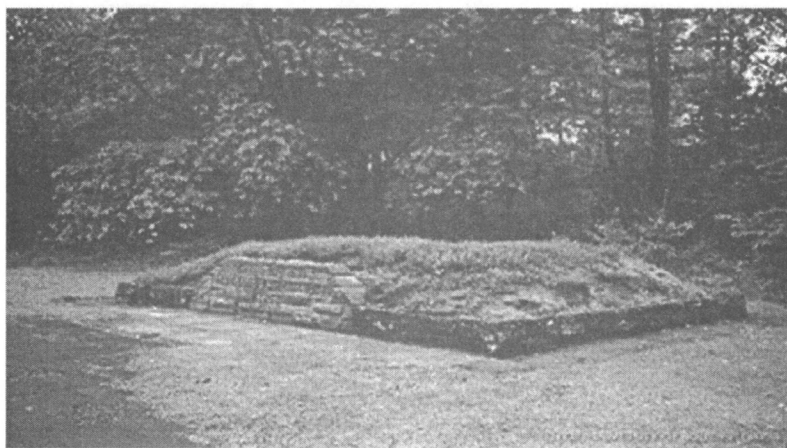

В одном из залов мемориального комплекса

Монумент в честь евреев, погибших в Берген-Бельзене

Основные «достопримечательности» Берген-Бельзена – могилы

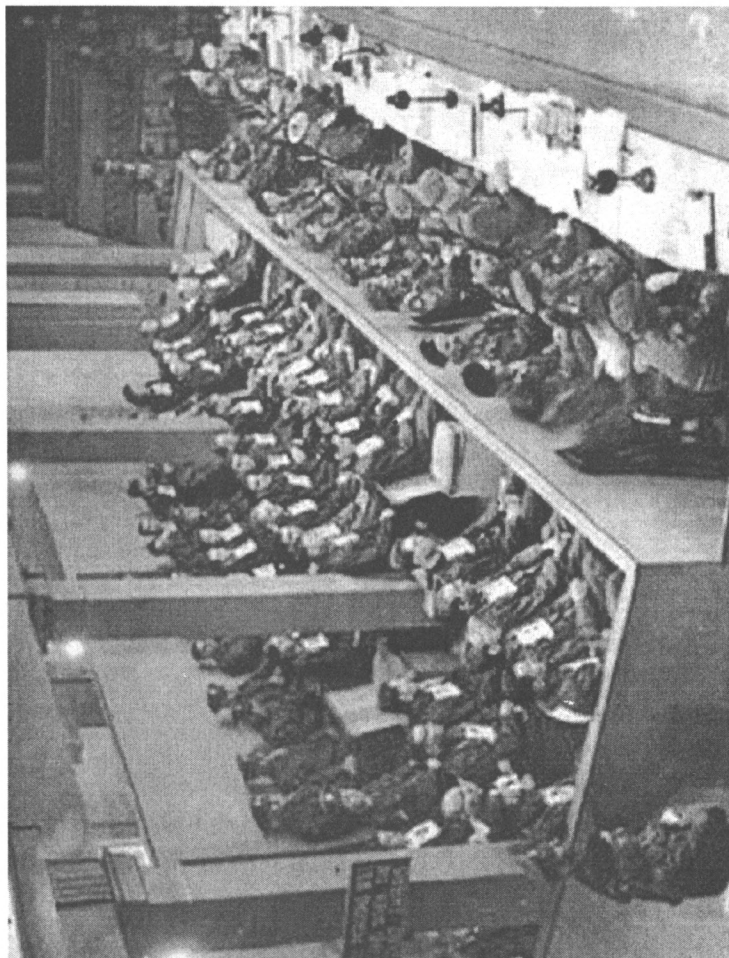
Памятник в честь Анны Франк и ее сестры

Такой была Анна Франк

Здание суда в Лüneбурге,

Скамья подсудимых первого Берген-Бельзенского процесса

На скамье подсудимых женщины – бывшие надзирательницы Берген-Бельзена. Первый ряд слева направо: Э.Фолкенрат (№7), Г.Элерт (№8), И.Грезе (№9), И.Лотте (№10) и Х.Лобауэр (№11)

Ирма Грезе

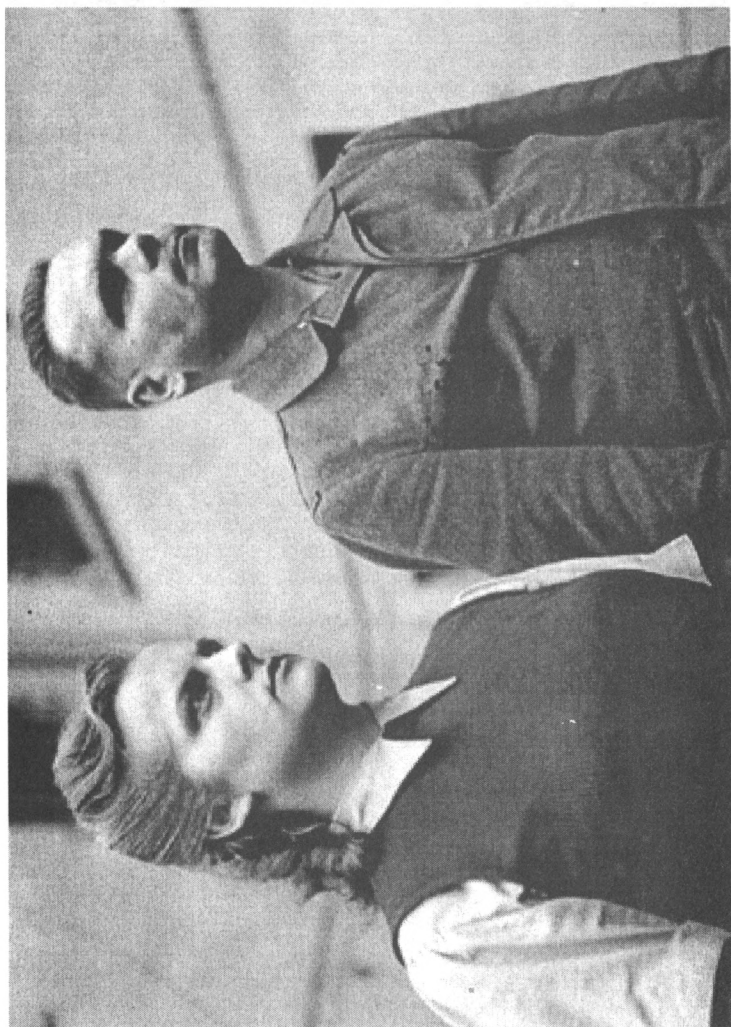
Школьная фотография Ирмы
Грезе
Немецкая «двойка» –
это наша «четверка»

Она была обычной немецкой девушкой...

Ирма Грезе и Йозеф Крамер,
бывший комендант концлагеря Берген-Бельзен, в тюрьме

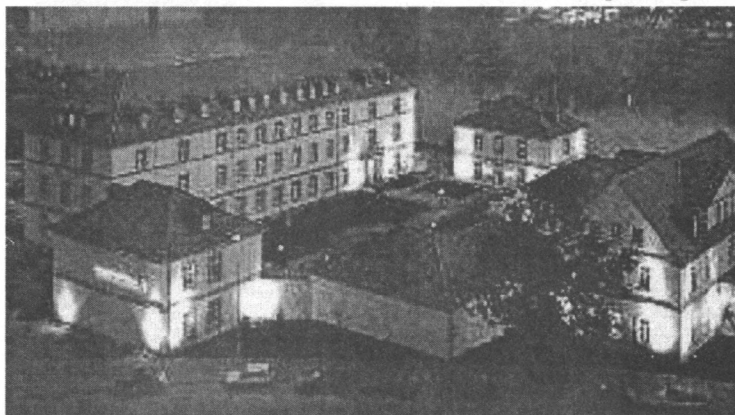
И снова они же

Тюремная фотография
Ирмы Грезе

Ирма Грезе (в центре) покидает
зал судебных заседаний после
объявления приговора

Так выглядит гамельнская тюрьма в наши дни.
В бывшем помещении для казней теперь располагается ресторан

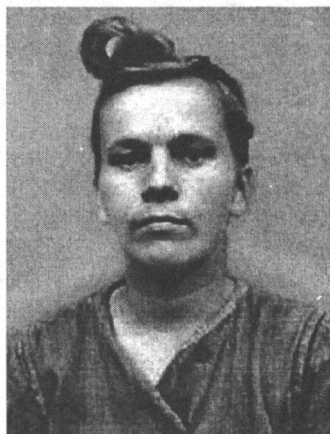
Эти пропагандистские плакаты нацистов сопровождали Ирму Грезе всю ее сознательную жизнь. Но ее почему-то не привлек последний из них¹¹

¹¹ Плакатный материал получен на сайте www.achtung.fhost.ru/

Юана Борман

Элизабет Фолкенрат

3.2. Ад для женщин – Равенсбрюк

3.2.1. История лагеря

В жизни иногда бывает так, что мало кому знакомое место на земле вдруг становится знаменитым. Причем знаменитость эта может быть разного свойства: гордая, торжественная, печальная или мрачная. Маленький городок Фюрстенберг, земли Мекленбург, что на севере Германии, в 80 километрах от Берлина, приобрел печальную и мрачную известность, оттого что рядом с ним был расположен «женский ад» – концентрационный лагерь Равенсбрюк. Это был самый большой женский лагерь во времена нацистского режима: через него прошло, по разным оценкам, от 100 000 до 132 000 женщин из более чем 20 (в некоторых источниках – более 40) государств. При этом число погибших в нем составляет не менее 20 000 человек (максимальная оценка, озвученная на первом Равенсбрюкском процессе, – 92 000 человек).

Надо сказать, что Равенсбрюк был не первым женским концентрационным лагерем в Германии. Еще в 1933 году возник первый «женский превентивный лагерь» для женщин – противников национал-социализма в Мёрингене. Это был крохотный лагерь с «контингентом» в несколько десятков человек – в основном немецких коммунисток. Затем, в конце 1937 года, женский лагерь появляется на территории крепости Лихтенбург около городка Преттин. Это был уже вполне «полноценный» женский концентрационный лагерь, охраняемый СС и находящийся в ведении Центральной инспекции концентрационных лагерей. Но все это были лишь первые «опыты» национал-социалистов по созданию крупного концлагеря, предназначенного для женщин.

И такой лагерь начинает строиться в декабре 1938 года. Именно тогда из концентрационного лагеря Заксенхаузен на место будущего Равенсбрюка были доставлены 500 заключенных-мужчин. В их задачи входило до середины апреля 1939 года построить 14 жилых и 2 больничных барака, а также прачечную и столовую для нового концентрационного лагеря. Местоположение нового лагеря было выбрано не случайно: относительная его уединенность сочеталась с близостью железнодорожной станции Фюрстенберг и автостреды № 96.

18 мая 1939 года Равенсбрюк принял первых заключенных – 867 женщин. С этого дня и начинается мрачная история лагеря.

Организационная структура Равенсбрюка в точности совпадала со структурой аналогичного мужского концлагеря. Управление и охрана лагеря до лета 1942 года также состояли из мужчин. Лишь внутрilaгерьная служба принимала на службу женский персонал СС.

Специфика Равенсбрюка заключалась в том, что он одновременно был и «учебным центром» для надзирателей СС, через который прошло до 3500 таких «курсанток» и до 950 «курсантов». Кроме того, он являлся лагерьным комплексом, где в широких масштабах и с чисто немецкой деловитостью осуществлялась экономическая эксплуатация узников. Уже в 1940 году на территории лагеря был сооружен так называемый «промышленный двор» – принадлежащее СС предприятие по производству текстиля и кожи в форме общества с ограниченной ответственностью «Текслед». В структуре предприятия были 3 пошивочных мастерских, ремонтная мастерская, ткацкое производство и другие подразделения. В 1942 году на этом предприятии работало уже до 5000 женщин-заключенных.

С середины 1942 года трудовые ресурсы Равенсбрюка начинают напрямую задействоваться для нужд военной промышленности Германии (как известно, на режим военного времени она стала переходить только с весны 1942 года, когда нацистское руководство осознало затяжной характер войны). В августе 1942 года на территории лагеря появляются цеха электротехнического концерна «Сименс». Соответственно возросла и сложность выполняемых в лагере работ, что потребовало привлечения большего количества заключенных-мужчин. Потому численность мужского филиального лагеря, насчитывавшего в 1941 году 350 человек, возросла к 1944 году до 2000 человек. Увеличивается и другой филиал Равенсбрюка – «молодежный» лагерь Уккермарк. Численность контингента в других филиалах также увеличивается до 6000 человек.

В основном женском лагере численность заключенных составляла в 1942 году почти 8000, а в 1943-м – 10 000 женщин. Еще более значительно возросла эта численность Равенсбрюка его филиалов в 1944 году – более чем 70 000 мужчин и женщин. Такой быстрый прирост численности заключенных объяснялся прежде всего тем, что в Равенсбрюк, находящийся в центре Германии, эвакуировали контингент лагерей, к которым подходила линия фронта.

До 1942 большинство женщин-заключенных были по национальности немками, австрийками и поляками. Затем контингент лагеря становился все более «международным». Значительная часть лагерной документации была уничтожена в конце войны, но до нас дошли поименные списки 55 549 заключенных-женщин, в разное время доставленных в Равенсбрюк. Согласно анализу этих списков по странам, проведенному зарубежными исследователями, примерно 36% женщин, прошедших через Равенсбрюк, представляли Польшу, 21% – Советский Союз, 18% – Германию (с Австрией), 8% – Венгрию, 6% – Францию, 3% – Чехословакию и более 2% – Югославию и страны Бенилюкса. Остальные представляли еще более 20 государств либо были зарегистрированы как «цыганки».

Что же касается причин заключения, то до лета 1941 года в лагере преобладали уголовные преступницы. После начала войны с СССР положение изменилось за счет поступления в лагерь большого количества арестованных по политическим мотивам.

В упомянутых списках фигурирует также 881 ребенок в возрасте от 2 до 16 лет 18 национальностей. Многие из них появились на свет в Равенсбрюке. Только за период с 19 сентября 1944-го по 22 апреля 1945 года в Равенсбрюке было зарегистрировано 527 рождений. Значительная часть этих детей погибла в последние недели существования лагеря и в ходе его эвакуации.

Надо сказать несколько слов и о комендантах Равенсбрюка, тем более что их было всего два. Первым лагерным комендантом, официально вступившим в эту должность 1 января 1940 года, был гауптштурмфюрер СС Макс Кёгель. После его перевода в Майданек (коменданты лагерей постоянно переводились из лагеря в лагерь) Равенсбрюк возглавил 20 августа 1942 года переведенный из Заксенхаузена гауптштурмфюрер СС Фриц Зурен. Он и управлял лагерем до его эвакуации в апреле 1945 года.

Женский концентрационный лагерь Равенсбрюк был освобожден наступающими частями Красной армии 30 апреля 1945 года. Однако лагерь к тому времени был уже почти пуст: большая часть его заключенных и персонала была эвакуирована.

3.2.2. Равенсбрюкские (гамбургские) процессы

После окончания войны прошел целый ряд процессов над бывшими охранниками, врачами и медсестрами концлагеря Равенсбрюк. Наиболее известными из них были процессы 1949–1950 годов в Раштадте (обвиняемых судил французский военный трибунал), «процесс врачей» 1946–1947 годов в Нюрнберге и, конечно, гамбургские процессы. Именно на этих процессах были вынесены смертные приговоры женщинам из числа лагерного персонала Равенсбрюка.

В 1946–1948 годах в Гамбурге в здании местного профсоюза преподавателей¹ состоялись семь знаменитых Равенсбрюкских процессов (их также называют гамбургскими Равенсбрюкскими процессами, так как все они состоялись в одном месте). На них перед британским военным трибуналом предстали 38 человек – 17 мужчин и 21 женщина (довольно необычное соотношение для подсудимых военного трибунала). Из этого количества мужчин 10 были приговорены к смертной казни, 6 – к длительным срокам лишения свободы, а один умер во время процесса. Женщинам пришлось не многим легче: 9 из них были приговорены к смертной казни, а 8 – к различным срокам лишения свободы. Правда, четверо были оправданы.

Судить персонал лагеря было за что. Хотя Равенсбрюк и не был похож на Освенцим или Майданек (которые в литературе называют «лагерями уничтожения»), люди, заключенные в него, страдали, мучились и погибали. Причем в массе своей это были женщины. В Равенсбрюке имели место и жестокие физические наказания, и побои, и издевательства, и внесудебные расправы – то есть весь набор способов глумления над человеком, его достоинством и жизнью. Одной из самых мрачных страниц истории Равенсбрюка стало проведение на его территории бесчеловечных медицинских опытов на живых людях. Так, с середины 1942 года врачи СС стали производить опыты применения медицинских препаратов на заключенных. В частности, здесь испы-

¹ Кстати, в этом здании во время войны заседал нацистский суд. В дальнейшем, кроме британского, здесь заседали также французские и (по некоторым сведениям) советские военные трибуналы, перед которыми представляли бывшие эсэсовцы. Так, именно здесь весной 1946 года прошел процесс по концлагерю Нойенгамм.

тывалось действие сульфамидов, производились также хирургические вмешательства, имевшие целью исследование регенерации костей и их трансплантации.

Интересен тот факт, что среди осужденных женщин были и 4 женщины-заключенные, трое из которых были задействованы в Равенсбрюке в качестве младшего медицинского персонала, а одна исполняла обязанности надзирательницы. На процессах их обвинили в убийствах своих же союзниц и наказали жесточайшим образом: первые трое были приговорены к смерти, а надзирательница получила десятилетний срок заключения.

Сведения о тех процессах, на которых к смерти были осуждены женщины, мы приводим ниже вместе с жизнеописаниями осужденных. Данные об остальных процессах приводятся в приложениях.

Первый Равенсбрюкский процесс

Он проходил с 5 декабря 1946 по 3 февраля 1947 года. Перед британским военным трибуналом предстали 16 человек: 7 женщин и 9 мужчин. Таким образом, это был самый большой из семи Равенсбрюкских процессов.

Первоначально планировалось предать суду 19 человек, но еще до начала процесса три бывших руководителя Равенсбрюка – комендант лагеря Фриц Зурен, а также эсэсовцы Ханс Пфлаум и Фридрих Опиц – бежали из лагеря интернированных № 5, который был оборудован британцами в бывшем концлагере Нойенгамм. (Это, правда, не очень им помогло: позднее все они так или иначе предстали перед судом. Зурен и Пфлаум были задержаны в марте 1949 года в американской зоне оккупации, переданы французским властям, осуждены и расстреляны 12 июня 1950 года. Фридриху Опицу был «персонально» посвящен второй Равенсбрюкский процесс, по приговору которого он и был повешен в феврале 1948 года).

Суд заседал под председательством 50-летнего генерал-майора Виктора Джона Эрика Вестроппа. Заседателями были полковник Бончоус, подполковник Глендининг, майор Боулинг-Смит, капитан Букланд, капитан Скотт (все – офицеры Королевской армии). Официальным обвинителем был майор Стьюарт, а в помощь ему был придан польский майор Зимирц Ольшенский. Адвокатские функции осуществлял майор Стирлинг. В отличие от первого Бер-

ген-Бельзенского процесса обвиняемые по своему желанию получали для защиты немецких адвокатов, что повышало степень объективности судопроизводства. Процесс открылся в присутствии официальных наблюдателей из десятков стран, представителей немецкой юстиции и репортеров международной прессы.

Наибольший интерес среди обвиняемых вызывали Вера Зальвекварт и Кармен Мори, которые обе предстали перед судом как бывшие узницы лагеря и часто вместе отмечались в обширных комментариях прессы. Так, гамбургская «Шпигель» писала: «Две женщины вызывают на Гамбургском процессе особые чувства: черноволосая Кармен Мори и черноволосая чешка Вера Зальвекварт. Обе обвиняются в жестоком обращении с их товарками по несчастью. Кроме того, красивая чешка отпускала больным, будучи медсестрой, смертельные порошки». Надо сказать, что именно эти две подсудимые до самого конца отрицали практически все выдвинутые против них обвинения.

В первый день процесса майор Стьюарт зачитал вступительное слово обвинения. Он подробно описал суду состояние концлагеря Равенсбрюк. Лагерь, рассчитанный на 6–7 тысяч заключенных, был постоянно переполнен, а к январю 1945 года число узников достигло максимума – 40 тысяч человек. Санитарных устройств в лагере, естественно, явно не хватало. Вследствие этого среди заключенных распространялись болезни и эпидемии. Узники были крайне ослаблены, и многие из них не дожили до освобождения из-за отвратительного питания, тяжелой работы, плохой одежды и ежедневных, часто длящихся часами, переключек.

Подсудимые, которые несли ответственность за состояние лагеря, не предприняли, с точки зрения майора Стьюарта, никаких попыток улучшить эти плохие условия. Один из обвиняемых, Шварцхубер, признал, что продовольственное снабжение в лагере было недостаточным: «Суп был слишком тощим, а хлеба слишком мало». Поэтому обвинение исходило из того, что плохое состояние лагеря было хорошо известно всем подсудимым. Кроме того, обвинение утверждало, что только в газовых камерах Равенсбрюка и Уккермарка было убито от 3 до 7 тысяч человек. Была названа и общая цифра погибших в Равенсбрюке – 92 000 человек (как и большинство других аналогичных цифр, озвученных на первых послевоенных процессах, явно завышенная²). Персонал концлагеря

² В настоящее время исследователи оценивают число погибших в Равенсбрюке примерно в 20 000–30 000 человек.

выбирал, по мнению английского обвинителя, заключенных, которые затем уничтожались (то есть проводились так называемые «селекции»).

Таким образом, подсудимые обвинялись в военных преступлениях, истязаниях и убийствах (при этом, что интересно, преступления по отношению к немецким заключенным не учитывались). Надо сказать, что обвинение, как и в процессе по Берген-Бельзену, столкнулось с трудностями при поиске свидетелей преступлений подсудимых. Возможно, что именно поэтому подготовка процесса заняла около полутора лет.

На скамье подсудимых вместе с эсэсовскими охранниками находились и три бывшие узницы Равенсбрюка – Евгения ван Скене, Кармен Мори и Вера Зальвекварт, бывшие «функциональные заключенные». Дело в том, что из-за нехватки персонала СС часто на их должности назначались заключенные немецкой национальности. Это так называемое «самоуправление заключенных» было посреднической инстанцией между персоналом СС и сообществом узников. «Функционалы» тоже были узниками, но именно они образовывали «местную» власть в лагере, хотя формально лагерное управление от них абсолютно не зависело. Такая иерархия капо, блоксовых надзирателей, старших по блоку и старших по комнате была введена лагерной администрацией в систему социальных связей. Благодаря им СС мог весьма эффективно проводить свой террор в самых глухих углах лагеря, так как, например, старшим по блоку и по комнате непосредственно поручались задания по надзору и контролю. За это они имели привилегию быть освобожденными от физической работы.

Сначала эти должности занимались в Равенсбрюке преимущественно женщинами из рядов уголовных преступниц и так называемого «асоциального» элемента, но с течением времени на них все чаще попадали политические заключенные (иногда даже и коммунисты). Они пытались строить систему взаимной помощи. Таким образом, «функциональные заключенные» были, с одной стороны, «длинной» рукой СС, а с другой – защищающей рукой для узников. Надо сказать, что случай с Верой Зальвекварт и другими подобными ей узницами показывает, что обе эти стороны могли совмещаться в рамках одной личности.

Процесс проходил в соответствии с уже описанными правилами английского судопроизводства. В начале его после предъявления обвинений все подсудимые, как один, отказались признать

себя виновными. По ходу процесса свидетели обвинения и свидетели защиты высказывались попеременно. Все защитники имели возможность после допроса свидетеля обвинения задать ему вопросы. Но формальности формальностями, а обвинительный уклон на процессе, конечно, присутствовал.

Этот первый из серии гамбургских процессов по концлагерю Равенсбрюк остался в истории как один из наиболее суровых по отношению к фигурировавшим на нем подсудимым. Из 16 обвиняемых на этом процессе 11 были приговорены к смертной казни через повешение, а четверо – к длительным срокам лишения свободы. Один обвиняемый-мужчина умер в день объявления приговора от апоплексического удара, правда, неясно – до объявления ему смертного вердикта или после (см. прил. 3).

Что же касается женщин, то к повешению были приговорены пятеро из них: три бывших надзирательницы концлагеря – Доротея Бинц, Грета Безель и Элизабет Маршалл, а также бывшие медсестры этого же лагеря – Кармен Мори и Вера Зальвекварт. При этом самой молодой из осужденных, Доротее Бинц, было 26, а самой старшей, Элизабет Маршалл, 60 (!) лет. Как видим, судьи на этом процессе были настроены очень жестко и решительно.

Приговор был объявлен 3 февраля, а казни начались только через три месяца – 2 мая (видимо, рассматривались апелляции осужденных). Но в конечном итоге помилованных не оказалось.

Почти все осужденные по этому процессу (8 человек, за исключением Веры Зальвекварт и одного мужчины), были повешены за два дня – 2 и 3 мая 1947 года. Подробности казней нам неизвестны. Мы знаем лишь, что первой из женщин на эшафот взойшла Доротея Бинц, самая младшая по возрасту, пытавшаяся накануне казни совершить самоубийство. За ней с небольшими промежутками последовали Элизабет Маршалл и Грета Бёзель. Осужденная вместе с ними Вера Зальвекварт совершенно напрасно пережила весь кошмар ожидания помилования – 26 июня того же года петля английского палача Альберта Пьерпойнта затянулась и на ее шее. Еще одна из приговоренных, Кармен Мори, избежала казни, все-таки покончив с собой в тюремной камере. С нее мы и начнем.

Кармен Мори

Об этой женщине стоит сказать хотя бы несколько слов (кстати, ей посвящена довольно обширная литература, в том числе биографические романы). Ее жизнь, как и всякая жизнь истинной авантюристки, вместила в себя столько событий, что их хватило бы на десяток других, «обычных», биографий.

Кармен Мори родилась 2 июля 1906 года в столице Швейцарии Берне в семье врача-протестанта. От природы ей достался сильный темперамент, с которым она не могла долго находиться в одном месте или заниматься спокойным видом деятельности. Как утверждают исследователи ее жизни, Мори до 1924 года жила в Швейцарии. Затем она увлекается путешествиями, постоянно переезжает из Великобритании в Швейцарию и обратно. В 1928 году она покидает Великобританию и объезжает всю Италию, Испанию и Францию. В конце того же года Мори уезжает на два года в Амстердам.

Не позднее 1930 года она снова появляется в Англии, откуда переезжает в конце года в Мюнхен, чтобы начать карьеру оперной певицы. Но из-за осложнений после операции по удалению миндалин она в 1932 году потеряла свой прекрасный вокальный голос. Тогда Мори начала изучать журналистику – в Мюнхене, а затем в Берлине. Между прочим, она посещала еще и мероприятия по истории искусств, литературе и философии – ее неутомимая натура жаждала деятельности. По ее собственным словам, она свободно владела шестью европейскими языками.

Симпатизируя германским национал-социалистам, Кармен Мори после прихода их к власти становится (в 1934 году) агентом тайной полиции (гестапо). К этому времени она уже вовсю занимается журналистикой: еще в 1932 году именно в этом качестве Мори отправилась на поиски материалов для своих текстов. Хотя некоторые исследователи склонны считать ее увлечение этим ремеслом не более чем «хвастовством и мошенничеством», но, тем не менее, нельзя отрицать, что она работала как свободная журналистка.

При этом Мори, судя по всему, была и двойным агентом спецслужб Германии и Франции. Выполняя задание своих немецких хозяев, она следила во Франции за немецкими эмигрантами. За шпионаж в пользу Германии она и была арестована в Париже 5 ноября 1938 года вместе со своими сообщниками Максом Броном

и Германом Клошем. В частности, они пытались добыть информацию о линии Мажино. 30 апреля 1940 года французский суд приговорил ее к смерти: в Европе уже шла Вторая мировая война, а потому со шпионами не церемонились. Но 6 июня того же года президент Франции Альберт Лебрен своим указом помиловал ее. Днем позже она была освобождена. 24 июня, через два дня после капитуляции Франции, недалеко от города Тура Кармен Мори попадает в руки немцев, которые немедленно арестовывают ее по подозрению все в том же шпионаже, но уже в пользу Франции (их можно понять: уж больно подозрительным выглядело ее неожиданное освобождение после смертного приговора)³. После пребывания во французских тюрьмах Шерш-Миди и Френ в августе 1940 года Мори отправляют в Берлин. Там после допросов в гестапо ее сначала отпускают на свободу (!), но затем снова арестовывают.

Таким образом в феврале следующего, 1941-го, года Мори оказывается в женском концлагере Равенсбрюк. Здесь она пробыла до мая 1942 года, а затем перевозится для допросов в Берлин, откуда возвращается только в октябре 1943 года снова в Равенсбрюк. Ей удалось устроиться в одно из «привилегированных» мест – блок № 10, служащий и лазаретом, и местом умерщвления заключенных. Здесь она работала в качестве медсестры. Именно здесь Мори делала женщинам-заключенным (среди которых были и умалишенные) впрыскивания отравляющих веществ и отказывала им в болеутоляющих медикаментах, что ей и было поставлено в вину на процессе.

В первые послевоенные месяцы по собственной инициативе и с помощью британцев Кармен Мори принимает активное участие в охоте на разбежавшийся персонал лагеря. Для этого она даже устраивается на работу в отряд английской контрразведки, дислоцирующийся под Гамбургом. Так, она представляет им подробные сведения о профессоре Карле Гебхардте и других врачах концлагеря. Но в ходе ее контактов с английскими спецслужбами вдруг выяснилось, что Мори собственноручно принимала участие в умерщвлении узников путем смертельных инъекций и была замечена в выборе жертв экзекуций. Таким образом, из свидетеля она превращается в одну из обвиняемых, 5 ноября (возможно –

³ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 161.

октября) 1945 года арестовывается, а затем и садится на скамью подсудимых.

Британская газета «Телеграф» сообщала о ее высказывании в ходе перекрестного допроса, в котором Мори с большой долей невозмутимости утверждала, что никогда не работала в блоке № 10, где происходило уничтожение заключенных:

«Это неправда, что я была в блоке 10. Ведь если бы я отравила 300 заключенных у доктора Винкельманна, то не сидела бы здесь живой».

Правда, другие источники со ссылкой на материалы процесса сообщают, что Мори не оспаривала свою работу в блоке № 10, а только утверждала, что выполняла там лишь определенные виды деятельности. Так, она показала, что работала там начиная с января 1944 года рядовым работником и была назначена старшей по блоку доктором Трейте с 15 октября того же года. В этой должности она пробыла до 1 января 1945 года. В ее власти находилось более тысячи женщин-узниц. Затем до 26 января 1945 года она лежала как больная в блоке № 11, а после этого была переведена в один из внешних лагерей Равенсбрюка – Бат. Потом в Равенсбрюк ее отзывали только на три дня, с 8 по 10 марта, для допроса у эссовского начальника Рамдорфа, по поручению которого она действовала как лагерная шпионка. Мори далее показала, что доктор Трейте спас ей жизнь в лазарете.

Ее подруга, швейцарский врач-заключенная Энн Сперри, будучи допрошенной, показала, что Мори не могла делать никакие смертельные впрыскивания, так как «...никакого яда в лагере никому не давал». Арестованная швейцарскими органами власти, врач Энн Сперри не могла прибыть на процесс лично, но ответила письменно на вопросы защитника уже 29 ноября 1946 года. В них Сперри утверждала, что транспорты уничтожения с 300 обреченных женщин прибыли в блок № 10 уже тогда, когда Мори не была старшей по блоку. В ее собственном судебном производстве Сперри сначала молчала, но, будучи уличенной в своих связях с Мори, изменила свои показания, чем отяготила участь Мори⁴.

В приговоре как доказанный факт отмечалось, что Мори действовала в лагере еще и как шпионка, завербованная уголовным секретарем Рамдорфом.

На процессе Кармен Мори значительно выделялась среди других подсудимых своей интеллигентностью, владением

⁴ *Schäfer Silke*. S. 162.

несколькими языками, элегантностью образа «дамы в мехах». Ее колоритная внешность, эффектные выступления перед судом и громкая биография, мнение о ней как о новой Мата Хари привлекали к ней внимание наблюдателей на первом Гамбургском процессе по концлагерю Равенсбрюк. Мори описывалась журналистами как «необычайно светское явление с черными высокопричесанными волосами и положенным вокруг плеч мехом красной лись».

Свидетельницы же обличали ее как «монстра» и «изверга рода человеческого», виновную в систематических избиениях и издевательствах над заключенными, в результате чего одна узница-полька погибла. По их словам, любимым развлечением Мори было обливать заключенных ледяной водой, приговаривая при этом: «Теперь вы будете у меня чистые».

Почти наверняка можно утверждать, что смертный приговор, вынесенный ей 3 февраля 1947 года, был для Кармен Мори громом среди ясного неба. Конечно, она не в состоянии была представить себе, что ее, сорокалетнюю красивую и образованную женщину, могут повесить. 15 февраля ее адвокат направил ходатайство о помиловании, в котором утверждалось, что, согласно документам процесса, некоторые свидетели обвинения (прежде всего французка Виолетта Лекок, лейтенант медицинской службы французской армии, доставленная Равенсбрюк в октябре 1943 года) называли Мори «бестией» и рассказывали суду о ее преступлениях. В то же время другие свидетельницы, например заключенная Лампрехт, были о ней другого мнения и упоминали о ее работе в лагере как о вполне ординарной. Конечно, как это обычно и делается в таких случаях, адвокат делал акцент на свидетельствах, сделанных в пользу Мори.

Действительно, Кармен Мори была противоречивой личностью, которая могла притягивать к себе людей и производить на них неизгладимое впечатление. Она была одной из немногих женщин в лагере, которые, например, могли добиваться от эссовцев улучшения условий для заключенных. Но как раз эти способности Мори делали подчиненных ей людей и ее сторонниками, и ее жертвами.

Свою лепту в это дело внесло и швейцарское правительство: оно, пытаясь спасти свою подданную, послало 21 февраля 1947 года ноту протеста британским властям. Но, несмотря даже на это, 31 марта ходатайство о помиловании было отклонено, а при-

говор утвержден. Это сводило шансы на жизнь для Кармен Мори к нулю.

Приговоренная к смерти, она, в отличие от другой осужденной медсестры, Веры Зальвекварт, не стала тратить время на уже бесполезную борьбу за жизнь, а просто ушла из нее. Произошло это в ночь на 9 апреля 1947 года в 2 часа 30 минут ночи: Кармен бритвенным лезвием перерезала себе сонную артерию и тихо скончалась от потери крови...

Ее труп был передан 11 апреля немецкой полиции британскими органами власти для анонимного погребения.

Накануне самоубийства Кармен, 8 апреля, в 13 часов 35 минут, покончил с собой, отравившись невесть откуда взятым ядом, ее бывший лагерный начальник доктор Персиваль Трейте.

Предельно авантюрный сюжет жизненного пути Кармен Мори привлекал, как мы уже сказали, к себе внимание историков и литераторов все прошедшие после Второй мировой войны десятилетия. Уже в 1950 году вышел в свет первый биографический роман о ней – «*Bella donna*» («Прекрасная женщина»). Его автором был Йоахим фон Куренберг. Последнее из подобных произведений опубликовал в 2001 году Лукас Хартманн под названием «Женщина в мехах. Жизнь и смерть Кармен Мори».

Вера Зальвекварт

На этой трагической фигуре стоит остановиться особо, ибо речь пойдет о женщине, много натерпевшейся от нацистов, но, тем не менее, казненной за участие в их преступлениях. Она родилась 26 ноября 1919 года в местечке Клемуш-Вононч (территория нынешней Чехии) в семье чешки и судетского немца. В Лейпциге Зальвекварт получила квалификацию медицинской сестры, а затем год проучилась на медицинском факультете местного университета.

С начала Второй мировой войны жизнь Веры напоминает бешено вращающийся калейдоскоп. Все началось с того, что в мае 1941 года она была арестована за нарушение так называемых «Нюрнбергских законов», согласно которым немкам запрещалось сожительствовать с «расово неполноценными». Поэтому за связь со своим другом-евреем Вера попала в концлагерь Флоссенбург. Небезынтересный факт: ее друг был британским агентом, который

привлек сожительницу к подпольной работе на английскую разведку и разыскивался гестапо. (Источники утверждают, что Вера пыталась через своего знакомого офицера вермахта достать ни много ни мало чертежи «оружия возмездия» – ракеты «Фау-2».)

Через 10 месяцев Зальвекварт освобождается из заключения, но тут же возобновляет свою опасную связь со своим другом и снова попадает в поле зрения гестапо. Уже в мае 1942 года она снова арестовывается и по тому же обвинению осуждается на два года заключения. В апреле 1944 года она снова выходит на свободу, наконец-то обручается с любимым, и... все повторяется снова – в августе того же года Зальвекварт арестовывается в третий раз (теперь вместе со своим женихом и его сестрой), но уже по обвинению в шпионаже (впрочем, есть сведения, что в шпионаже гестапо заподозрило ее еще в 1941 году). Их судили в Дрездене. Жених Веры принял всю вину на себя и был приговорен к смертной казни.

После кратковременного заключения в концлагере Терезиенштадт и одной из берлинских тюрем она в декабре 1944 года попадает в концлагерь Равенсбрюк. Здесь Вера выполняет обязанности медсестры в лагерном лазарете. При этом она входит в доверие к доктору Персивалю Трейте (он впоследствии был также приговорен к повешению). Этот врач спустя шесть недель карантина (примерно в середине января 1945 года) отправляет Зальвекварт в лагерь Уккермарк, где она и пребывала до конца войны.

После капитуляции Третьего рейха Вера Зальвекварт находилась некоторое время в американском лагере для интернированных. Затем, после освобождения, она обосновалась в городке Гофхейм округа Таунус. Там она работала руководителем отделения расово преследуемых по округу Таунус-на-Майне. Тем не менее это ее занятие очень быстро завершилось, так как Веру обвинили в сокрытии сведений о себе, чего она, по ее словам, не совершала. Зальвекварт была этапирована в Кельн, где и была арестована англичанами. Здесь она узнала, что уже длительное время значится в списках разыскиваемых британскими следственными органами. Ее сразу же поместили в известный лагерь для гражданских интернированных лиц в Падеборн-Штаумполе.

В результате всех этих событий Вера Зальвекварт стала фигуранткой первого Равенсбрюкского процесса. Причем она предстала перед судом не как эсэсовка, а как бывшая заключенная концлагеря Равенсбрюк, то есть упомянутая выше «функциональ-

ная заключенная». В печати, освещавшей процесс, о Зальвекварт были самые противоречивые сообщения. Так, газеты писали, что она внушала страх другим заключенным, так как выдавала им таинственный белый порошок и делала смертельные впрыскивания больным. Кроме того, она якобы была замечена, когда выламывала золотые зубы у трупов. В то же время сообщалось, что она была осуждена 20 апреля 1945 года эсэсовским судом к смерти, так как включала живых женщин в списки мертвых и тем самым спасала им жизнь. Поэтому с 20 по 23 апреля 1945 года Зальвекварт якобы скрывалась в мужском отделении лагеря. Цену всем этим сообщениям и слухам и должен был определить суд.

В первый день процесса, 5 декабря 1946 года, обвинитель майор Стьюарт, касаясь роли Зальвекварт, сказал, что «сначала она была чем-то вроде старшей сестры в лазарете основного лагеря. Позже, когда «молодежный» лагерь Уккермак начал функционировать, она стала главной медицинской сестрой среди заключенных в этом лагере смерти» (обвинение утверждало, что в Уккермарке находилась газовая камера, где уничтожались узники). Но настоящие неприятные для Зальвекварт события стали происходить 9 декабря, когда суд заслушал свидетельницу обвинения нидерландку Нелтье Эпкер. В ее показаниях речь шла преимущественно о гигиеническом состоянии Равенсбрюка и молодежного лагеря Уккермарк. Однако помимо этого Эпкер обвинила и Веру Зальвекварт. Она, по ее мнению, не предпринимала никаких усилий по облегчению положения больных (хотя она была единственной медицинской сестрой в лазарете). Наоборот, другие узницы говорили ей, Эпкер, что Зальвекварт давала пациентам порошок или делала впрыскивание, «чтобы содействовать переходу их в лучший мир»⁵. Это уже было очень серьезное обвинение. Но и показания Эпкер, как выяснилось далее в ходе процесса, были еще только предпудрой.

Во вторник, 18 декабря, заслушивалась одна из основных свидетельниц обвинения против Веры Зальвекварт – бывшая заключенная Ирен Оттелард. Она идентифицировала обвиняемую номер 10 как медицинскую сестру лазарета в лагере Уккермарк. В перекрестном допросе, проводимом майором Стьюартом, Оттелард заявила, что Зальвекварт несет персональную ответственность за лагерь, так как единственный компетентный эсэовец-мужчина,

⁵ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 73.

Йозеф Келер, присутствовал от случая к случаю. Оттелард почти не видела этого врача в лазарете. В то же время она наблюдала, как Зальвекварт дала больной госпоже Инъектионен, подруге Оттелард, «белый порошок». Затем Оттелард видела, как ее подруга умерла. Зальвекварт же говорила больным узницам, что дает им порошок для поднятия сил. Если больные отказывались принимать порошок, то она делала им впрыскивание. Ирен Оттелард, по ее словам, наблюдала, как женщины, которые получали порошок или впрыскивание, «погружались в глубокий сон» Уже в течение следующего дня у всех них остановилось дыхание, то есть они умерли. Зальвекварт обращала на них внимание уже после того, как они переставали подавать признаки жизни. По показаниям Оттелард, Зальвекварт совсем не удивлялась тому, что ее пациентки умирали. Сама Оттелард наблюдала этот процесс неоднократно⁶.

После допроса майора Стьюарта и допроса адвоката обвиняемых свидетельница Оттелард была подвергнута адвокатом Зальвекварт Мартином перекрестному допросу. В ходе его Мартину удалось доказать, что лазарет был обогрет и что помещение его, благодаря усилиям Зальвекварт, в противоположность другим блокам в лагере, имело освещение. Кроме того, отдельные пациентки получали одежду. Оттелард вспоминала о том, что Зальвекварт выходила со слабыми пациентками из лазарета в теплые дни. Несколько раз она же распределяла добавочный паек хлеба и горячий чай среди пациенток. В лазарете также имелись теплая вода в мойке. В воскресенье, после того как получали весь хлебный паек, который распределяла Зальвекварт (опять же по заявлению той же Оттелард), ни одна из пациенток не страдала от голода. Также пациентки лазарета во время работы Зальвекварт не вызывались на переклички.

Оттелард, отвечая на вопрос Мартина о том, не должна ли она согласиться с тем, что Зальвекварт, судя по ее поведению, спасла многим заключенным жизнь, ответила: «Я должна сказать, что поведение Веры Зальвекварт было очень противоречиво. Действительно, она спасла жизнь нескольким женщинам, однако верно и то, что она убивала всех нас». После этих слов Ирен Оттелард покинула место свидетельских показаний⁷.

⁶ *Taake Claudia*. Op cit. S. 74.

⁷ *Ibid*. S. 75.

Другие свидетели, которые были заслушаны судом, не высказывали обвинений в адрес Зальвекварт, которая наблюдала процесс с каменным выражением лица. Один из наблюдателей процесса отмечал в своем отчете: «Почти ежедневно свидетельницы обвинения чередуются, и ежечасно возникают, несмотря на высокое самообладание этих женщин, все новые сцены ужасов из времени страданий узников. Обвиняемые же сидят в большинстве случаев абсолютно непричастно или с преисполненными презрения жестами на скамье подсудимых. На их лицах отражаются ненависть и примитивность, высокомерие или парализующий страх. Они стали невосприимчивыми для добра и зла».

На процессе были оглашены равносильные присяге заявления Зальвекварт, которые она сделала еще до начала процесса во время следствия и которые были использованы против нее во время ее перекрестного допроса. Однако в этих заявлениях она меньше всего обрисовывала собственные действия, а больше говорила о действиях мужчин и женщин-эсэсовок из ее окружения в концлагере. По ее словам, лазарет в молодежном лагере Уккермарк работал до середины января 1945 года, и она провела там всего лишь одну неделю. В течение этих 8 дней ею якобы распределялись больным только болеутоляющие средства. Согласно ее показаниям, никакой яд не выдавался пациенткам ни ею, ни врачами. Если пациентки вскоре после приема медикамента и умирали, то это происходило от плохого общего самочувствия больных, а не от выданных медикаментов.

После роспуска лазарета Зальвекварт, по ее утверждению, выполняла приказы руководства лагеря в составе особой команды по уничтожению узниц. Эта команда участвовала в убийстве женщин в газовых камерах лагеря. При этом Зальвекварт обязали хранить строжайшую тайну обо всем, что ей приходилось делать: «Если бы я нарушила свое молчание, то непременно получила бы пулю в затылок... Мое задание состояло в том, чтобы заполнять карты убитых женщин и удалять у них следующим утром золотые зубы». В течение этого времени ей строго были запрещены любые контакты с другими заключенными. При ней якобы неотлучно находился эсэсовец Рапп.

В конце марта 1945 года, после посещения комиссией Шведского Красного Креста концлагеря Равенсбрюк, лазарет возобновил свою работу. Зальвекварт же в это время находилась в качестве санитарки в молодежном лагере Уккермарк. То, что многие узники

считали, что она – врач, Зальвекварт объясняла тем, что принесла с собой в Уккермарк белый халат и была единственной, кто в нем ходил. Однако она сама никогда не работала в лагере в качестве врача.

Она сообщила также, что в лагере людей убивали в том числе и ядами, но себя виновной в этом не признала: «Ни один заключенный не может утверждать, что он видел сам или слышал от очевидца, что я жестоко обращалась с людьми или убивала их». Более того – по словам Зальвекварт выходило, что ей обязаны жизнью многие узницы лагеря. Так, по ее словам, она спасла жизнь «примерно 1000–1200 женщинам», подложно включив их в списки умерших. Кроме того, она якобы спрятала нескольких детей, а также взяла новорожденного дитя с помощью двух надзирательниц под свой присмотр. Этот ребенок был найден старшей надзирательницей лагеря Нойдек и убит ею. После этого Зальвекварт дала Нойдек вместо средства от головной боли яд, но Нойдек выжила⁸.

Однако все эти свои заявления подсудимая не смогла подтвердить ни фактами, ни свидетельскими показаниями. Это были только слова, которые не убеждали суд.

В пятницу, 10 января 1947 года, Вера Зальвекварт сама должна была подойти к месту свидетелей при даче показаний. Ее подвергли перекрестному допросу, который начал ее защитник, а продолжил обвинитель. Адвокат Мартин позволил Зальвекварт говорить долго и почти не прерывал ее, то есть превратил свою часть допроса в монолог обвиняемой. При этом Зальвекварт подробно описала состояние в молодежном лагере Уккермарк. Тем не менее о своей роли в лазарете и по существу обвинений, которые выдвинула против нее свидетельница Оттелард, она почти ничего не сказала.

На следующий день допрос продолжился. На обвинение в раздаче ядовитого порошка Зальвекварт возражала, что она распределяла каждый день порошки, таблетки и другие медикаменты от 30 до 40 пациенткам, что входило в ее функции как санитарки. Она получала эти медикаменты от чешского врача-заключенного. Если каждый день от 3 до 5 пациенток и умирали, то дело в «нормальной смертности», а не в ядовитом порошке. По словам Зальвекварт, Оттелард лежала в большом помещении лазарета и имела

⁸ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 77.

«очень плохое зрение» Только таким образом, как заявила обвиняемая, и можно объяснить то, что свидетельница связала распределение медикаментов и смерть пациенток. Одно никак не связано с другим. Наконец, сама свидетельница подтвердила, что примерно 180 пациенток лазарета не были убиты в газовой камере⁹.

Таким образом, Зальвекварт отмела все обвинения против нее, выдвинутые свидетельницей Оттелард.

В понедельник, 13 января 1947 года, обвинитель майор Стьюарт продолжил допрос. Он спросил подсудимую, какую выгоду она получала от того, что обеспечивала пациенток скатертями, бельем и едой в большем, чем это полагалось, количествах. Зальвекварт ответила ему, что она рисковала, не рассчитывая на вознаграждение от своих пациенток. Они и не имели ничего, чем можно было бы «оплатить» ее услуги. На это Стьюарт с сарказмом возразил ей, что лазарет в лагере Уккермарк, если верить словам Зальвекварт, представлял собой скорее санаторий, чем приемный пункт лагеря смерти: никаких переключек, никаких отборов, особые нормы пищи и одежды. Тогда непонятно, как согласуются с этим многочисленные высказывания свидетелей об убийствах в данном лазарете. Подсудимая отвечала, что многие узники наблюдали, как заключенные шли в течение дня в лазарет, а затем ночью грузовики увозили каких-то заключенных за пределы лагеря. В этом многим виделась определенная связь. Именно поэтому многие и считали, что убивают пациентов лазарета, в то время как в газовые камеры отправлялись другие заключенные лагеря.

Зальвекварт обвинила мужчин-эсэсовцев Раппа и Келера в том, что в граничащем с лазаретом помещении проводились эксперименты на заключенных с использованием ядов, но сама она якобы никогда не присутствовала при этом и не могла даже войти в это помещение. Только однажды она вошла туда в сопровождении надзирательницы и врача-заключенного. Там находились женщины, которые были одеты в одни ночные рубашки. Несколькими позже всех их Рапп и Келер отправили в газовую камеру¹⁰.

Затем почему-то, вне всякой логики, подсудимая признала обвинение свидетельницы Оттелард в том, что она, Зальвекварт, угрожала пациентке отравить ее, если она еще раз испачкает пос-

⁹ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 78.

¹⁰ *Ibid*. S. 79.

тельное белье. В то же время Зальвекварт заявила, что никогда бы не убила ни пациенток, ни тех, кому угрожала. Подтверждая это заявление, Зальвекварт рассказала суду, что однажды в лазарете находились 76 женщин, которые прибыли после налета на Равенсбрюк авиации союзников. Многие из них были ранены, а поэтому она выдала им веронал для облегчения их страданий. Этим она хотела всего лишь облегчить их боли. Ни одна из женщин при этом не умерла от этого лекарства. Некоторые из женщин, правда, умерли в результате полученных ранений, но ни одна не была убита ею¹¹.

Подсудимая по-прежнему активно отрицала каждое обвинение в убийствах ядом в форме порошка или впрыскиваний, а поэтому майор Стюарт пытался доказать ее неискренность, постоянно ловя ее на противоречиях в собственных высказываниях. И, надо сказать, что в какой-то мере ему это удалось.

Так, Зальвекварт вынуждена была признаться в том, что при своем аресте в 1946 году жила под девичьей фамилией ее матери – Маркова – и под другим именем – Анна. Стюарт обвинил ее, кроме того, в том, что мнимое письмо Гамбургского комитета заключенных, которое якобы объявляло все обвинения против Зальвекварт ложными, является плодом ее же собственной фантазии. Действительно, следов такого письма, будто бы полученного подсудимой еще до ареста, нигде не обнаружилось, в том числе и в самом Гамбургском комитете. (Зальвекварт утверждала на процессе, что не знала об объявленном на нее розыске за деятельность в Равенсбрюке: она-де получила письменное заявление от упомянутого комитета о том, что слухи, которые распространялись о ней, ошибочны. А скрывалась она якобы только потому, что хотела оставить в тайне причину своего заключения в лагерь.)

Майор Стюарт обратил внимание суда и на такой нюанс: при аресте Зальвекварт имела при себе штемпель, который свидетельствовал о том, что она – «врач». А ведь образование медицинской сестры и всего лишь двухсеместровое изучение медицины ни в коем случае не давали подсудимой повода для изготовления такого штемполя. Это был еще один аргумент в пользу того, что Вера Зальвекварт была неискренней перед судом¹².

¹¹ Веронал принадлежит к группе так называемых барбитуратов, оказывающих снотворное действие на организм. При отравлении ими наступает остановка дыхания и сердца. Конечно, Зальвекварт не могла не знать об этом. В настоящее время веронал не используется. – *В.М.*

¹² *Taake Claudia*. Op. cit. S. 80.

После того как Стьюарт закончил свой перекрестный допрос Веры Зальвекварт, адвокат Мартин задал ей еще несколько вопросов в отношении ее образования как медицинской сестры. Целью этих вопросов было хоть как-то сгладить впечатление неискренности от ответов подсудимой.

Но еще более серьезная неприятность ожидала Зальвекварт и ее адвоката при допросе Маргарет Рабе, бывшей надзирательницы СС, как свидетельницы защиты. По замыслу Мартина, Рабе должна была подтвердить суду, что Зальвекварт находилась под постоянным наблюдением эсэсовцев Раппа и Келера и что отношение его доверительницы к обоим своим надзирателям было исключительно плохим. И тут произошло совершенно неожиданное: на вопрос адвоката Рабе вдруг ответила, что ей трудно охарактеризовать отношения этих трех людей. Она якобы никогда и не утверждала, что они были плохими. Даже наоборот, такое утверждение не соответствовало бы истине.

Далее Рабе заявила, что Зальвекварт прислала ей письмо, в котором просила ее, чтобы она сделала выгодные ей, Зальвекварт, заявления. (Можно себе представить, как выслушал это все Рудольф Мартин – ведь Зальвекварт не поставила его в известность об этом своем письме.) Сначала согласившись было на эту сделку, она, Маргарет Рабе, теперь уже стоя перед судом, говорит только правду: ей ничего не известно о разногласиях между Зальвекварт, с одной стороны, и упомянутыми двумя эсэсовцами и старшей надзирательницей лагеря Нойдек – с другой.

Для защиты Зальвекварт слова Рабе были нокаутирующим ударом. Репортер «Шпигеля» наблюдал эту сцену, когда адвокат Мартин поспешно сворачивал так неудачно затеянный им допрос: «Зальвекварт потерпела неудачу, так как выбранные ею свидетели защиты неожиданно косвенно обвинили ее саму. Одному из них она сама писала письмо, о существовании которого ее адвокат ничего не знал... Это никогда не производит хорошее впечатление, и суд может решить, что подсудимая пробует себя в оказании давления на свидетелей, что очевидно здесь и происходит»¹³.

Есть сведения, что аналогичное фиаско потерпел Мартин при допросе еще одной свидетельницы – австрийки Лотты Зоннтаг (ее вызов на процесс также был для него неожиданным). Эта свидетельница со всей определенностью внезапно заявила, что

¹³ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 80–81.

Зальвекварт, несомненно, отравляла заключенных, цинично используя при этом их доверие к себе¹⁴.

На этом перекрестные допросы с участием Веры Зальвекварт были закончены. Тем не менее, 27 января 1947 года она еще раз вышла на место дачи свидетельских показаний. Дело в том, что она (опять без ведома своего адвоката) направила письмо адвокату Стирлингу, в котором она обвиняла подсудимых Трейте, Шварцхубера и Винкельманна в том, что они письменно склоняли ее к тому, чтобы она не обвиняла их при проведении перекрестного допроса. Так, Трейте будто бы просил ее в письме (которое тайно передал ей в зале судебного заседания), чтобы она ни в коем случае не заявила, что именно он направлял людей в молодежный лагерь Уккермарк, где их отравляли газом. А Винкельманн будто бы писал ей, что он никогда не предпринимал отборы для газовых камер. Обе эти записки Зальвекварт, по ее словам, показала подсудимой Кармен Мори, а затем уничтожила их на обратном пути из суда в тюрьму.

Адвокат Винкельманна при этом попытался вмешаться и даже предъявил Зальвекварт исписанный листок, спросив ее, не та ли это самая записка (на что Зальвекварт ответила отрицательно), но Стирлинг прервал их переговоры. Так как сама же подсудимая заявила, что она уничтожила мнимые послания, Стирлинг объявил все происходящее «бесполезной тратой времени»¹⁵.

К этому времени процесс уже подходил к своему завершению, и адвокатам пора было произносить свои заключительные защитительные речи. Сохранившиеся протоколы процесса подтверждают удивительную вещь: только четверо из защитников воспользовались этим правом. Поэтому надо отдать должное адвокату Веры Зальвекварт, который это право использовал.

В своей заключительной речи Рудольф Мартин пытался убедить суд в том, что его подзащитная делала только все наилучшее для своих пациенток и никогда и никого из них не убивала никакими ядами. Кроме того, Зальвекварт, по его утверждению, всегда находилась под контролем эсэсовцев Раппа и Келера. Свидетельница же Оттелард, по мнению Мартина, не могла наблюдать, как Зальвекварт выдавала ядовитые порошки, а домыслила это из того факта, что многие пациентки умерли в лазарете.

¹⁴ *Pacel Э.* Проклятие свастики. М., 1954. С. 234–235.

¹⁵ *Taafe Claudia.* Op. cit. S. 81.

Многочисленные летальные исходы в лазарете стали возможными, по его мнению, не в связи с выданными медикаментами, а представляли собой «нормальную смертность» в условиях концентрационного лагеря. Если пациенты вскоре после выдачи медикаментов и умирали, то это происходило только от плохого общего состояния этих людей. Зальвекварт же, которая должна была считаться с возможностью расправы со стороны СС, только улучшала своими «рискованными действиями» состояние лазарета в лагере Уккермарк, и даже значительно. На этом Рудольф Мартин закончил свою речь, сделав все от него зависящее для спасения жизни своей подзащитной.

После речей адвокатов с заключительной речью выступил обвинитель майор Стьюарт. В этой своей речи он еще раз провел полный обзор состояния концлагеря Равенсбрюк и еще раз подчеркнул, что именно благодаря действиям надзирателей «обычный концентрационный лагерь» превратился в гигантскую машину уничтожения и в самую большую женскую тюрьму в истории. По его мнению, подсудимые делали все, чтобы устроить в нем «правление страха». В ответ на аргументы защиты Стьюарт привел высказывания самих подсудимых. Так, подсудимый Шварцхубер сам рассказал, как в лагере производились казни. Помимо этого, имелись «многочисленные свидетельские показания» о применении газовой камеры.

По мнению Стьюарта, обвиняемые должны были признать свою вину. Оправдания же типа «мы выполняли приказы вышестоящего командования» не могли ни в коем случае приниматься судом¹⁶.

Уже через 2 дня после окончания допросов, в понедельник, 3 февраля 1947 года, во второй половине дня был объявлен приговор. Согласно ему одиннадцать обвиняемых, и среди них Вера Зальвекварт, приговаривались военным трибуналом к смертной казни через повешение.

По свидетельству очевидцев, при объявлении приговора Зальвекварт встала как можно дальше от обвиняемых-эсэсовцев. Один из журналистов так писал об этом: «В полной тишине, которая тягостно заполняла переполненный зал судебного заседания, приговор объявлялся каждому отдельному подсудимому... Чешка Вера Зальвекварт смотрела неподвижным лицом на судей и, услышав

¹⁶ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 82.

свой смертный приговор, на секунду покачнулась. Но она быстро взяла себя в руки и покинула зал без посторонней помощи». (Видимо, не все осужденные смогли это сделать.)¹⁷

Защитники обвиняемых после объявления приговоров еще раз имели возможность обратиться к суду с просьбами о смягчении приговоров для своих клиентов. Это сделал и адвокат Рудольф Мартин, до конца защищавший Веру Зальвекварт. Он просил суд, чтобы тот учел, что его подзащитная должна была жить якобы при таких же плохих условиях в концентрационном лагере, как все другие заключенные. При этом, говорил он, Зальвекварт в течение всех этих спорных девяти недель в лагере Уккермарк, как и ее пациентки, была абсолютно беззащитна перед СС. Она не имела никакого выбора и должна была договариваться с убийцами, чтобы спасти свою жизнь. У нее не было никакого мотива, утверждал Мартин, для того, чтобы убивать зависимых от нее людей. Когда же молодежный лагерь был упразднен, она вернула 180 своих пациентов в основной лагерь.

В заключение адвокат просил суд учесть тот немаловажный факт, что его доверительница находится под арестом уже пять лет. Завершил же Мартин свою апелляцию с просьбой о помиловании следующими высокими словами: «Я прошу суд, чтобы он дал ей эту возможность, чтобы она смогла доказать всей ее будущей жизнью, что она может быть достойной уважения честной женщиной своего поколения».

Сами обвиняемые тоже подавали прошения о помиловании. Сделала это и Зальвекварт 7 февраля 1947 года. В своем прошении (как впоследствии и в письме от 9 марта того же года), осужденная сделала следующее новое заявление.

Она якобы была доставлена в лагерь уже будучи беременной, а отцом ребенка был ее жених, итальянско-еврейский офицер (он был убит в начале декабря 1944 года в Дрездене, как ей было сообщено в письме в Равенсбрюк). Ее ребенок, мальчик, родился 22 февраля 1945 года и был убит старшей надзирательницей Нойдек в конце февраля или начале марта. Поэтому она попыталась отравить Нойдек белым порошком. Как она узнала позже, у Нойдек были симптомы паралича, но она выжила. Зальвекварт же после этого была стерилизована 4 марта 1945 года доктором Гебхард-

¹⁷ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 83.

том (правда, в письме Зальвекварт приписывает это уже доктору Трейте, что тоже вызывает недоумение).

Была ли она действительно стерилизована, должно было выяснить медицинское обследование, проведенное 15 февраля 1947 года в тюрьме. В акте обследования отмечалось, что «уверенные признаки того, что Вера Зальвекварт была стерилизована, отсутствуют. Утверждение Зальвекварт о том, что эта стерилизация была предпринята инъекцией вытравливающей жидкости в матку, может соответствовать действительности, но это можно установить, однако, только посредством специального исследования, которое может быть проведено в гинекологической клинике».

Такое исследование в гинекологической клинике, кажется, так и не состоялось, во всяком случае, следов его в документах процесса нет. Далее Зальвекварт в своем прошении писала, что она стыдилась высказывать все это публике, так как «...я до сегодняшнего дня имела внутреннее чувство стыда как женщина, и оно удерживало меня от того, чтобы поведать о своей ужасной участи перед судом, радио, прессой и публикой»¹⁸. Но, думается, истинной причиной тому (если все написанное Зальвекварт и было правдой) являлась договоренность между адвокатами и осужденными о том, что «функциональные заключенные» не будут обвинять эсэсовцев. Достоверно известно, что такая договоренность существовала. А значит, Зальвекварт слишком поздно поняла свою ошибку. Собственно, это и признала сама осужденная в упомянутом письме, когда написала следующие строки: «Я с самого начала столкнулась с заговором молчания относительно своего обследования и в соответствии с «джентльменским» соглашением с адвокатами эсэсовцев не стала настаивать на этом обследовании»¹⁹. Объяснить это можно только тем, что она никак не ожидала, что этот процесс будет направлен в том числе и против бывших заключенных концлагеря, каковой она являлась.

Надо отдать должное Вере Зальвекварт: она до конца боролась за свою жизнь. Получив отказ в помиловании, она сделала еще одну отчаянную попытку спастись от виселицы. Она обратилась с просьбой о помиловании к самому английскому королю

¹⁸ *Schäfer Silke*. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. S. 166.

¹⁹ *Ibid.* S. 167.

Великобритании Георгу VI, утверждая, что была в свое время обвинена немецкими властями в шпионаже в пользу Великобритании, так как передавала британскому разведчику сведения об «оружии возмездия» – ракетах «ФАУ–2»

Но и английский монарх, и вышестоящие инстанции не прониклись жалостью к бывшей заключенной. Лорд Рассел из Ливерпуля²⁰, который рассматривал ее просьбу о помиловании в марте 1947 года, с вниманием изучил все драматические события жизни Веры Зальвекварт. Но, тем не менее, он отклонил ее ходатайство, объяснив свое решение следующим образом:

«Во втором прошении она обвиняла своего адвоката, что он имел отношения с другим немецким адвокатом, вследствие чего ее показания трактовались в пользу обвиняемого Трейте. Я провел подробное изучение и, кажется, не обнаружил никакой причины верить ее высказываниям. Вера Зальвекварт сделала до сих пор семь несогласованных и непоследовательных заявлений: три при слушании дела, одно во время ее заслушивания при защите и два в прошениях, и, кажется, совершенно ясно, что нельзя верить ни написанному, ни устно произнесенному ею слову. Во всяком случае, ни одно из ее прошений, по моему представлению, не дает основания для изменения приговора, который вынесен на основании убедительных доказательств. Несмотря на свои заверения, Зальвекварт убила многих людей в концлагере Равенсбрюк, и поэтому я предлагаю привести в исполнение смертный приговор»²¹.

26 июня 1947 года Вера Зальвекварт все-таки взойшла на эшафот гамельнской тюрьмы и, в соответствии с приговором, была повешена. Вместе с ней в этот день были казнены еще 12 эсэсовцев-мужчин, осужденных на других процессах. Сделано это было несмотря на то, что в своем последнем письме Зальвекварт написала: «Могу я попросить, чтобы я умерла отдельно от эсэсовцев?»²² Ей не дали и этой возможности...

Тело Веры Зальвекварт, как и тела многих других казненных по приговорам Гамбургских процессов, было погребено на кладбище Вель в Гамельне²³.

²⁰ Автор книги «Проклятие свастики».

²¹ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 167–168.

²² *Ibid.* S. 168.

²³ *Taake Claudia*. Op. cit. S. 84.

Доротея (Теодора) Бинц

Родилась 16 марта 1920 года в Дустерлаке (округ Теплиц, Германия). Училась в частной гимназии и лицее, затем работала посудомойкой. Замуж так и не вышла.

26 августа 1939 года Бинц заявляет о своем добровольном желании поступить на службу в СС и уже 1 сентября начинает деятельность в качестве кухонной работницы, а затем надзирательницы в женском концентрационном лагере Равенсбрюк. Ее «наставницами» с 1939-го по 1943 год были Эмма Зиммер, Мария Мандель и другие эсэсовки, также осужденные после войны за преступления против человечности.

Самый длительный период деятельности Теодоры Бинц связан со штрафным блоком Равенсбрюка, который она возглавляла с сентября 1940-го до августа 1943 года, когда была произведена в старшие надзиратели. Штрафблок представлял собой бункер, состоящий из 78 ячеек размером 2 на 2,5 метра. Здесь заключенные женщины подвергались избиениям кнутом и лишению пищи. Попасть в этот блок можно было за самый незначительный проступок. Так, гражданка СССР Зоя Кудрявцева попала туда за то, что имела при себе листок бумаги со стихотворением. Наказание, назначенное ей – трое суток без пищи, – отнюдь не было еще самым жестоким. Гораздо страшнее было получить, например, 25 ударов по оголенному телу. Это зачастую означало смерть, так как больше 20 ударов выносила далеко не каждая женщина-заключенная.

По воспоминаниям бывших заключенных концлагеря Равенсбрюк, Доротея Бинц была одной из самых жестоких надзирательниц (в литературе, посвященной концлагерям, она считается таковой среди всех надзирательниц Германии). Особенно это проявлялось по отношению к заключенным, пойманным после совершения ими побега. Таких она безжалостно избивала кнутом, который, как известно, был любимым орудием эсэсовских надсмотрщиц. Как и другие ее подружки-эсэсовки, Бинц любила прогуливаться по лагерю с плеткой в сопровождении сторожевой овчарки и натравливать ее на заключенных. Авторы некоторых работ сравнивают ее с Ирмой Грезе: ей будто бы также доставляли физиологическое наслаждение пытки заключенных женщин. По мнению Э.Рассела Доротея Бинц заслужила «более ужасную смерть, чем смерть на виселице»²⁴. Пять долгих лет эта молодая женщина держала в страхе узниц Равенсбрюха.

²⁴ Рассел Э. *Op. cit.* С. 229.

В должности старшей надзирательницы Бинц прослужила до 20 января 1945 года, когда ушла в отпуск (известная немецкая педантичность: война войной, а отпуск – это святое). Но, как сама Доротея заявила на процессе, и во время отпуска она нередко появлялась в лагере.

Доротея Бинц была арестована 23 мая 1945 года. Дальше были суд и смертный приговор.

Ее адвокат в ходатайстве о помиловании написал следующее: «Так как осужденная приняла участие только в истязаниях, от которых, однако, никто не погиб, вынесенный ей смертный приговор представляется слишком жестоким. Подсудимая единственная из всех обвиняемых признала свою вину. Я прошу учесть также ее открытое, честное поведение на процессе и хорошее впечатление, произведенное ею на свидетелей. Осужденная стала надзирательницей в несовершеннолетнем возрасте 19 лет и, как это подтвердили несколько свидетелей, была тогда совсем другой, чем когда стала старшей надзирательницей... Пусть эта девушка и заслужила тяжелое наказание, но не смертную казнь»²⁵.

Однако суд не внял этой просьбе. Несмотря на молодость осужденной, приговор был утвержден и приведен в исполнение. Накануне повешения Бинц в отчаянии попыталась сама покончить с собой, но из этой попытки ничего не вышло... Возможно, поэтому ей была предоставлена «привилегия»: утром 2 мая 1947 года она была повешена первой. Произошло это в 9 часов 01 минуту утра в гамельнской тюрьме. Следом за ней смерть приняли Элизабет Маршалл и Грета Бёзель, а затем еще пятеро мужчин, осужденных на других процессах.

Элизабет Маршалл

Родилась 27 мая 1886 года в Мейнигене. С 1910 года работала медсестрой в Германии и Швейцарии. Самая пожилая из осужденных к смерти женщин-служащих СС. Член НСДАП с 1 января 1931 года.

Подробности ее биографии нам неизвестны. На процессе Маршалл так пыталась оправдать свое присутствие в Равенсбрюке: «Я была старшей медсестрой в лазарете завода «Герман

²⁵ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 181.

Герингсверке» около Брауншвейга и там познакомилась с одной интернированной французской парой – мужем и женой. Из жалости я давала им по утрам хлеб и кофе, которые утаивала от других медсестер. Так как я разговаривала с ними по-французски, то это вызывало подозрение у окружающих. Однажды меня вызвали в гестапо и обвинили в том, что я утаиваю продовольствие от немцев. Мое дело рассматривалось в суде в ноябре 1942 года, но затем слушание было приостановлено, а меня в наказание направили в Равенсбрюк. Я отказывалась, но была вынуждена подчиниться».

Элизабет Маршалл прибыла в Равенсбрюк 13 апреля 1943 года на должность старшей медсестры. Здесь она получила известность прежде всего как вымогательница и воровка, не брезгающая наживаться на несчастях заключенных женщин. В этой связи главный обвинитель сказал Элизабет Маршалл следующие слова: «Вы приложили руку к каждому грязному делу в лагере»²⁶. Но, помимо этого, Маршалл принимала активное участие в «селекциях» и отличалась невероятной жестокостью к своим подопечным – больным узникам. В связи с этим норвежка Сальвесен заявила на суде: «Маршалл была квалифицированная медицинская сестра, и я боюсь, что мы слишком ее идеализировали, представляя чем-то вроде Флоренс Найтингейл; мы полагали, что медицинская сестра, давшая присягу, призвана в любое время помогать людям, независимо от их национальной принадлежности. Мне кажется, что мне и моим друзьям-заключенным было особенно тяжело видеть, как низко пали врачи, медицинские сестры и сиделки, забыв свой долг.»²⁷

На предварительном следствии и в начале процесса Маршалл отказывалась давать показания. Затем она изменила свою позицию и стала более откровенной, но это ее уже не спасло.

Смертный приговор Элизабет Маршалл был утвержден 31 марта 1947 года, а 2 мая она второй из восьми казнимых была повешена в гамельнской тюрьме. Это произошло, согласно протоколу казни, в 9 часов 31 минуту утра.

²⁶ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 158.

²⁷ *Рассел Э.* Op. cit. С. 238–239.

Грета Бёзель

Точной транскрипция ее фамилии нет – кроме основного есть варианты Бёзе, Бёзельн и Бёзен. Родилась 9 мая 1908 года. Работала медицинской сестрой, с 1940 года – в городе Ганновере, в одной из фирм, использующих труд «восточных рабочих». В августе 1944 года ее работодатель направил Грету в Равенсбрюк для получения «профессии» надзирательницы. Поэтому уже с сентября месяца того же года и до декабря 1944 – января 1945-го Бёзель служит в Равенсбрюке надзирательницей. Затем она заболела тифом и до середины марта находилась в госпитале. После выздоровления ей поручают составление так называемых «рабочих команд». Фактически это означало, что от нее теперь зависели жизни заключенных, так как она должна была отбирать молодых здоровых людей, годных для работы. Не отрицая самого факта участия в подобных «селекциях», Грета Бёзель на суде утверждала, однако, что не знала о том, какая участь ждет «забракерованных» ею узников. Кроме того, она старалась всячески занизить их количество.

Суд же счел ее заверения неубедительными. Кроме того, на суде свидетели обвинения заявили, что Бёзель избивала заключенных-женщин и при этом требовала от других надзирательниц жестокого обращения с больными и престарелыми («Оставляйте их подыхать, если они не могут работать» – именно эти слова, по показаниям свидетелей, произносила Бёзель).

Защитник, представляющий интересы Греты Бёзель и Доротеи Бинц, пытался доказать суду, что его подзащитная стала надзирательницей помимо своей воли, что она просто жертва обстоятельств, которая в силу неопытности и привычке к дисциплине исполняла приказы начальства. Наконец, он обращал внимание суда на то, что Бёзель выполняла свои обязанности в течение всего лишь немногим более трех месяцев. «Она была всего лишь незначительной надзирательницей с очень ограниченным кругом обязанностей. Поэтому я прошу заменить ей наказание смертью наказанием свободой», – заявил он в своем последнем выступлении²⁸.

²⁸ *Schäfer Silke. Op. cit. S. 185.*

Но суд не прислушался к просьбе адвоката, и 2 мая 1947 года в 9 часов 55 минут утра Грета Бёзель последней из трех казнимых женщин взойшла на эшафот гамельнской тюрьмы.

Третий Равенсбрюкский процесс

Проходил с 14 по 26 апреля 1948 года в Гамбурге. Перед судом предстали пять женщин – бывших служащих СС из молодежного лагеря Уккермарк и концлагеря Равенсбрюк. Две из них были оправданы, одна приговорена к пожизненному заключению, одна – к 10 годам лишения свободы, а Рут Клозиус-Нойдек – к смертной казни через повешение (см. прил. 5).

Рут Клозиус-Нойдек

Родилась 5 июля 1920 года в германском городе Бреслау (ныне польский город Вроцлав). Девичья фамилия – Хартманн. По профессии была бухгалтером-расчетчиком. Поэтому и свою деятельность в Равенсбрюке Рут начала 3 июля 1944 года в должности бухгалтера. Но, видимо, жажда реализовать свои амбиции (а скорее всего, еще и материальные потребности) привели ее на совсем другие должности, где Нойдек манипулировала уже не цифрами, а человеческими жизнями.

В конце октября 1944 года ее назначают старшей надзирательницей блока № 27, в котором содержалось более 700 заключенных-женщин. Затем около месяца, с начала декабря 1944-го до начала января 1945 года, Нойдек служит под началом доктора Парсиваля Трейте, регистрирует больных. Конечно, ее деятельную натуру не устраивала такая спокойная должность, и с 5 января 1945 года она опять при «деле» – старшая по штрафному блоку. В этой должности она пребывала всего десять дней, а с середины января эсэсовец Шварцхубер переводит ее старшей надзирательницей во внешний лагерь Уккермарк, где Нойдек оставалась до середины февраля. О ее положении в этом лагере красноречиво говорит тот факт, что подчиненные ей надзирательницы называли ее не иначе как «госпожа начальник лагеря». Как лагерной руководительнице, ей непосредственно подчинялись пять надзирательниц – Э.Монеке, М.Рабе, М.Кубе, Г.Науманн и Г.Шульц.

С середины февраля и до 28 апреля 1945 года (то есть до роспуска лагеря) Нойдек служила во внешнем лагере – Бат. Какую должность она там занимала, так и осталось до конца не выясненным.

Вряд ли Рут Нойдек догадывалась, что все эти ее должности станут ступеньками на эшафот. На процессе ее обвинили в пытках и убийствах заключенных, а также в участии в «селекциях». Последнее обвинение она отрицала, утверждая, что «только сопровождала (!) транспорты до газовой камеры». В то же время она фактически подписала себе смертный приговор, когда сделала следующее заявление: «Когда я принимала лагерь Уккермарк, то в нем имелись в наличии приблизительно 4000 заключенных всех наций. Когда шесть недель спустя я переводилась из этого лагеря, то в нем оставалось примерно 1000 заключенных. Следовательно, за время моей деятельности примерно 3000 женщин были отобраны для газификации».

Признавая то, что избивала заключенных блока № 27 плеткой, она в свое оправдание заявила, что «не могла бить заключенных рукой, так как они все были завшивлены».

После вынесения ей смертного приговора, в отчаянной попытке спасти свою жизнь, Рут Нойдек написала ходатайство о помиловании, в котором ссылалась на то, что «была молодой и неопытной»²⁹. Суд отклонил ее просьбу.

Рут Клозиус-Нойдек была повешена 29 июля 1948 года в 9 часов утра.

Четвертый Равенсбрюкский процесс

Проходил с мая по 4 июня 1948 года в Гамбурге. Обвинялись нацистские медицинские работники концлагеря Равенсбрюк в количестве пяти человек, в том числе три женщины – медицинские сестры (из них одна, Герда Ганцер, сама была заключенной). Все они были признаны виновными. Две из них были приговорены к различным срокам лишения свободы, а Герда Ганцер – к смертной казни через повешение (см. прил. 6).

²⁹ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 207.

Герда Ганцер

Девичья фамилия – Кварнхейм. Ее история очень похожа на истории Кармен Мори и Веры Зальвекварт, но с более счастливым концом.

Она родилась 15 декабря 1907 года в Оберхаузене и была по профессии медсестрой, окончила медицинский лицей. Как сообщают источники, 8 октября 1938 года Герда была арестована гестапо в Берлине из-за своих антигосударственных высказываний и осуждена к одному году лишения свободы. Возможно, эти сведения не совсем точны, так как по другим сведениям Ганцер находилась в заключении в Равенсбрюке со 2 ноября 1940 года до конца войны.

До середины марта 1943 года она работала в качестве медицинской сестры при «докторах» Герде Вейянд, Герде Оберойзер, Вальтере Зоннтаге, Герхарде Шидловски (из них только первая не была почему-то привлечена к уголовной ответственности. Оба же врача-мужчины были впоследствии казнены, а Оберойзер приговорена к 20 годам лишения свободы). При этом «работа» Герды заключалась в том, что она ассистировала докторам-преступникам в экспериментах над живыми людьми. Именно этот период времени и ставился ей впоследствии в вину.

Находясь в лагере, Герда сошлась с другим вольнонаемным лагерным врачом – Рольфом Розенталем и забеременела от него. Для прерывания беременности она прибегла к аборту, что повлекло за собой осложнения, для лечения которых Ганцер открылась еще одному узнику-врачу. Он-то и донес обо всем лагерной администрации³⁰. Так как подобные связи были категорически запрещены, доктор Розенталь был взят под стражу и впоследствии осужден (по окончании войны он, тем не менее, был привлечен к ответственности уже англичанами за совершенные преступления, снова осужден и на этот раз казнен). Ганцер же, будучи отстраненной от своих «обязанностей», оставалась в Равенсбрюке до 14 апреля 1944 года, после чего была этапирована в Аушвиц-Биркенау. Здесь она пробыла до 18 января 1945 года и была эвакуирована обратно в Равенсбрюк, где и встретила, 28 апреля, свое освобождение.

В октябре 1946 года за свою деятельность в Равенсбрюке Герда Ганцер предстала перед советским военным трибуналом в

³⁰ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 160.

Потсдаме. Но (редкий случай!) советский военный суд ее оправдал. Видимо, уже нисколько не сомневаясь в своей недосыгаемости для правосудия, Ганцер перебралась в английскую зону оккупации, где ее и ожидал сюрприз: она снова была привлечена к ответственности уже английским военным трибуналом. На этот раз все сложилось для нее крайне неблагоприятно. Английские следователи оказались более информированными, нежели советские, а потому против Герды Ганцер были выдвинуты сразу три обвинения: в жестоком обращении с заключенными, в производстве смертельных инъекций заключенным и в убийстве новорожденного ребенка неизвестной узницы Равенсбрюка. И хотя по третьему обвинению она была оправдана, в конечном итоге суд вынес ей смертный приговор.

Герда подала прошение о помиловании, которое рассматривалось почти месяц. Наконец, пережив весь ужас ожидания смерти, она 3 июля 1948 года узнала, что повешение заменено ей пожизненным заключением. Далее, 3 февраля 1950 года, последовал новый пересмотр и снижение срока наказания до 21 года лишения свободы. Но и этот срок 24 сентября 1954 был снижен до 12 лет. В конце концов Герда Ганцер, чудесным способом избежав виселицы, вышла на свободу 6 июня 1961 года³¹. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Правда, есть отрывочные сведения, что германская юстиция не оставила ее в покое и после освобождения. В литературе есть ссылки на показания 1969–1970 годов выживших узников Равенсбрюка (но неясно, в рамках чего это происходило: судебного процесса или следствия). Свидетели утверждали, что Герда Ганцер и Рольф Розенталь искусственно прерывали беременность у узниц Равенсбрюка. А если дело и доходило до рождения ребенка, то новорожденные сразу умерщвлялись. Приведем только некоторые из этих показаний для иллюстрации того, чем занимались лагерные «доктора» и «медсестры».

Так, Хана Х. показала, что «в 1942 году и в начале 1943 года в Равенсбрюк прибывали немецкие женщины, обвиненные в половых связях с иностранцами. Среди них имелись беременные женщины. Они прибывали в лагерь для прерывания беременности. Их было большое количество. Некоторое время аборт производился ежедневно... Я знаю о том, что доктор Розенталь однажды

³¹ *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 159.

с помощью пилы уничтожил пятимесячный плод в теле женщины. Эта немецкая женщина потом умерла». Далее свидетельница заявила, что «у женщин, которые выносили ребенка, рождение осуществлялось таким образом, что пуповина отвязывалась только у матери, а поэтому новорожденный истекал кровью. Герда Ганцер уносила после этого мертвых детей в центральную котельную для сжигания».

Примерно аналогичные показания дала и другая свидетельница, Ирина И.

Свидетельницы Хелена П. и Мария К. заявили, что «если ребенок рождался живым, то он убивался Гердой Ганцер путем удушения. Она делала это следующим способом: брала ребенка в левую руку и душила его правой. Убитого ребенка она обматывала бинтами и бросала в мусорное ведро, а затем относила в котельную для сожжения»³².

Такие «походы» Герды Ганцер в котельную засвидетельствовали сразу несколько очевидцев.

К каким психическим травмам вело подобное «медицинское обслуживание», видно из сообщенного свидетелями рассказа одной австрийской акушерки, которая помогала несчастным женщинам: «Вы знали красивую польскую женщину с огромными синими глазами? Она была так счастлива своим ребенком, как только может быть счастлива мать... Но даже если эсэсовский врач или медсестра не убьют этого ребенка смертельным уколom, то как ему выжить в этих условиях? И вот несколько недель спустя я видела эту женщину утром на построении перед лагерными воротами: с серым лицом, в серой одежде, непричесаная и неумытая, без деревянных башмаков, которые где-то потеряла, она в руках держала, как куклу, своего мертвого ребенка с широко раскрытыми глазами...»³³

После прочитанного трудно не согласиться с тем, что даже если только часть этих показаний соответствует действительности, то Герда Ганцер вполне заслужила и отбытый ею пятнадцатилетний срок заключения, и кошмар ожидания смертной казни.

³² *Schäfer Silke*. Op. cit. S. 119.

³³ *Ibid.*

Седьмой Равенсбрюкский процесс

Проходил со 2 по 21 июля 1948 года. В истязаниях и «селекциях» заключенных обвинялись шесть надзирательниц концлагеря Равенсбрюк. Из них две были оправданы, две приговорены к различным срокам лишения свободы, а Эмма Зиммер и Ида Шрейтер – к смертной казни через повешение (см. прил. 9).

Осужденные на смерть женщины были повешены в сентябре того же года.

Эмма Зиммер

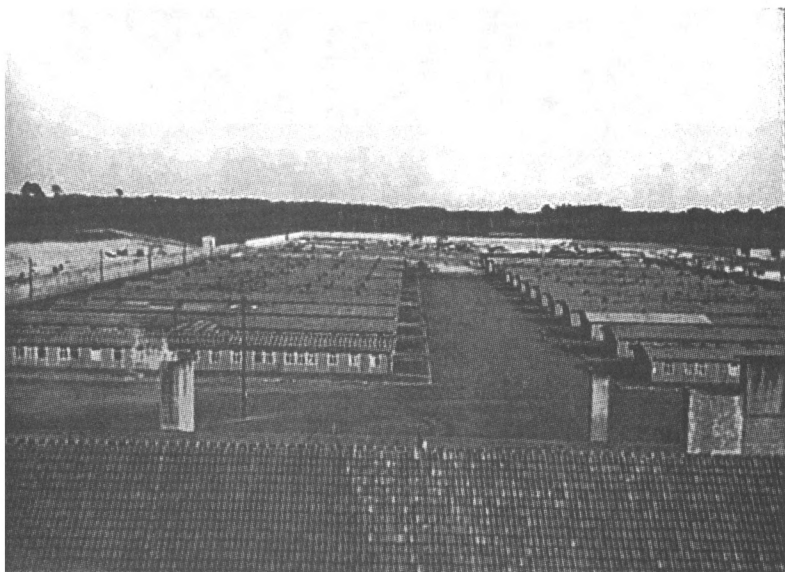
Полное имя – Эмма Анна Мария. Девичья фамилия – Менцель. Родилась 14 августа 1888 года. Подробности жизни и деятельности, известные нам, крайне скудны. Известно, что с 1939-го по 1942 год она служила старшей надзирательницей штрафного блока в Равенсбрюке. В октябре 1942 года переведена в женский лагерь Освенцима (Биркенау). Есть сведения, что в конце войны Зиммер была отстранена от службы из-за своего хронического алкоголизма и преклонного возраста. Тем не менее она была привлечена к ответственности и осуждена.

Повешена 17 сентября 1948 года в возрасте 60 лет. Вместе с ней в этот день были казнены трое мужчин-эсэсовцев – ее бывших сослуживцев, осужденных в июне того же года на четвертом и пятом Равенсбрюкских процессах (см. прил. 6 и 7).

Ида Шрейтер

В некоторых источниках фигурирует как Гертруда Шрейтер. Родилась 27 декабря 1912 года. О ее жизни и деятельности у нас очень мало сведений. Известно только, что она была надзирательницей в Равенсбрюке в течение всей Второй мировой войны – с 1939-го по 1945 год.

Повешена 20 сентября 1948 года, через три дня после Эммы Зиммер.

Общий вид концентрационного лагеря Равенсбрюк

Лагерная комендатура

В мастерских Равенсбрюка

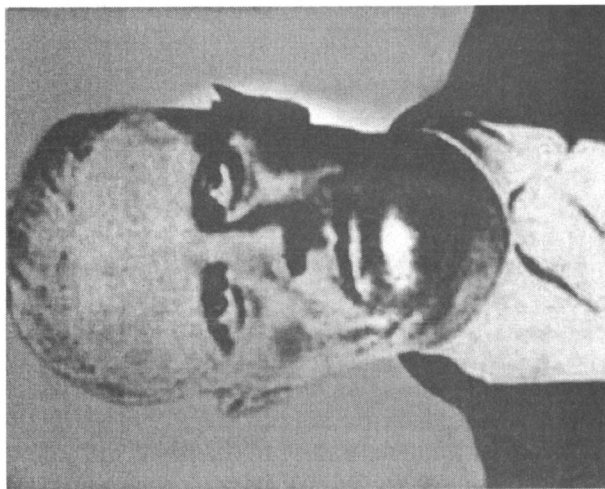
Лагерные будни

Лагерные работы

Надзирательницы и медсестры концлагеря Равенсбрюк на построении.
Встречают самого рейсфюрера СС Г. Гиммлера. 1941 год

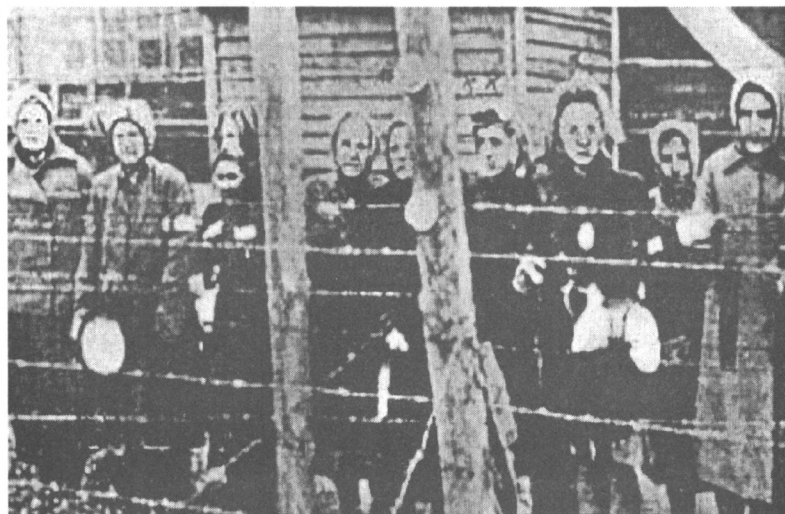
Фриц Зурен, один из комендантов Равенсбрюка.

Осужден и расстрелян в 1950 году.

Первый снимок сделан в годы войны, а второй, видимо, в 1949 году после повторного задержания. Лощеный эсэсовец превратился в заурядного старикашку, но зато в глазах появилось хоть что-то человеческое...

Освобождение...

Там, где был Равенсбрюк

Памятная стела

Монумент «Скорбящая женщина»

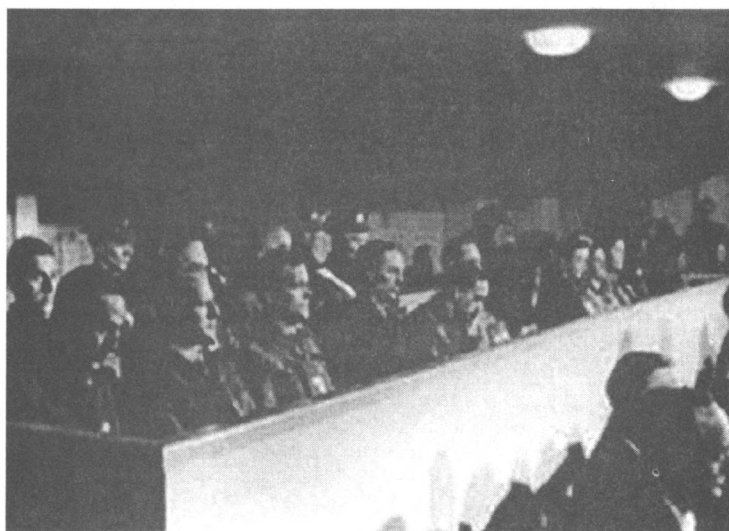
Скульптурная группа на подъезде к лагерю

Надзирательницы Равенсбрюка на скамье подсудимых
(первый ряд слева направо: Доротея Бинц, Маргарет Мевес,
Грета Бёзель, Евгения ван Скене, Кармен Мори.
За ними во втором ряду справа налево
Вера Зальвекварт и Элизабет Маршалл)

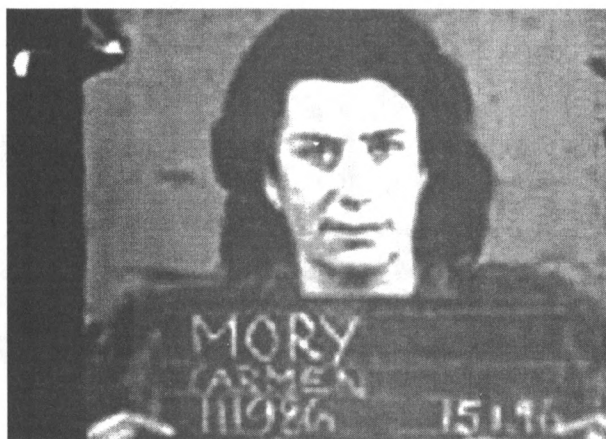

Женская и мужская «половины» скамьи подсудимых первого
Равенсбрюкского процесса

Кармен Мори

Фотография из следственного дела Кармен Мори.
В углу видна дата снимка – 15.01.1946 года

Обложка книги
Лукаса Хартманна

Вера Зальвекварт

Вера Зальвекварт (в шубе и с № 10 на груди) на скамье подсудимых в
окружении своих подельниц и конвоиры

Доротея (Теодора)
Бинц

Элизабет Маршалл

Грета Бёзель

«Портрет в интерьере»
(Доротея Бинц и ее конвоирша)

Герда Оберойзер (1911–1978).
В 1947 году приговорена
к 20 годам лишения свободы.
Освобождена в 1952 году

Кармен Мори (верхний снимок) и Грета Бёзель (нижний снимок)
выслушивают свой смертный приговор

3.3. Хельмштедтский процесс детоубийц. Элла Шмидт

Сведений как об этом процессе, так и об одной из главных его фигуранток – Элле Шмидт, у нас не много. Известно, что данный процесс состоялся в Хельмштедте, что в 40 километрах на восток от Брауншвейга (Нижняя Саксония), с 20 мая по 24 июня 1946 года. Перед британским военным трибуналом предстали 10 обвиняемых (из них по крайней мере две женщины). Преступление, в котором все они обвинялись, было не очень типичным для военных судов того времени. Подсудимым вменялось в вину нарушение законов войны и убийство преднамеренным пренебрежением многих детей – советских и польских подданных.

Конкретно подсудимые обвинялись в том, что в период с апреля 1943-го по апрель 1945 года они, работая в детских домах для интернированных детей в Вольфсбурге и Рюэне (60 километров на восток от Ганновера), допускали преступное умышленное пренебрежение своими обязанностями, что привело к гибели большого количества детей.

Надо сказать, что это был не первый процесс над детоубийцами в послевоенной Германии. Несколько ранее, с 20 марта по 3 апреля того же 1946 года, в Брауншвейге состоялся процесс по делу Генриха Герике и семи его сослуживцев по детскому дому в деревне Вельпке для интернированных польских детей, более 80 из которых погибли в результате преступно-небрежного отношения к ним администрации этого учреждения (см. прил. 19). Приговоры трибунала в обоих случаях были достаточно суровы: к смертной казни через повешение были приговорены по двое обвиняемых, а остальные были либо оправданы, либо приговорены к различным срокам лишения свободы.

В Хельмштедте же 24 июня 1946 года к повешению были приговорены доктор Ганс Кёрбел и медсестра Элла Шмидт, отвечавшие за «медицинское обслуживание и здоровье детей». Еще одна обвиняемая – Лизель Батер была приговорена к пяти годам лишения свободы. Остальные семь обвиняемых были оправданы.

Ганс Кёрбел, как нам удалось установить, был казнен 7 марта 1947 года. Что же касается Эллы Шмидт, то ее судьба нам неизвестна. Во всяком случае, в списках казненных в 1946–1949 годах на территории Германии военных преступников ее имя не значится.

Мы сочли необходимым включить имя Эллы Шмидт в нашу книгу, хотя она служила медсестрой не в концлагере, а в доме для интернированных детей. Но ведь этот «дом» для содержащихся в нем детей и был настоящим лагерем, где многие из них потеряли здоровье и саму жизнь. Не зря упомянутый директор другого такого «дома», Генрих Герике, на сайте <http://www.ess.uwe.ac.uk/> значится как комендант концентрационного лагеря. По заслугам!

4. Польша

Наверное, трудно найти в Европе еще одну такую же многострадальную страну, как Польша. Многострадальную в том смысле, что редкий конфликт европейского масштаба обходился без ее вольного или (что случалось чаще) невольного участия. Достаточно вспомнить несколько разделов и переделов Польши, многочисленные и жестоко подавленные Россией польские восстания и многие тысячи поляков, навечно сосланных в Сибирь.

В этом смысле Вторая мировая война никак не могла быть исключением. Она не просто не могла обойтись без Польши – она с нее началась. В сентябре памятного человечеству 1939 года совсем еще молодая польская государственность была буквально растерзана двумя агрессивными монстрами – гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. Кошунственно глумясь над только что распятой Польшей, Председатель Совнаркома СССР В.М.Молотов на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года, в частности, заявил: «...оказалось достаточно короткого удара германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»¹

«Империалистической, лоскутной, реакционной, основанной на социальном и национальном гнете польских панов и буржуазии Польше пришел исторический конец», – сладострастно писала по этому поводу Большая Советская Энциклопедия в 1940 году². Неудивительно, что и в атласе мира, изданном в нашей стране в том же году, в алфавитном перечне географических названий Польше не нашлось места между иранской рекой Польвар и советским местечком Полярное³. На карте же Европы на том месте, где должна была быть Польша, появилась циничная надпись: «Область государственных интересов Германии».

Рассматривая Польшу как плацдарм для своего дальнейшего продвижения на Восток, сделав ее фактически частью Германс-

¹ СССР–Германия. 1939: Документы и материалы... Вильнюс, 1989. С. 116.

² БСЭ. Т. 46. М., 1940. С. 346.

³ Карманный атлас мира. Л., 1940. С. 41.

кого государства, нацисты со свойственной им организованностью и непреклонностью стали насаждать здесь «новый порядок». Естественно, не обошлось и без появления концентрационных лагерей. Именно этим лагерям, созданным на территории Польши, суждено было стать наиболее одиозным воплощением германского фашизма. С тех пор названия Майданек, Освенцим, Штуттгоф и другие ассоциируются с газовыми камерами, крематориями и прочими атрибутами массового убийства людей.

В этой главе мы расскажем о судьбах девяти женщин – служащих СС, казненных польским правосудием за преступления, совершенные ими в концлагерях. Кроме этих персонажей некоторые источники предельно кратко сообщают еще об одной надзирательнице, якобы повешенной после войны в Польше. Речь идет о некой Сидонии Байер, служившей, как сообщают источники, в Равенсбрюке.

4.1. Майданек: люблинский кошмар

В предместье Люблина с этим названием осенью 1941 был создан концентрационный лагерь. Он являлся центром для своих многочисленных филиалов в различных частях юго-восточной Польши: Будзынь (недалеко от Красника), Плашув (близ Кракова), Травники (под Вепшем). Идея создать здесь концлагерь возникла у рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера во время его посещения Люблина 20 июля 1941 года. Лагерь был задуман как часть обширной базы войск СС «в новом восточном районе». Вместе с другими близлежащими концлагерями – Бельцеком и Собибором – он был предназначен стать крупнейшим центром концлагерей за пределами Германии. Комендантом лагеря был назначен бригаденфюрер СС Одило Глобочник⁴, возглавлявший полицию города Люблина. До февраля 1943 года Майданек официально именовался «лагерем для военнопленных».

⁴ Глобочник, Одило (1904–1945), партийный деятель, один из высших офицеров СС, группенфюрер СС (с 1942), генерал-лейтенант полиции, начальник всех концлагерей на территории Польши во время 2-й мировой войны. В оккупированной Польше возглавлял полицию Люблина, был основателем Бельцека, Майданека и Собибора – лагерей уничтожения в окрестностях Люблина, а также Трешлинка. Арестованный в Австрии союзническими войсками в начале мая 1945 года, покончил с собой.

Лагерная территория охватывала 2,7 квадратных километра незастроенной стороны улицы Люблин-Замож и была огорожена двумя рядами проволочных заграждений, по которым был пропущен электрический ток высокого напряжения. Лагерь был разделен на пять отделений, в которых размещались различные группы заключенных. Первоначально в лагере имелись 22 барака (из них 20 жилых), а также небольшой крематорий, мастерские, склады и прачечная. В сентябре 1943 года в строй вступил большой крематорий с пятью печами. В одном из административных бараков было даже казино: ведь в промежутках между убийствами надо было развлекаться...

Первая группа военнопленных прибыла в Майданек в октябре 1941 года – это были советские военнопленные из других концентрационных лагерей. С 1942 года сюда начинают доставлять и гражданских лиц. Так, в апреле 1943 года сюда депортировали десять тысяч евреев из Варшавы, а позже из Белостока. Условия содержания в лагере были очень тяжелыми, заключенные постоянно испытывали голод и лишения, подвергались издевательствам охраны. Помимо этого, в лагере систематически производились массовые расстрелы заключенных. В 1941 и 1942 годах таким образом убивали больных и ослабевших советских военнопленных, а в апреле 1942 года были расстреляны 2800 евреев из гетто города Люблина, на территории которого и находился Майданек, а также несколько тысяч заключенных других национальностей. Также есть сведения, что летом 1943 года здесь были расстреляны 300 офицеров Красной армии, а в ноябре того же года – 18 000 евреев, которые были доставлены в Майданек из других лагерей.

После Глобочника комендантами Майданека были: Карл Кох (с сентября 1941-го по июль 1942 года), Макс Коэгель (с августа по октябрь 1942-го), Герман Флорштедт (с октября 1942-го по сентябрь 1943-го), Мартин Вейс (с сентября 1943-го по май 1944-го) и Артур Либехеншель (с мая по 22 июля 1944-го). Примечательно, что двое из перечисленных, Кох и Флорштедт, были осуждены и расстреляны самими органами СС, Коэгель покончил с собой, а трое других были казнены после войны. В июле 1944 года концлагерь Майданек был эвакуирован, так как к нему вплотную подошла Красная армия. Перед эвакуацией все документы лагеря были уничтожены, а вместе с ними – здания администрации и крематория. Остались лишь бараки, в которых содержались заключенные, и строение, которое, возможно, использовалось как газовая камера.

Сколько же людей погибло в Майданеке? По данным, оглашенным на Нюрнбергском процессе, «в газовых печах Майданека было истреблено около 1, 5 миллиона человек различных национальностей из многих оккупированных стран Европы». Эти цифры, как и многие другие, конечно, завышены. В настоящее время многие независимые исследователи считают, что через концлагерь Майданек прошли почти 500 тысяч людей из 54 государств. Минимум 250 тысяч из них погибли в нем: 60 % от голода и болезней, а остальные 40 % были просто убиты.

23 июля 1944 года лагерь был освобожден советскими войсками. Тогда же, в июле, польско-советская комиссия начала расследование национал-социалистских преступлений в Майданеке (см. фото на вкладке).

Но только немногих из 1300 служащих лагерного персонала удалось привлечь к ответственности.

4.1.1. Майданекские процессы

Первый из них был очень непродолжителен и проходил с 27 ноября по 2 декабря 1944 года в Люблине. На скамью подсудимых тогда удалось посадить шестерых мужчин-надзирателей из лагерной команды. Если учесть тот факт, что процесс проходил в то время, когда на территории Польши еще бушевала война, то будет ясно: рассчитывать на снисхождение бывшим сотрудникам лагеря не приходилось. Они и сами понимали это, а потому один из них (по некоторым источникам – сразу двое) покончил с собой, даже не дождавшись оглашения приговора. Пятеро же других были приговорены к смертной казни и публично повешены (см. фото на вкладке и прил. 13).

С 1946-го по 1948 год, опять же в Люблине, состоялся **второй** Майданекский процесс над большой группой – 95 человек – бывших сотрудников концлагеря. Семеро обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение (в их числе комендант женского лагеря Ильзе Эрих), а большинство других осуждены на длительные сроки лишения свободы.

С 1975-го по 1981 год в Дюссельдорфе состоялся **третий** Майданекский процесс, на котором обвинялись 10 мужчин и 6 женщин – бывших сотрудников лагеря. Из них восемь были приговорены к различным срокам лишения свободы – от трех с половиной лет до

пожизненного заключения включительно (см. прил. 14). Среди обвиняемых были Хильдегард Лачерт и Алиса Орловски, уже однажды осужденные в 1947 году на втором Освенцимском процессе к пятнадцати годам лишения свободы каждая. На этот раз Алисе Орловски «повезло» – она скончалась в ходе процесса. Ее же подельница схлопотала 12 лет заключения, теперь уже за свою «работу» в Майданеке. А самого строгого наказания на этом процессе удостоилась бывшая надзирательница Гермина Браунштейнер – пожизненное заключение. И было за что: заключенные Майданека с ужасом вспоминали, как она насмерть забивала женщин-заключенных ногами, за что получила от них прозвище «Пинающая кобыла». Кстати, после войны ей удалось избежать наказания, уехать в США, там выйти замуж и получить американское гражданство. Но в 1960-х годах она была обнаружена, лишена гражданства США и в 1973 году выдана властям ФРГ по их требованию.

Вот и верь после этого сказкам о том, что в ФРГ не преследовали нацистов.

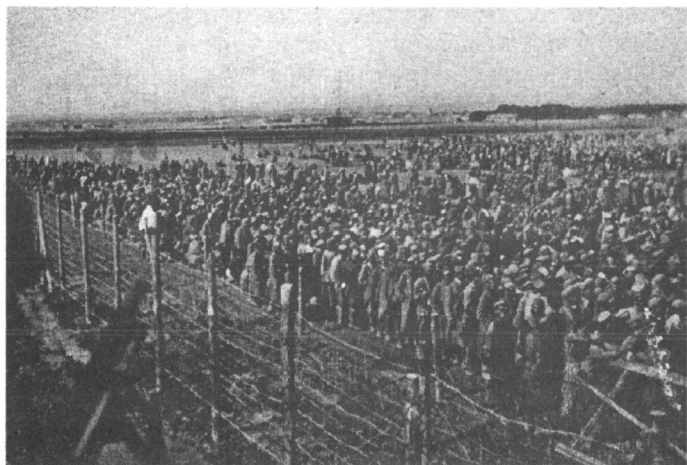
О женщинах-эсэсовках, служивших в Майданеке, сохранилось мало какой-либо информации. Насколько нам известно, на смерть была осуждена только одна из них, сведения о которой мы и приводим.

Ильзе Эрих

Родилась в 1914 году. Начала свою деятельность в качестве надзирательницы в концлагере Равенсбрюк в 1942 году, где прослужила несколько месяцев. Затем была переведена в Майданек, куда прибыла 15 октября 1942 года. Здесь Ильзе Эрих стала комендантом женского лагеря.

После окончания войны как военный преступник выдана польским властям.

Польским судом приговорена к смертной казни и повешена 26 октября 1948 года в тюрьме города Люблин.

Советские военнопленные в Майданеке

Советские солдаты и польские граждане
осматривают следы преступлений в Майданеке

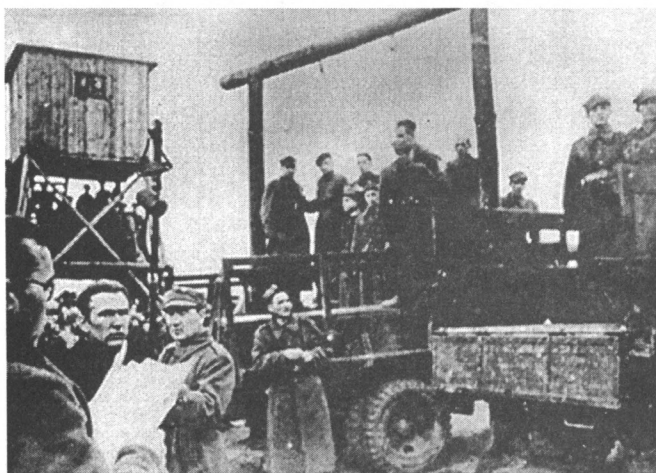
Члены советско-польской комиссии
осматривают следы преступлений в Майданеке

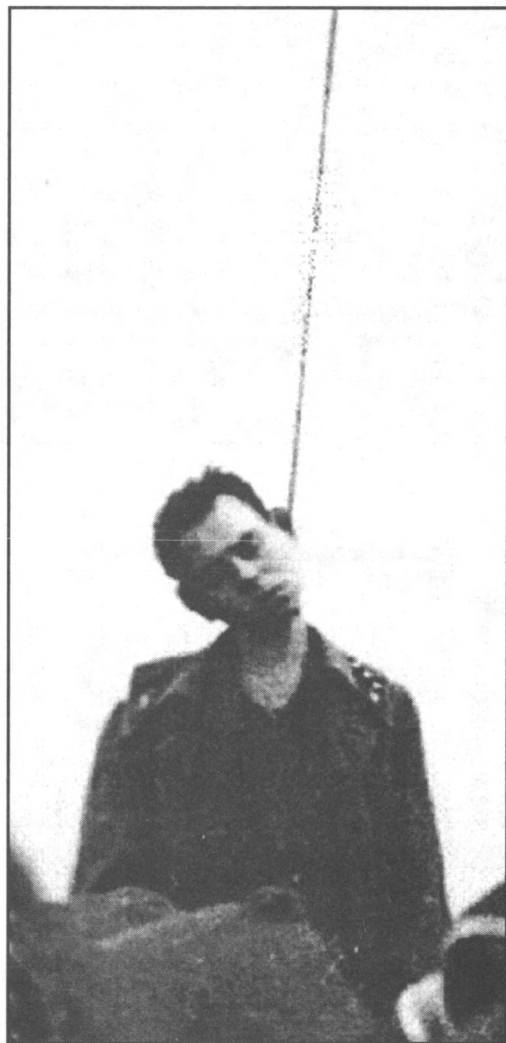
Судьи первого Майданекского процесса

Осужденные пишут прошения о помиловании. Как скоро выяснится, совершенно напрасно...

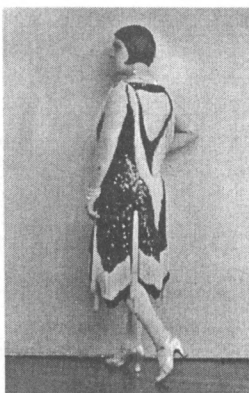
Казнь осужденных надзирателей Майданека 3 декабря 1944 года

Возмездие настигло преступника

Они погибли в Майданеке...⁵

...Давид Зейдерман,
актер из Варшавы.
Погиб летом 1943 года

...Чана Лернер, его
жена, тоже актриса.
Расстреляна 3 ноября
1943 года

...Реджина Целикер
и Йечель Цукерман,
актеры варшавского
Еврейского театра

...Хадасса Штейн и ее
дочери Чава и Фрида
(Польша)

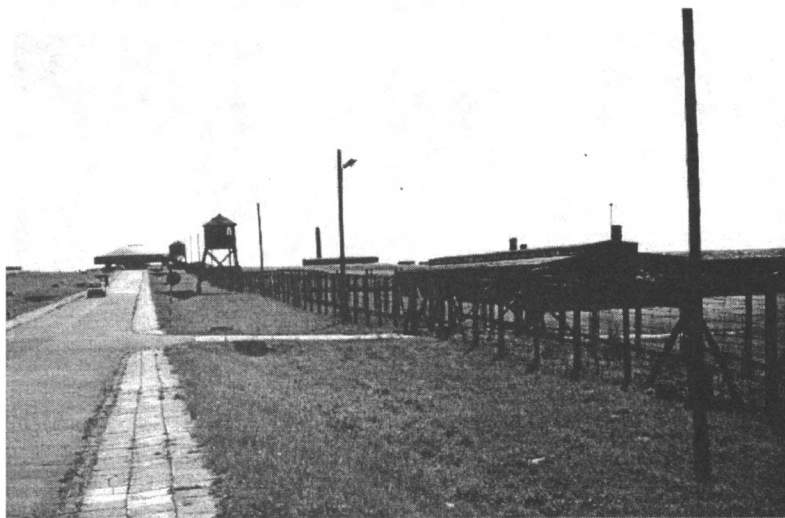
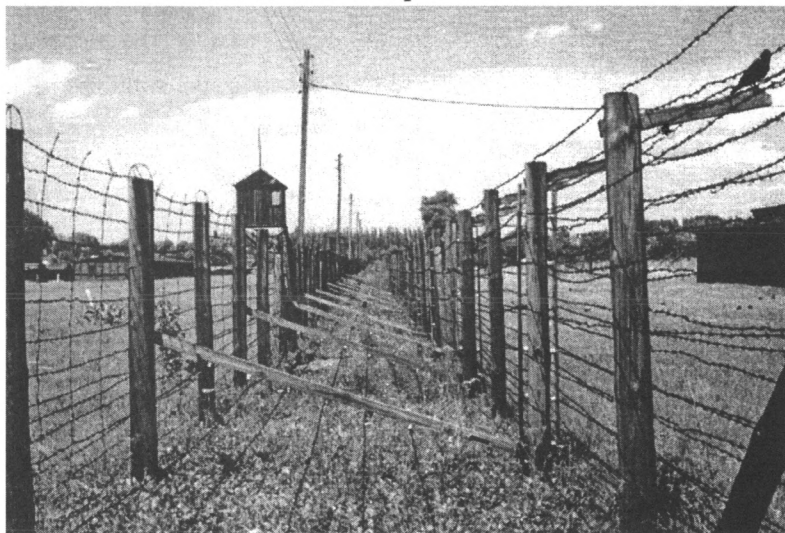
...Евгения Шапиро,
актриса из Вильнюса

...Реджина Кукер,
актриса из Варшавы

⁵ Фотоматериал получен на сайте www.english.gfh.org.il/

Так выглядит концлагерь Майданек сегодня ⁶

⁶ Фотоматериал получен на сайте www.english.gfh.org.il/

Ильзе Эрих

4.2. Освенцим: фабрика смерти

Концлагерь Освенцим (немецкое название – Аушвиц) в памяти человечества останется одним из символов геноцида. Это был один из крупнейших гитлеровских лагерей, созданный в Польше в мае 1940 года. Он находился в болотистой местности у слияния Вислы и ее притока Солы, в 60 км западнее Кракова (восточная часть Верхней Силезии, которая вошла в состав рейха после захвата Польши в 1939 году). За Освенцимом прочно закрепилось определение «лагерь смерти», хотя оно и не совсем верно, так как он одновременно был и большим производственным комплексом.

Вначале у нацистов возникла идея устроить здесь концлагерь для поляков – военнопленных и политзаключенных. В связи с этим в мае 1940 года инспектор лагерей Рихард Глюке поручил Рудольфу Гёссу, заместителю начальника лагеря в Заксенхаузене, создать проект лагеря в Освенциме. Его постройка велась руками местных заключенных-евреев и «зеленых» немцев, то есть уголовников, из Заксенхаузена.

Однако вскоре лагерь получил иное назначение, а его комендантом и был назначен переведенный сюда из Заксенхаузена гауптштурмфюрер СС Р.Гёсс. Во второй половине 1940 года мощный химический концерн «ИГ-Фарбениндустри» по указанию германского министерства экономики приступил в Верхней Силезии, до которой тогда не долетали вражеские бомбардировщики, к постройке своего филиала по производству синтетического каучука. Данный материал имел для войны первоочередное значение, так как обеспечивал шинами весь автотранспорт. К началу следующего, 1941-го, года проекты завода синтетического каучука и завода по перегонке угля в нефть были завершены.

1 марта 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер и вышеупомянутый Глюке прибыли в Освенцим, где к тому времени уже находилось 8000 заключенных. По приказу Гиммлера лагерь был значительно расширен и переоборудован. Так, он распорядился расширить основной лагерь (Освенцим I), возвести новый лагерь на 100 000 военнопленных в Биркенау, что на 3 км западнее (Освенцим II), и передать заводу в Моновице, к востоку от основного лагеря (Освенцим III), дополнительно 10 000 заключенных в качестве рабочей силы. Кроме того, лагерная администрация была укомплектована обученным персоналом из эсэсовцев, прошедших специальную подготовку.

(Некоторые исследователи справедливо отмечают, что проект лагеря на 100 000 военнопленных может служить доказательством знания Гиммлером плана «Барбаросса». И действительно, на первом этапе войны с СССР вермахт захватил огромное число пленных, часть которых попала в Освенцим.)

После начала войны с Советским Союзом лагерь превратился, по сути, в громадную фабрику по тотальной эксплуатации и уничтожению своих узников. Железнодорожные составы, набитые людьми (в основном – евреями) прибывали сюда со всей Европы. Что касается конкретного количества жертв Освенцима, то в первые послевоенные годы получила распространение версия (основанная прежде всего на показаниях бывшего коменданта Гёсса), утверждающая, что здесь нашли свою смерть от 2,5 до 4 миллионов человек. В настоящее время истории сдержанны в своих высказываниях, и более распространенной стала цифра «не менее одного миллиона человек». Минимальной же цифрой, на которой настаивают ревизионисты¹, является 150 тысяч человек. Не вдаваясь в споры о количестве жертв Освенцима, отметим, что и минимальная цифра является чудовищной.

Надо сказать, что в Освенциме, как в зеркале, отразились все противоречия и несуразности нацистского режима. Так, кроме собственно заключенных здесь работали также и вольнонаемные платные рабочие из Германии, Польши и других стран. И лагерный персонал, и заключенных непрерывно переводили в другие лагеря. Наконец, источники сообщают, что бывали (и не так уж редко) освобождения из лагеря: в 1942 году было отпущено на свободу 978 человек; выпускали и в 1943 году, а в 1944 многие еврейские женщины были освобождены по настоянию немецкого коммерсанта Оскара Шиндлера². (От себя отметим, что на фоне общего числа людей, прошедших через Освенцим, количество освобожденных, конечно, невелико).

Не все знают, что Освенцим-Аушвиц был фактически комплексом, включающим в себя три лагеря, выполнявших также три функции: источников рабочей силы, мест интернирования и истреб-

¹ Смотрите, например, работу Юргена Графа «Великая ложь двадцатого века», опубликованную в Интернете.

² Кстати, за спасение многих жизней евреев О.Шиндлер после войны был отмечен государством Израиль очень почетным званием праведника. Ему посвящен потрясающий фильм С. Спиллберга «Список Шиндлера».

ления. Этими лагерями были Аушвиц-I (обычный центр концентрации), Аушвиц-II (или Биркенау) – место истребления евреев и Аушвиц-III, большой трудовой лагерь, обслуживавший немецкую военную экономику.

Те, кто сумел избежать Биркенау, были вынуждены вести жизнь рабов. Там заключенные размещались в кирпичных строениях, населенных с невыносимой плотностью. Рабочий день в лагере начинался в 4:30 утра со звуком утреннего гонга. Завтрак заключался в поллитровой кружке тепловатого эрзац-кофе. Заключенные работали на фабриках, шахтах, в сельском хозяйстве, строительстве на самых тяжелых, немеханизированных работах. Любой, кто пробовал передохнуть, сразу же направлялся в штрафной блок, откуда обычно уже никто не возвращался. По окончании рабочего дня проходили длительные переключки, иногда продолжавшиеся несколько часов. Когда переключка наконец заканчивалась, заключенные получали крошечное количество еды на ужин. Сон был почти невозможен из-за переполнения и вшей в кроватях. Фактически заключенные здесь умирали медленной, мучительной смертью.

В лагере существовал блок № 11, названный «блоком смерти». Обычно в нем расстреливали заключенных, подозреваемых в причастности в «противозаконных» действиях. Здесь же находились экспериментальная душегубка, камера пыток, виселица и стена, у которой расстреливали узников. Один из смертников ногтем нацарапал на ней распятого Христа. Иногда расстрелы вызывались просто переполнением бараков. Здесь и по сей день не выветрился трупный запах: он витает в подвалах, в темном коридоре, в камере пыток, в одиночных карцерах. Считается, что именно здесь были отравлены газом первые жертвы Освенцима.

Применялось и повешение во время проведения переключки на портативной виселице. Вешали в Освенциме обычно за попытку побега и любую форму сопротивления, чтобы напрочь отбить у заключенных даже саму мысль о таких действиях.

В связи с этим, пожалуй, самой известной казнью в Освенциме было публичное повешение четырех молодых польских женщин за то, что они участвовали в подготовке вооруженного восстания узников. Ими были Эстера Вайсблум, Ала Гертнер, Роза Робота и Регина Сафирштейн. Их казнили 5 января 1945 года. Очевидцы казни утверждали, что в последний момент, уже с петлей на шее,

Роза Робота крикнула, обращаясь к узникам: «Будьте сильны и мужественны! Отомстите!»

В Освенциме проводились также и бесчеловечные медицинские опыты на живых людях. Так, профессор Карл Клауберг проводил в блоке № 10 на еврейских женщинах эксперименты по массовой стерилизации. «Доктора» из этого блока изощрялись в таких действиях, как стерилизация, кастрация, удаление живущих зародышей в различных стадиях развития, пересадка человеческих органов, и наблюдении, как долго человек мог выживать в ледяной воде.

...Советские войска вошли в Освенцим 19 января 1945 года. К этому времени основная масса заключенных и персонала лагеря была эвакуирована на запад – в Берген-Бельзен, Бухенвальд, Равенсбрюк. На месте остались лишь немногие: 1200 человек в главном лагере, 5800 – в Биркенау и 700 – в Моновице. Это были те, кого по разным причинам не взяли в длительный пеший переход («марш смерти», как называли такие эвакуации сами узники из-за большого количества погибавших в пути).

4.2.1. Второй Освенцимский процесс

Первым Освенцимским процессом считается первый Берген-Бельзенский процесс, так как на нем ряд надзирателей был осужден в том числе и за свои преступления в Освенциме (см. главу «Трагедия Берген-Бельзена»).

Второй же Освенцимский процесс состоялся в Кракове с 24 ноября по 22 декабря 1947 года. На скамье подсудимых оказался 41 бывший служащий из числа надзирателей-эсэсовцев концлагеря Освенцим (из них пять женщин), обвиняемых в преступлениях против человечности. И хотя после окончания войны прошло уже два с половиной года, чувство ненависти и жажда отмщения преобладали в отношении к подсудимым со стороны абсолютного большинства польского (да и не только польского) общества...

Естественно, что, с учетом вышесказанного, суровость приговора была predetermined. Из упомянутых 41 подсудимых к смертной казни через повешение были приговорены 23 из них: 21 мужчина и две женщины – Мария Мандель и Терез-Рози Брандль, один обвиняемый был оправдан, а остальные приговорены к различным срокам лишения свободы на сроки от 3 лет до

пожизненного заключения (в том числе три женщины-эсэсовки: Луиза Данс – к пожизненному заключению, Хильдегарт Лачерт и Луиза Орловски – к 15 годам лишения свободы каждая). Из числа приговоренных к повешению двоим осужденным смертная казнь была позднее заменена пожизненным заключением (см. прил. 11).

Приговор был оглашен 22 декабря 1947 года, а 24 января следующего, 1948-го, года в Краковской тюрьме состоялась массовая казнь осужденных военных преступников. Она производилась на шести сооруженных для этого виселицах. С восходом солнца Марию Мандель и четверых мужчин (ими были А.Либехеншель, а также Г.Аумейер, М.Грабнер и К.Мёкель) вывели к эшафоту. Палач повесил первого осужденного в 7.09. утра. Затем последовали остальные трое мужчин и лишь затем Мария Мандель. После этого тела повешенных оставались на виселицах в течение 15 минут. Их сняли с петель в 7.38, после того как врач констатировал смерть всех осужденных. Казнь следующей партии осужденных началась уже через 5 минут – в 7.43. Это были Ф.Краус, Э.Мюсфельд, Г.Кирхнер, Г.Йостен и В.Геринг (однофамилец осужденного в Нюрнберге рейхсмаршала). Дальше как на конвейере в течение часа были казнены еще 11 человек: в 8.16. – К.Мюллер, Л.Плагге, О.Латш, Ф.Бунтрок и А.Богуш, а в 8.48. – П.Гетце, П.Сжурек, Т.-Р.Брандль, Й.Коллмер, Г.Людвиг и Г.Шумахер. В 9.08. тюремный врач констатировал смерть всех осужденных последней партии.

Так получилось (возможно, не случайно), что женщины оказались в первой и последней партиях казнимых.

Тела всех повешенных (и это еще одно свидетельство страшных нравов того времени) не были подвергнуты ни захоронению, ни кремации – их передали в анатомический институт Краковского университета как наглядные пособия для студентов-медиков. Впрочем, германские фашисты поступали с телами казненных участников Сопротивления точно так же...

О биографиях двух казненных фигурантках этого процесса мы располагаем нижеследующими сведениями.

Мария Мандель

Родилась 10 января 1912 года в местечке Мюнцкирхен в Верхней Австрии. Девичья фамилия – Хофер. Уже в 1938 году Мария поступает на службу в СС, и вся ее последующая жизнь связана с концентрационными лагерями. Вот ее послужной список:

- с 15 октября 1938-го по 15 мая 1939 года – надзиратель в концлагере Лихтенбург;
- с 15 мая 1939-го по 7 октября 1942 года – надзиратель в концлагере Равенсбрюк;
- с 7 октября 1942-го по 30 ноября 1944 года – старший надзиратель в концлагере Освенцим;
- с 30 ноября 1944-го по май 1945 года – старший надзиратель в концлагере Мюльдорф (филиал Дахау);

Вершиной страшной карьеры Марии Мандель стала ее деятельность в Освенциме. Здесь она организовала женский оркестр, музыка которого сопровождала почти все лагерные мероприятия. Что же касается самих «мероприятий», то Марии, по утверждению свидетелей, больше всего нравились «селекции», то есть отбор наиболее обессиленных узников для уничтожения в газовой камере. То, что зачастую это были женщины и дети, ее, похоже, даже забавляло. Другим ее развлечением были пытки и казни «беглецов», то есть заключенных, осмелившихся бежать из лагеря. Именно за свою чудовищную безжалостность Мария Мандель была назначена старшим надзирателем женской охраны СС одного из филиалов «фабрики смерти» Освенцима – Биркенау.

Она была арестована 10 августа 1945 года на территории Германии, и ей было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечности. Как тяжкий военный преступник Мария Мандель 6 ноября 1946 года была доставлена в Польшу, где и предстала перед Верховным судом Польши (на снимках вверху). Думается, она и сама понимала безнадежность своей ситуации и неизбежность расплаты. Тем не менее, есть сведения, что в своем последнем слове ею были сказаны такие слова: «Если бы я родилась снова, то сделала бы то же самое».

...Перед исполнением приговора были измерены антропометрические данные преступников. Так, рост Марии Мандель составил 1 метр 64 сантиметра, а вес – 60 килограммов. Как сообщают источники, после зачитания приговора Либехеншель и Мандель одновременно воскликнули: «Да здравствует Польша!» Если даже

это действительно так, то вряд ли это было раскаяние, скорее – предсмертный сарказм висельников и их презрение к суду.

Терез-Рози Брандль

Родилась 1 февраля 1909 года близ Траунштайна на юге Германии. Свою деятельность в качестве надзирателя концентрационного лагеря начала в Равенсбрюке в сентябре 1940 года. С марта 1942-го до ноября 1944 года – в Освенциме. Затем до мая 1945-го – в филиале Дахау концлагере Мюльдорф. Таким образом, ее перемещения по лагерям смерти почти в точности совпадают с перемещениями предыдущего персонажа – Марии Мандель (впрочем, и завершили их судьбы одинаково).

Судя по всему, Брандль (в некоторых источниках – Брандаль) была «образцовым» надзирателем, так как летом 1943 года была награждена медалью ордена «За заслуги» – за то, что держала вверенных ей заключенных в постоянном страхе, систематически избивала их и принимала активное участие в «селекциях».

Ее задержали 29 августа 1945 года в горах Баварии, где она пыталась скрыться. Затем были суд, приговор и виселица.

4.2.2. Третий Освенцимский и другие процессы

Он состоялся уже практически через двадцать лет после окончания Второй мировой войны, начавшись 10 декабря 1963 и завершившись 10 августа 1965 года во Франкфурте-на-Майне.

Всего на этом процессе к ответственности были привлечены 22 бывших охранника и других служащих-эсэсовцев этого лагеря. Женщин среди них не было. Четверо обвиняемых были оправданы, остальные приговорены к различным срокам лишения свободы от 3 лет 3 месяцев до пожизненного включительно (см. прил. 12). А в это самое время советские газеты пестрели сообщениями о том, как «преспокойно» живут в Западной Германии бывшие преступники-нацисты....

Помимо двух Освенцимских процессов нацистские преступники из этого лагеря осуждались и другими судами, о которых, к сожалению, в литературе и в Интернете очень мало сведений. В связи с этими процессами нам удалось разыскать лишь краткие биографии двух надзирательниц Освенцима, казненных после войны. Эти биографии мы приводим ниже.

Элизабет Лупка

Родилась 27 октября 1902 года в Кляйн-Дамнере (Германия). В 1934 году вышла замуж, детей не имела. С 1937-го по 1942 год – работница одного из предприятий авиационной промышленности. В 1942 году поступила на службу в СС и начала свою деятельность в качестве надзирательницы концлагеря Равенсбрюк. С 1 марта 1943-го до января 1945 года – в филиале концлагеря Освенцим – Биркенау.

6 июня 1945 года Лупка была арестована. Через три года, 6 июля 1948-го, краковским судом за преступления против человечности она была приговорена к смертной казни через повешение. Обвинения, предъявленные ей, были те же, что и у большинства надзирателей концлагерей – систематические избиения заключенных – беглецов (в том числе женщин и детей) и участие в «селекциях».

8 января 1949 года в 7.05. утра Элизабет Лупка была повешена в краковской тюрьме.

Марго Дрекслер

Родилась 17 мая 1908 в местечке Мендерсдорф близ баварского городка Байрейт (Германия). Подробности биографии до начала Второй мировой войны нам неизвестны. Иногда в источниках ее фамилия звучит как Дрешель, а имя как Ильзе-Марго.

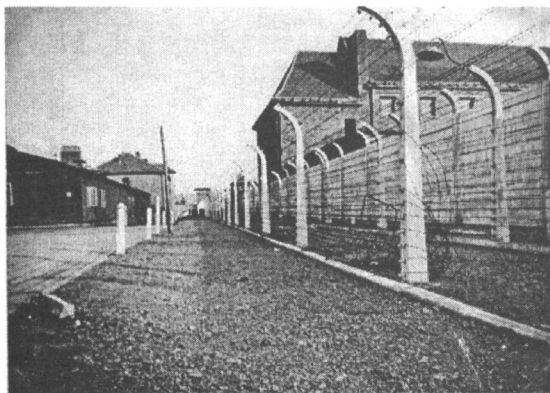
Работала офисной служащей в одной из берлинских фирм до того, как в январе 1941 года поступила на службу в концлагерь Равенсбрюк. Там она «обучалась» под руководством Доротей Бинц. 27 апреля 1942 года она начала службу в качестве надзирательницы концлагеря Аушвиц (Освенцим). Здесь Дрекслер быстро поднималась по служебной лестнице, став вскоре старшей надзирательницей (рапортфюрериной) лагеря, а затем руководителем лагерной канцелярии. Выше ее по служебному положению из женщин-надзирательниц была только Мария Мандель.

С 1 ноября 1944 года переведена в концлагерь Флоссенбург.

Источники сообщают, что Марго Дрекслер была внешне довольно невзрачной личностью, тщедушной и некрасивой: темно-русая, худая, крючконогая, с блеклым цветом лица и плохими зубами. Сообщается также, что она была очень вульгарна и легко

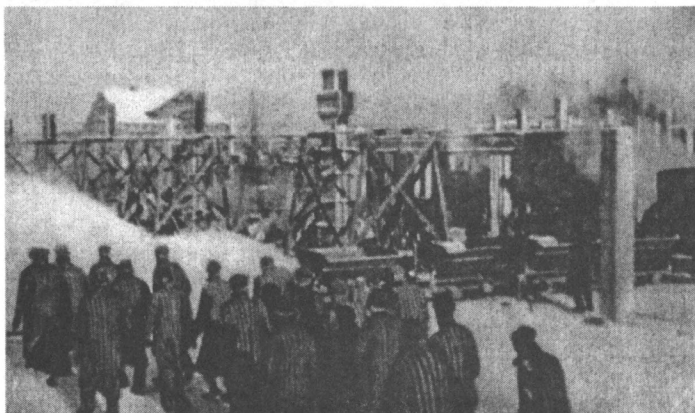
возбудима. Женщины-заключенные панически боялись ее, так как Дрекслер, обладая полной властью над ними, была абсолютно безжалостна. Ей ничего не стоило убить узницу самым жестоким образом. Другая известная надзирательница Освенцима – Мария Мандель – упомянула имя Марго Дрекслер в числе участвовавших в «селекциях».

Марго Дрекслер была опознана в мае 1945 года бывшими узниками концлагерей в советской оккупационной зоне Германии в окрестностях Бауцена (Саксония), задержана ими и передана представителям военной администрации. Дальнейшая ее судьба интерпретируется источниками по-разному. Согласно одной из версий, она была предана скорому суду, приговорена к смерти и повешена чуть ли не в июне того же, 1945 года, в Бауцене. Другие источники утверждают, что Дрекслер удалось избежать наказания. Нам представляется более правдоподобной все же первая версия.

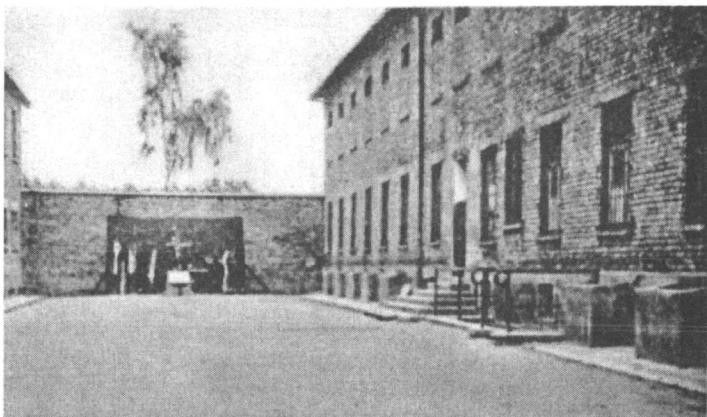

Освенцим был
построен со всей
немецкой
аккуратностью

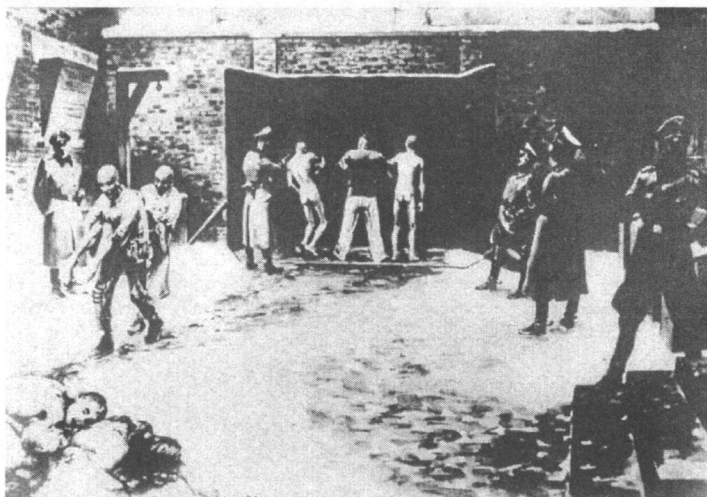
Ворота
Освенцима –
зловещие
ворота смерти...

Наработу...

Так выглядел двор «блока смерти»...

...а так художник изобразил творимые там злодейства

Ала Гертнер (слева) и Роза Робота, польские гражданки – узницы Освенцима. За участие в подпольной лагерной организации вместе с двумя своими подругами публично повешены в Освенциме 05.01.1945 года, за 14 дней до освобождения лагеря...

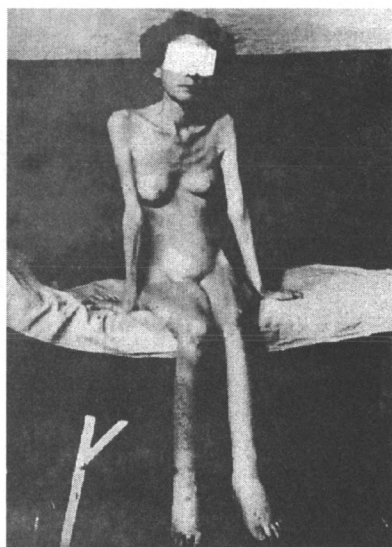
Их освободили в Освенциме³

³ Фотоматериал получен на сайте <http://english.gfhh.org.il/>

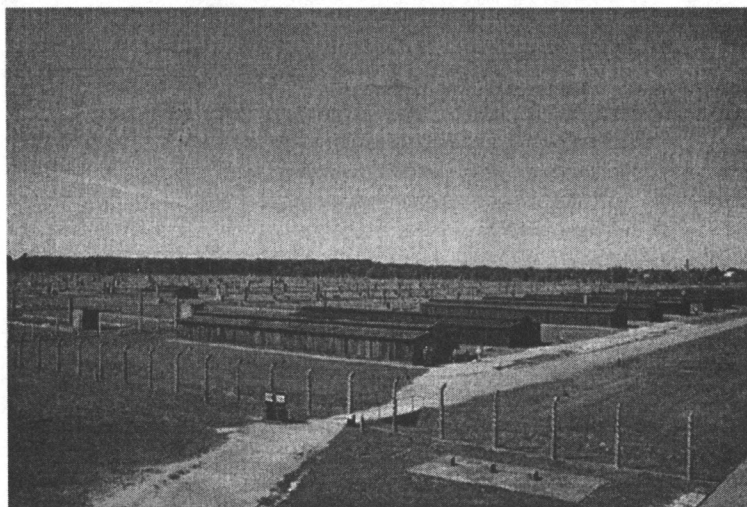

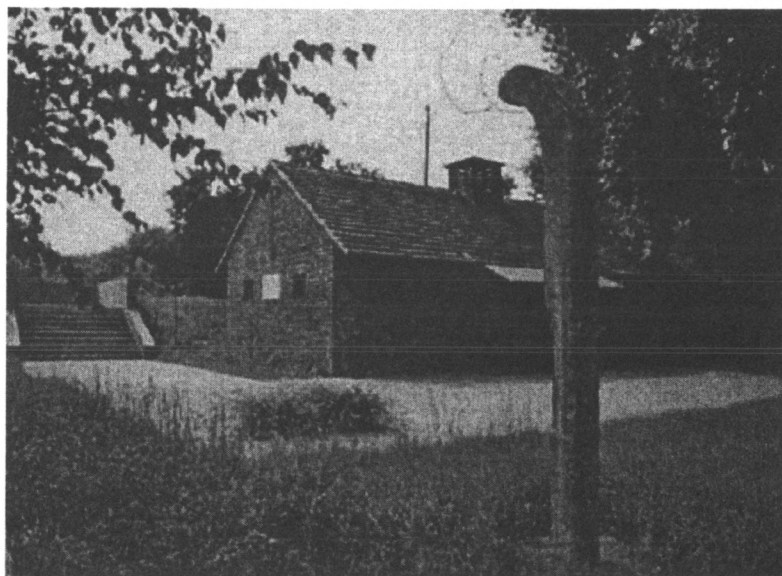
Освенцим сегодня

Строения основного лагеря

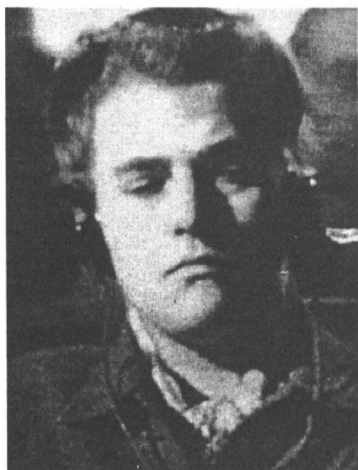
Баракы Биркенау

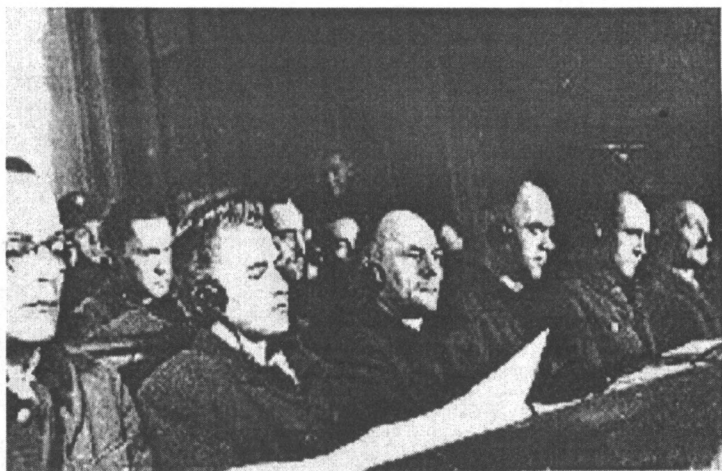
Это строение, по официальной версии,
и есть уцелевшая газовая камера

Мария Мандель

Мария Мандель на процессе

Среди своих поделщиков.
Слева направо: А.Либехеншель, М.Мандель, Г.Аумейер, К.Мёкель,
М.Грабнер, Ф.Краус. Все шестеро будут повешены.

Мария Мандель и ее подельники в ожидании. Зачитывается приговор

Терез-Рози Брандль

Фото
из личного дела

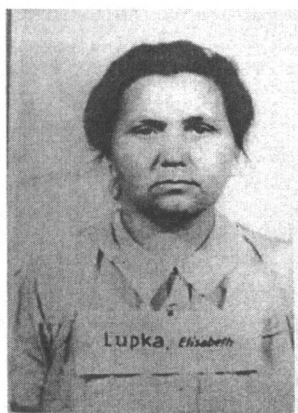
После ареста

На процессе

Среди своих подельников и подельниц (Т.-Р.Брандль крайняя слева)

Элизабет Лупка

4.3. Концлагерь Штуттгоф: прибалтийская преисподняя

Этот лагерь начал свою «работу» уже в сентябре 1939 года, то есть практически с началом вторжения гитлеровской Германии в Польшу, став, тем самым, первым концентрационным лагерем за пределами рейха. Местом его расположения были выбраны восточные предместья Гданьска, так как «контингентом» лагеря должны были быть заключенные из числа жителей города. До 1942 года Штуттгоф был сравнительно небольшим лагерем с численностью «населения» около 12 000 человек. Но, начиная с 1942 года, в него направлялись заключенные из других концлагерей, расположенных на территории Германии, прежде всего из Маутхаузена и Флоссенбурга. У лагеря один за другим появлялись филиалы, и к 1943 году Штуттгоф представлял собой уже обширную систему лагерей, где содержались осужденные преимущественно из Польши и Прибалтики. В 1944 году именно в этот лагерь были перемещены 75 000 заключенных, в основном польских и венгерских евреев. Всего за годы Второй мировой войны, по сообщения прессы, через него прошли до 120 000 человек, из которых 65 000 погибли (главным образом евреи). В январе 1945 года лагерь и десятки его филиалов были эвакуированы, при этом из-за ужасных условий эвакуации погибли тысячи заключенных.

Условия содержания заключенных, естественно, были тяжелыми. Много лет спустя один из заключенных Штуттгофа, советский гражданин Михаил Христофорович Фиров, так вспоминал, например, о лагерном рационе питания: «А кормили нас так: утром – кружка эрзац-кофе без ничего, в обед – миска брюквенной баланды с нечищенным картофелем, вечером – кружка кипятка и 200 граммов липкого свекловичного хлеба. Мы были как тени, ходячие скелеты»¹.

Как и в любом нацистском лагере, в Штуттгофе также происходили и массовые убийства заключенных. На вкладке мы публикуем только один из серии страшных снимков, на котором заснят расстрел заключенных в этом лагере. На нем хорошо видны лежащие на земле люди (возможно, уже убитые) и двое охранников, подтаскивающие к месту расправы еще одну обнаженную жертву...

¹ ТВР-Панорама. 1998. 9 и 26 февраля

4.3.1. Первый Штуттгофский процесс

После освобождения Польши и поимки части преступников, с 25 апреля по 31 мая 1946 года прошел судебный процесс, перед которым предстали 16 бывших сотрудников этого лагеря – 6 женщин и 10 мужчин. Это был так называемый первый Штуттгофский процесс. Вторая мировая война только что закончилась, и у населения оккупированной Польши еще свежи были в памяти зверства немцев. Что уж говорить об узниках концлагерей, выступавших в качестве свидетелей на этом процессе! Поэтому рассчитывать на снисхождение недавним охранникам не приходилось, тем более что многие из них действительно жестоко относились к беззащитным заключенным.

В ходе процесса обвиняемым дали возможность еще раз побывать на месте своих преступлений (смотрите фото).

На суде обвиняемые вели себя довольно смело, если не сказать – нагло: хихикали и смеялись во время заседаний, кокетничали с охранниками, давали им чаевые за различные мелкие услуги. Наверное, им (и прежде всего женщинам, среди которых выделялась своей раскованностью Дженни Баркманн) не могло прийти в голову, что по приговору этого суда их просто-напросто могут повесить. Судя по тому, что процесс продолжался более месяца, а обвиняемые имели адвокатов, польские власти старались соблюсти хотя бы видимость необходимых правовых норм, хотя, конечно, суровость приговора была predetermined.

Всего, как было сказано выше, к ответственности было привлечено 16 человек, но один из них не дожил до суда, умерев в тюрьме. Из пятнадцати оставшихся двое были оправданы (нечастый случай в судебной практике таких дел в послевоенной Восточной Европе!). Сравнительно мягкие приговоры получили одна женщина – Эрна Бейлхардт и один мужчина – Казимеж Ковальски – 5 и 3 года тюрьмы соответственно. Остальные же 11 человек – 5 женщин и 6 мужчин во главе с бывшим комендантом лагеря Иоганном Паулсом были приговорены к смерти и публично казнены через повешение на Бискупьей Горке (по-немецки Штольценберг) близ Гданьска вечером 4 июля 1946 года. Этими женщинами были Дженни Баркманн, Элизабет (Эльжбета) Беккер, Ванда Клафф, Ева Парадиз и Герда Штейнхофф (см. прил. 15).

Польские власти, несомненно, решили сполна рассчитаться с этими захваченными служащими СС, подвергнув их мучительной

и унижительной казни. Приговор был объявлен 31 мая 1946 года в 20.00, но исполнение его состоялось только через месяц с лишним (за это время большинство осужденных подали прошения о помиловании президенту Польши Болеславу Беруту и все как один получили отказ). Место казни было выбрано не случайно – на холме Бискупья Горка, хорошо известном жителям Гданьска. Помимо старинных укреплений XVII столетия (в 1807 году с них разглядывал Данциг Наполеон Бонапарт) там имелась просторная поляна, на которой могли разместиться многие тысячи людей. Именно здесь накануне 4 июля 1946 года и были установлены 11 виселиц для осужденных (см. схему и фото).

Предварительно в Гданьске и близлежащих городах были развешаны объявления о предстоящей публичной казни нацистских преступников. Поэтому неудивительно, что уже за несколько часов до назначенного времени казни на упомянутой большой поляне собралась огромная толпа людей, прибывших не только из Гданьска, но и из Гдыни, Сопота, Олива, Вржешча, Вейгера, Тчева, Картузов и других близлежащих мест. Количество собравшихся, по данным польской прессы, составляло от 50 000 до 150 000 человек (правда, другие источники снижают эту цифру до 10 000 человек, что нам представляется уже явным преуменьшением).

В 16 часов 30 минут на поляну въехали 11 грузовиков, на каждом из которых под усиленной охраной находился один осужденный. Толпа приветствовала их появление диким ревом, криками и свистом – в этом было уже не столько ненависти, сколько нетерпения, так как многие ждали вождельного зрелища по 4–5 часов. Грузовики медленно разворачивались, подвозя осужденных к их последнему пристанищу...

Казнь началась точно в назначенное время – 17.00. Сама процедура исполнения приговора очень напоминала аналогичные действия немецких оккупантов в годы недавно закончившейся войны. Осужденные со связанными за спиной руками подвозились в кузовах грузовых автомобилей прямо к виселицам. Здесь им и всем собравшимся еще раз был зачитан приговор. Затем приговоренным связали также и ноги, после чего они могли получить последнее напутствие от католического священника или евангельского пастора. После этого казнимых (за исключением Ванды Клафф) поднимали на стулья (видимо, для того, чтобы их могли видеть все собравшиеся), а затем машины просто отъезжали, оставляя жертвы висящими в петлях.

О жестоких нравах того времени говорит хотя бы тот факт, что на сохранившихся и приводимых здесь фотографиях, запечатлевших жуткие сцены повешения, видны дети, сидящие (чтобы было лучше видно действо) на плечах у родителей. Толпа неистовствовала, оглашая окрестности Бискупшей Горки бурными возгласами. В какой-то мере ее, наверное, можно понять: принцип «Око – за око, зуб – за зуб» нашел в этот вечер свое реальное воплощение. Как и другой принцип – «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

Организаторами казни были продуманы и такие тонкости, как устройство виселиц (четыре из них были рассчитаны на двух повешенных каждая, а одна – центральная – на трех) и расположение на них висельников с комендантом лагеря в центре. Кроме того, особый колорит казни придавало то обстоятельство, что роли палачей на ней выполняли бывшие заключенные концентрационного лагеря Штуттгоф, экипированные по этому случаю в «форменную» полосатую одежду. Причем (и, возможно, это уникальный случай в истории) одним из одиннадцати палачей была женщина, которой «досталась» Ванда Клафф. Как сообщала польская пресса, с одной из осужденных при виде виселицы случилась истерика. Впрочем, потом, когда палач уже надел ей на шею петлю, она выкрикнула традиционное гитлеровское приветствие «Хайль Гитлер!».

...После того как все грузовики отъехали от виселиц, шум несколько утих, но никто не расходился. Взоры собравшихся были прикованы к одиннадцати телам, тихо покачивающимся на легком июльском ветерке. Примерно через полчаса к казненным подошел врач и, переходя от одного тела к другому, поочередно констатировал смерть повешенных. Трупы их тут же укладывали в кузов грузовика (которого, впрочем, не хватило), и уже в 18.00 все виселицы были пусты. После этого два грузовика повезли тела казненных в клинику Гданьского университета, где им предстояло стать наглядными пособиями для студентов-медиков. Как только было снято оцепление, толпа ринулась к виселицам за «сувенирами» – кусками веревок, на которых были повешены осужденные.

По ходу казни было сделано много фотографий, так что ее следует признать самой «документированной» экзекуцией такого рода. Кроме того, впоследствии был создан 10-минутный фильм под названием «Виселицы Штуттгофа», в котором, например, есть кадры, показывающие Дженни Баркманн в момент объявления ей

смертного приговора. Этот фильм, как сообщила в ответ на наш запрос администрация музея бывшего концлагеря Штуттгоф, и поныне демонстрируют экскурсантам концлагеря.

По количеству приговоренных и казненных одновременно женщин этот процесс и эта казнь не знают аналогов в послевоенной истории. С позиций нашего времени приговор выглядит, конечно, невероятно жестоким. Оправданием ему в какой-то мере служит тот факт, что «работа», которую выполняли эти женщины, была также сплошной изощренной жестокостью, а нередко – откровенным садизмом. Впрочем, есть основания утверждать, что именно этим надзирательницам (и надзирателям) «не повезло» в том, что их процесс был первым процессом по Штуттгофу. Кстати, затем состоялись еще три аналогичных процесса (все они также проходили в Гданьске).

А теперь давайте познакомимся поближе с некоторыми из упомянутых персонажей этого процесса.

Герда Штейнхофф

Она была, несомненно, самым выдающимся женским персонажем на вышеупомянутом процессе. Не зря организаторы казни именно ее удостоили сомнительной чести быть повешенной рядом с комендантом лагеря Иоганном Паулсом. Между тем ее биография до 1944 года ничем не отличается от жизнеописаний тысяч других добропорядочных фраз.

Родилась Герда в немецкой евангелистской семье 29 января 1922 года в Данциге (ныне Гданьск) в доме № 11 по улице с длинным названием Вейлигебрюневег. Кстати сказать, недалеко от этих мест Герду и повесили по приговору суда 24 года спустя.

Она училась в гимназии, затем работала – служащей в городке Тигенхаген, работницей в одной из данцигских пекарен, а в последние годы жизни – с 1939-го по 1944-й – трамвайным кондуктором. Судя по всему, даже начало войны не очень изменило течение ее жизни: в 1943 году Герда выходит замуж, и 25 января 1944 года у нее рождается ребенок. Но в том же году в ее судьбе происходит решительный поворот, в конце концов приведший ее к виселице – она добровольно поступает на службу в СС. Мы не знаем, что толкнуло ее на этот шаг: жажда полной власти над бесправными людьми, или материальная выгода (все-таки была война и надо было как-то выживать), или то и другое вместе.

Несомненно, однако, что с ней произошла та же загадочная метаморфоза, что и с некоторыми другими немецкими женщинами в годы войны, выросшими до того в типичных, благополучных немецких семьях: попав в охрану лагеря, она стала, по сути, безжалостным убийцей. В частности, одним из главных пунктов обвинения против нее на процессе было то, что она участвовала в так называемых «селекциях», то есть отбирала наиболее обессиленных заключенных для их последующего уничтожения. Обычными были для нее и избиения узников лагеря. Послужной список Герды Штейнхофф за время пребывания в СС выглядит достаточно коротким, но емким:

- до 31 октября 1944 года – надзирательница в одном из многочисленных филиалов концлагеря Штуттгоф – Штуттгоф-III (под ее началом было 400 заключенных);

- с 31 октября по 30 ноября 1944 года – старшая надзирательница в концлагере Данциг-Холм (также филиал Штуттгофа);

- с 1 декабря 1944-го года по 18 января 1945 года – старшая надзирательница в другом филиале – концлагере Быдгощ.

Помимо этого есть сведения, что ремеслу надзирательницы Герда (как и все ее подельницы) обучалась в концлагере Равенсбрюк. Надо полагать, что количество «подопечных» Герды Штейнхофф по мере ее продвижения по служебной лестнице становилось все больше, а обязанности – все обширнее. За короткий, в общем-то, срок своего пребывания в лагере этой фрау удалось оставить страшный и кровавый след, за что она и получила, видимо, по заслугам.

Вероятно, последним аргументом, который учли судьи при вынесении этой высокой рыжеволосой женщине, типичной немке, смертного приговора, был факт, отмеченный в ее личном деле – награждение 25 января 1945 года Крестом военных заслуг второго класса. Наверное, за «заслуги» в той мерзкой работе, которую она выполняла. Надо сказать, что не часто эссовское командование награждало женщин-надзирательниц крестами. По крайней мере, это единственный известный нам случай, и мы не думаем, что таких случаев было много.

Герда Штейнхофф была арестована 25 мая 1945 года. Дальнейший ее путь нами уже описан. Остается только проиллюстрировать его нижеследующими фотографиями. Судя по этим снимкам, она мужественно встретила свою судьбу и свою ужасную смерть. Ее отчаянное прошение президенту Польши о помиловании

было отклонено. Глядя на фото на вкладке, невольно ловишь себя на мысли, что даже в петле Герда Штейнхофф висит с достоинством, которое только может остаться у публично повешенной за шею женщины...

Дженни Баркманн

Она была второй после Герды Штейнхофф обвиняемой на процессе, в отношении приговора которой судьи вряд ли долго совещались: так много в распоряжении следствия было фактов, уличающих Дженни Баркманн (в некоторых источниках она фигурирует с двойным именем как Дженни-Ванда Баркманн) в совершении тяжких преступлений против человечности.

На фотографии, помещенной на вкладке, изображена симпатичная молодая женщина (на момент казни ей исполнилось всего 24 года), но бывшие заключенные лагеря Штуттгоф заклеили ее на процессе как «хладнокровного убийцу». И перечень предъявленных ей обвинений был тот же, что и у Герды Штайнхофф: участие в «селекциях» и жестокое обращение с заключенными.

Дженни родилась 31 октября 1922 года в Данциге в семье евангелистов Оскара Баркманна и Иды Дахл. Ее детство прошло в Новом Данцигском порту, недалеко от устья Вислы в доме № 3 по улице с распространенным немецким названием Вильгельмштрассе. Наверное, именно порт оказал на Дженни такое влияние, что она выросла разбитной и не очень задумывающейся о жизни особой. Известно, что она бросила школу и пошла зарабатывать на жизнь – сначала продавщицей в кафе, затем официанткой. Не забывала она и о земных удовольствиях: не будучи в браке, родила сына (о его судьбе нам ничего не известно).

Осенью 1944 года она решает круто изменить свою судьбу и поступает на службу в должности надзирательницы концлагеря Штуттгоф-III. В этом качестве она пребывала с 10 октября 1944-го по 28 апреля 1945 года. В своих показаниях на суде Дженни не скрывала, что пошла на такую службу исключительно из-за хорошей оплаты. Эти деньги она, судя по всему, усердно отработывала. Заключенные называли ее «Прекрасным Привидением» и безумно боялись. Одна из свидетельниц обвинения, Тауба Савицкая, на суде показала, что Дженни Баркманн избивала заключенных-женщин палкой и даже убивала их. Как и в случае с Ирмой Грезе, не обош-

лось и без обвинений в том, что Дженни получала сексуальное удовольствие, избивая узников.

После окончания войны преступница попыталась скрыться, но 16 июля 1945 года была задержана на железнодорожном вокзале Данциг-Вржешч. Во время обыска при ней было обнаружено немного денег (50 злотых), два кошелька, две пары очков и несколько фотографий. История сохранила имя того, кто ее задержал и обыскал – некто Тадеуш Рожковский.

Нам неизвестно, пытались ли судьи во время процесса ответить на вопрос: кто или что сделали из этой девушки чудовищного монстра? То, что это была натура сильная и умеющая противостоять жизненным невзгодам, подтверждает хотя бы тот факт, что свой смертный приговор она выслушала спокойно (другие осужденные женщины рыдали), сказав при этом многозначительную фразу: «Жизнь – это удовольствие, а удовольствия обычно коротки». (Впрочем, есть и другая версия, согласно которой эти слова Дженни произнесла после принудительного посещения концлагеря Штуттгоф. Там она улыбалась даже при виде целой горы оставшейся детской обуви. Когда ее спросили, почему ее не печалит трагедия погибших детей, она якобы и произнесла вышеприведенные слова). В любом случае мы уже никогда не узнаем, что было за этими словами: сожаление о трагически сложившейся жизни или просто досада на то, что приходится за все отвечать...

Снимок Дженни Баркманн на фоне упомянутой горы детской обуви мы приводим на вкладке.

Во время процесса Дженни Баркманн была в центре внимания. Её поведение было нередко просто вызывающим. Каждый день она изменяла причёску, похаживала и даже флиртowała с охранниками. Она постоянно вставала и выкрикивала, когда давали показания представители обвинения. Впрочем, отрицать все обвинения в свой адрес Дженни и не пыталась. Когда после очередного судебного заседания ее вместе с другими обвиняемыми на автобусе отвозили в данцигскую тюрьму, то по дороге Дженни обычно запевала свои любимые песни: «Песню моей Варшавы» или «Жизнь коротка». В последней из них были такие слова: «Жизнь коротка, и с каждым днем и с каждым годом все короче». Эти слова, видимо, и были лейтмотивом всей ее короткой жизни, закончившейся на виселице.

Дженни Баркманн единственная из пяти осужденных на смертную казнь женщин не подала прошения о помиловании. Надо ска-

зять, что и на эшафоте Дженни вела себя мужественно, не проявляя никаких признаков раскаяния или страха. На приводимых на вкладке фотографиях хорошо видно, что она сидит на стуле со связанными руками и прямой спиной, всем своим видом игнорируя окружающих. Очевидцы казни утверждают, что и будучи поставленной на стул она стояла на нем все так же прямо, вплоть до того момента, пока «ее» грузовик не отъехал прочь.

...Она была повешена одной из первых, и ей, судя по всему, досталась нелегкая смерть. Ее палач подтянул веревку так, чтобы падение Дженни со стула не было слишком долгим и не повредило ей шейные позвонки (это нередко бывает при повешении и избавляет казнимого от предсмертных мучений). Поэтому бывшая надзирательница, видимо, какое-то время оставалась в сознании и держалась в предсмертных конвульсиях на глазах ревущей и проклинающей ее толпы. На фотографиях, запечатлевших эти секунды, видно, как Дженни судорожно выгибает свои связанные за спиной руки, пучок волос со скрепкой сполз на ее левую щеку, а с ее правой ноги сваливается тюремный башмак...

...И все-таки странное ощущение оставляют фотографии Дженни Баркманн, сделанные по ходу судебного процесса. Создается такое ощущение, что нашу героиню периодически подменяли – настолько она порой непохожа сама на себя. Тем не менее сомневаться не приходится – это она, Дженни Ванда Баркманн, «Прекрасное Привидение», жестокая надзирательница концлагеря Штуттгоф.

(Кстати, в Музее холокоста и еврейского сопротивления в Тель-Авиве эта фотография значится в каталоге под номером 17485, а подпись под ней гласит, что это «тело женщины, повешенной немцами». Несмотря на наше обращение к руководству музея, подпись эту до сих пор, когда пишутся эти строки, не исправили. Вот так иногда преступники провозглашаются жертвами. Не верите – зайдите на сайт музея в Интернете по следующему адресу: www.english.gfh.org.il/index0.htm.)

Элизабет Беккер

Она была самой молодой из пяти повешенных надзирательниц Штуттгофа – 20 июля 1946-го ей исполнилось бы 23 года. Об этой женщине нам известно, что она родилась в немецкой семье в местечке Нойтейх (польское название Нови Став), недалеко от Данцига, в доме № 3 по Файервебштрассе. Судя по всему, жизнь ее не баловала, так как она рано начала трудиться и не закончила школу. Сначала она работала трамвайным кондуктором – с 1938-го по 1940 год. Затем, в 1940–1941 годах, работала в строительной фирме «Докендорф». И, наконец, до 1944 года – в муниципалитете своего родного Нойтейха помощником по сельскому хозяйству главы администрации. К этому времени Элизабет (Эльжбета) Беккер была уже членом нацистской партии – НСДАП, а до этого она состояла (как, впрочем, большинство ее ровесниц) в Союзе немецких девушек – БДМ.

Относительно начала ее службы надзирательницей в концлагере Штуттгоф-III источники расходятся во мнении: одни утверждают, что Элизабет начала ее в мае 1944 года, другие же упоминают сентябрь того же года. Нам представляется более вероятной вторая дата, а если это так, то стаж лагерной службы Элизабет Беккер получается совсем небольшим: ведь с 15 января 1945 года и до своего ареста (прямо в больнице) 13 апреля того же года она была больна возвратным брюшным тифом и не выходила на службу.

Будучи приговоренной к повешению, Элизабет Беккер подала президенту Польши Болеславу Беруту прошение о помиловании. И надо сказать, что в этом ее поддержал и сам суд, вынесший ей смертный приговор: он считал возможным смягчить наказание до пятнадцати лет лишения свободы. При этом суд исходил из того, что вина приговоренной хотя и велика, но не столь тяжела, как, например, у Герды Штейнхофф и Дженни Баркманн. В отличие от них, Элизабет Беккер не принимала участие в «селекциях», хотя и препровождала, как утверждало обвинение, обреченных узников в газовые камеры и занималась рукоприкладством, то есть попросту избивала вверенных ей заключенных.

Но президент Польши Болеслав Берут не был мягкосердечным человеком, и в помиловании было отказано. А потому вечером 4 июля 1946 года Элизабет Беккер встретила свою смерть на виселице.

По свидетельству очевидцев, Элизабет умерла последней из пяти повешенных женщин. А перед этим она долго билась в мучительных предсмертных конвульсиях: ее молодое, сильное тело из всех сил сопротивлялось, не желая принимать столь страшную и преждевременную для него смерть...

Ванда Клафф

Ее судьба как две капли воды похожа на судьбу Герды Штейнхофф, с которой она наверняка была по крайней мере знакома еще до службы в лагере. Вполне также возможно, что одна из них поспособствовала «трудоустройству» своей подруги.

Родилась Ванда Клафф 6 марта 1922 года в Данциге в семье немца – водителя трамвая Людвиг Калацински (в 1941 году он взял себе немецкую фамилию Кальден). В 1938 году Ванда оставила гимназию и пошла работать – сначала на фабрику джемов, где проработала четыре года, а в 1942 году – кондуктором трамвая. К моменту поступления на службу в СС – это произошло в 1944 году – она уже была замужем за Вилли Клаффом. Насколько нам известно, детей у нее не было.

Деятельность этой фрау в филиалах Штуттгофа (до 5 октября 1944 года – концлагерь Прауст, позднее – концлагерь Руссохин) была отмечена тем же набором преступлений против человечности, что и у двух предыдущих персонажей – Герды Штайнхофф и Дженни Баркманн. Причем Ванда, похоже, не раскаивалась в содеянном. Во всяком случае, на процессе она без тени смущения заявила, что была «...очень умна и предназначена для работы в лагере», а поэтому «...каждый день... была по крайней мере двух заключенных».

Арестовали ее 11 июня 1945 года на квартире родителей, в Данциге (теперь уже польском Гданьске), по улице Пауля Бериквега, 187.

Судьба с лихвой отыгралась на ней за ее циничные слова на процессе: смертный приговор Ванде Клафф привела в исполнение одна из ее бывших «подопечных» – узниц концлагеря. На вкладке мы приводим два редчайших снимка: женщина-палач вместе со своей жертвой. Что там ни говори о справедливом возмездии (кстати, мужчина в черном костюме и белой рубашке без галстука – чиновник, зачитавший приговор, возможно – судья), но что может

быть ужасней, когда женщина казнит женщину на глазах многих тысяч зрителей? О времена, о нравы...

По этим же снимкам, сделанным во время совершения казни, нельзя не заметить, что именно Ванда выделялась среди пятерых осужденных женщин своей короткой юбкой, столь же вызывающей, сколь и неуместной для данной процедуры. Наверное, и в этом проявилась ее натура самолюбивой, кокетливой и роковой женщины. Впрочем, на этот раз рок оказался явно не на ее стороне.

Мы не случайно поместили на вкладке рядом две фотографии Ванды Клафф: первая запечатлела ее на скамье подсудимых, а вторая – ее увеличенное изображение с уже приводимого нами группового фото бывших надзирательниц. Оно было сделано во время принудительного визита обвиняемых в тот самый концлагерь, где наши персонажи исполняли свою службу. Нетрудно заметить большую разницу в этих снимках. Кажется, именно во время пребывания в своих бывших «владениях» Ванда Клафф стала понимать, что всё может закончиться для неё очень плохо.

В последние минуты жизни ей, судя по всему, окончательно отказало самообладание. Во всяком случае, очевидцы утверждают, что во время казни Ванда пошатывалась, из-за чего женщина-палач и другие стоящие рядом в кузове были вынуждены ее поддерживать (это хорошо видно на одном из фото). Поэтому Клафф, единственную из всех казнимых, не поставили на стул перед тем, как отъехал ее грузовик.

Ева Парадиз

Родилась 17 декабря 1920 года в Лаутенбурге, в семье евангелистов, в доме № 100 по Нойендорфейштрассе. В 1935 году Ева оставила школу и стала работать трамвайным кондуктором – в своем родном Лаутенбурге, а также в Вуппертале и Эрфурте. Как и свои будущие поделницы, в 1944 году она поступила на службу в СС и с августа того же года служила надзирательницей в концлагере Штуттгоф-III. В октябре 1944 года ее переводят в другой филиал Штуттгофа – Бромберг-Ост, но в январе 1945 года возвращают обратно. По свидетельству очевидцев, она не знала жалости к заключенным, прежде всего к женщинам. Особенно это проявилось во время эвакуации лагеря, в ходе которой из-за бесчеловечных условий погибли тысячи людей. Так, на суде свидетели

утверждали, что Ева Парадиз обливала узников, стоящих на морозе в снегу, холодной водой.

Окончание войны застало Еву в Лаутенбурге. Ей даже удалось устроиться работать на почту, но уже в мае 1945 года она была арестована. А через год, 31 мая 1946 года, она в числе пяти надзирательниц лагеря смерти Штуттгоф была приговорена к смертной казни через повешение.

Фотограф запечатлел ее общение со священником перед исполнением приговора, чего, судя по всему, не сделали ее подруги по несчастью. По фотографиям казни также видно, что Ева Парадиз была казнена последней, но вряд ли ей доставили удовольствие эти несколько лишних мгновений ее короткой жизни (по иронии судьбы, ее фамилия также переводится как «удовольствие»). Особенно драматично выглядит третья из приводимых на вкладке фотографий: две из осужденных женщин уже повешены, две других через мгновения последуют за ними, а палач Евы, видимо, замешкавшись, еще поправляет петлю на ее шее. Воздух уже насыщен газами от выхлопов отъезжающих грузовиков...

4.3.2. Последующие Штуттгофские процессы

Все они состоялись уже в следующем, 1947-м, году.

Второй процесс состоялся с 8 по 31 января 1947 года. Перед судом предстали 24 бывших охранника-мужчины. Все были признаны виновными. 10 из них были приговорены к смертной казни и повешены 10 октября того же года (но уже не публично). Остальные приговорены к различным срокам лишения свободы – от трех лет до пожизненного заключения (см. прил. 16).

Третий процесс состоялся с 5 по 10 ноября 1947 года. К ответственности были привлечены 20 бывших охранников-мужчин. Из них признаны виновными 19 (один оправдан). Все виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы – от 3 до 12 лет (см. прил. 17).

Четвертый процесс состоялся сразу же вслед за предыдущим – с 19 по 29 ноября все того же 1947 года. На скамье подсудимых находились 27 бывших охранников-мужчин. Из них виновными были признаны 26 (один оправдан). Все виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы – от 7 месяцев (!) до пожизненного заключения (см. прил. 18).

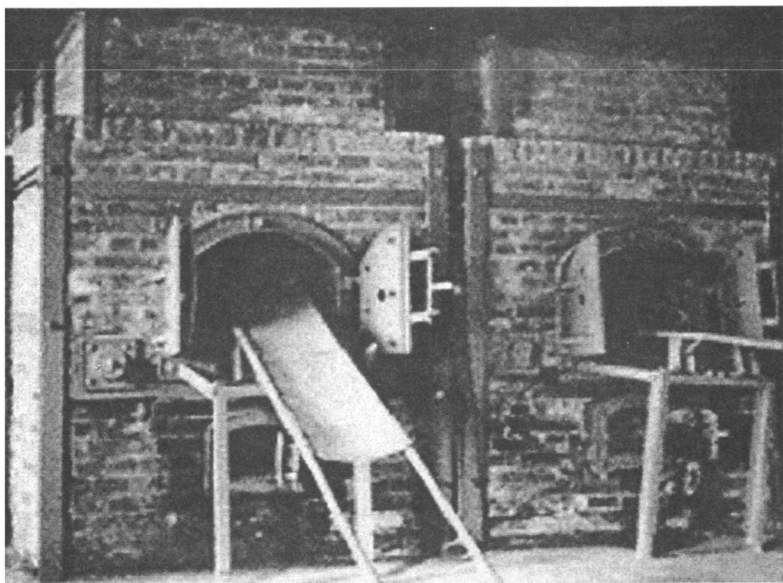
Как видно из приведенных данных, строже всего были осуждены те охранники, которые попали в руки польского правосудия сразу после окончания войны и судились на первых двух процессах (кстати, женщины-охранники фигурировали только на самом первом из них). Конечно, дело тут не в том, что всех самых крупных злодеев удалось изловить весной и летом 1945 года, а в том, что война и всё с ней связанное так или иначе уходило в историю и правосудие переходило на «мирные» рельсы. Цивилизованные же каноны мирного времени не позволяли даже преступников, виновных в страшных злодеяниях, вешать десятками (впрочем, это касается не всех стран. Например, в соседней Чехословакии до 1948 года были повешены сотни людей, в том числе несколько десятков женщин, о чем будет рассказано ниже).

Последний комендант И.Паулс

Он же со своими подручными

Печи лагерного крематория лагеря

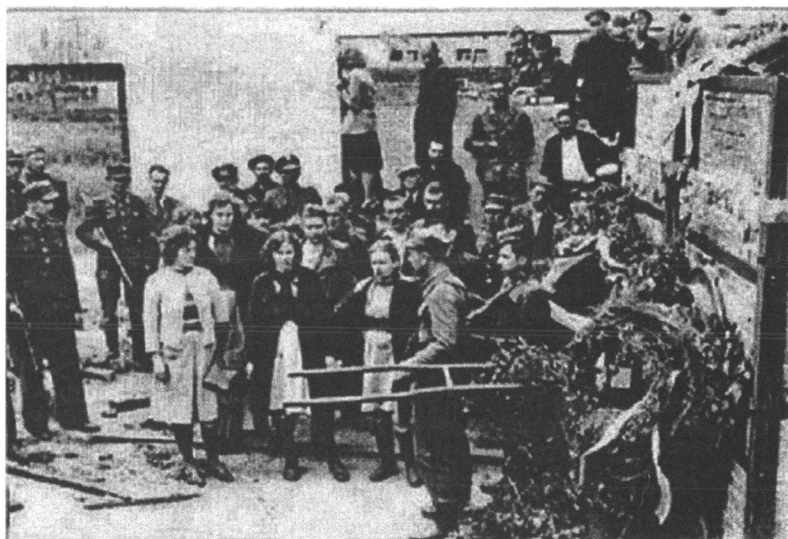
Расправа...

Так выглядел концентрационный лагерь
Штуттгоф после освобождения

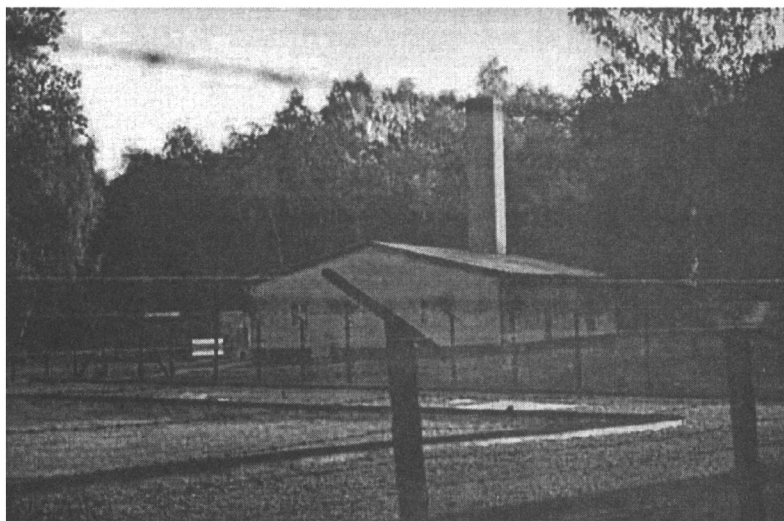

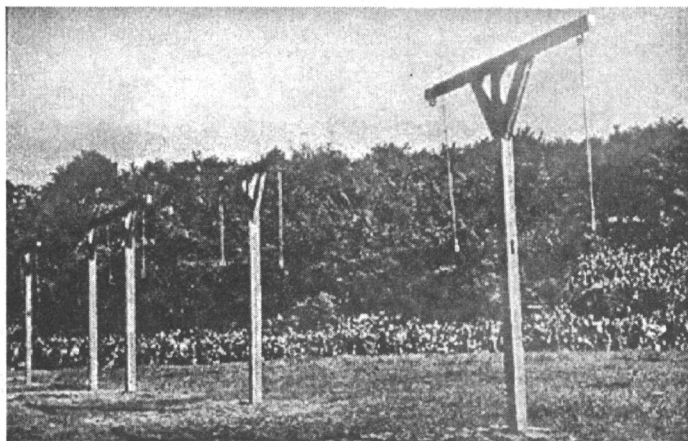

Бывшие надзирательницы
под конвоем в своих бывших «владениях» – на территории концлагеря
Штуттгоф. Им есть что вспомнить...

А так сегодня выглядит крематорий
в бывшем концлагере Штуттгоф, ставшем музеем

4 июля 1946 года на Бискупей Горке.
Виселицы ожидают свои жертвы, а народ – зрелища

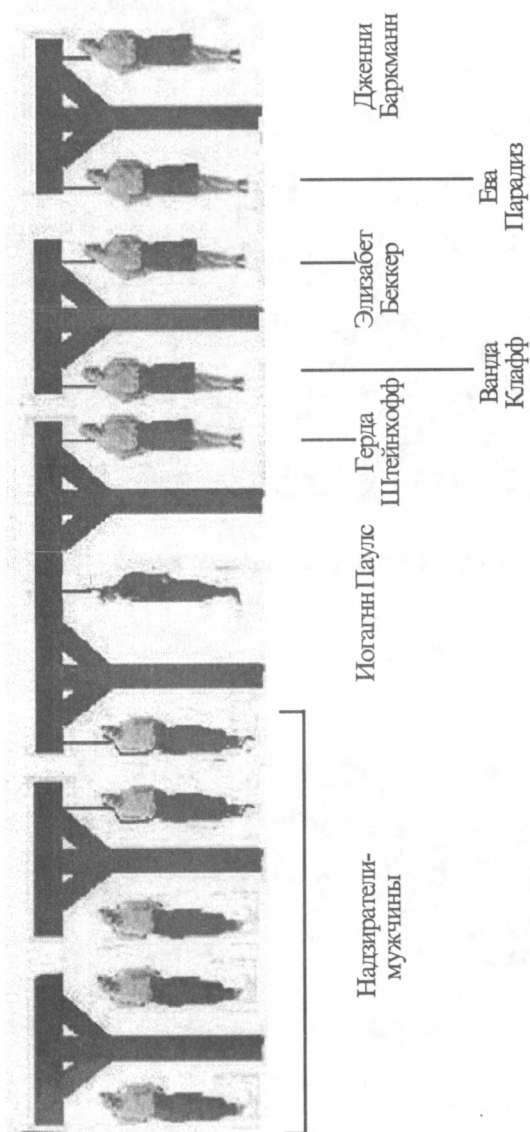
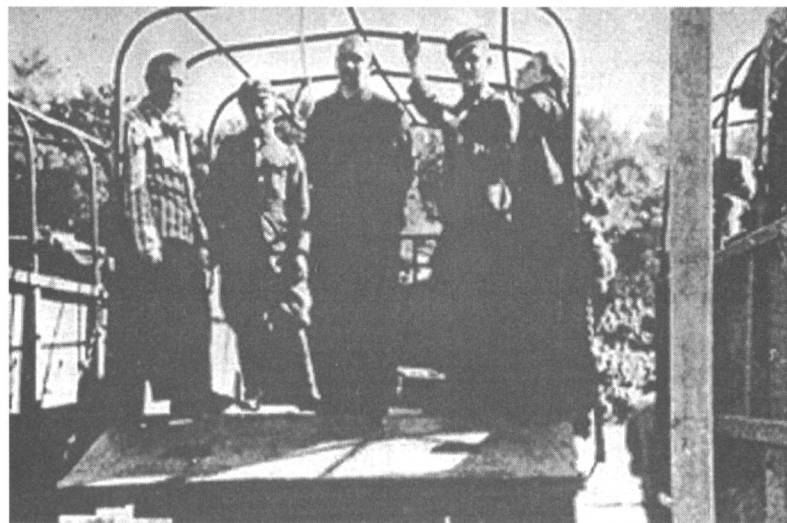
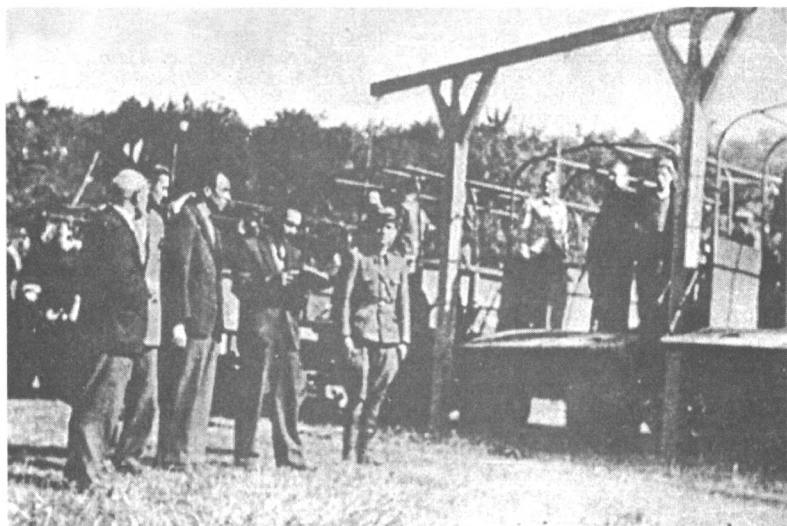
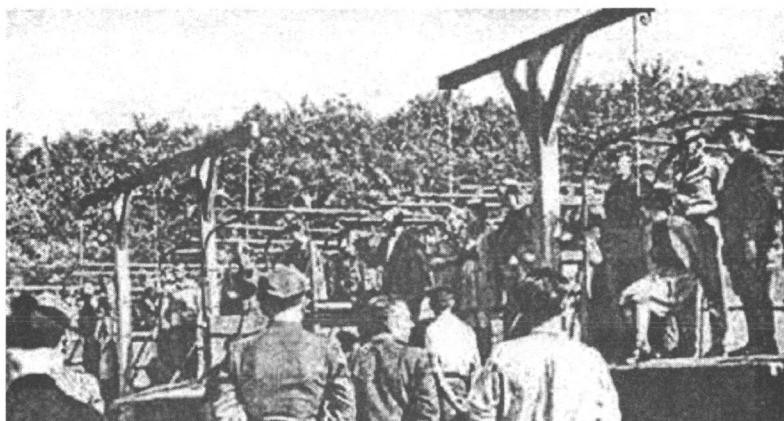

Схема расположения казнимых на виселицах

Эти три снимка запечатлели подготовку казни. На снимке в центре –
Йоганн Паулс, бывший комендант Штуттгофа

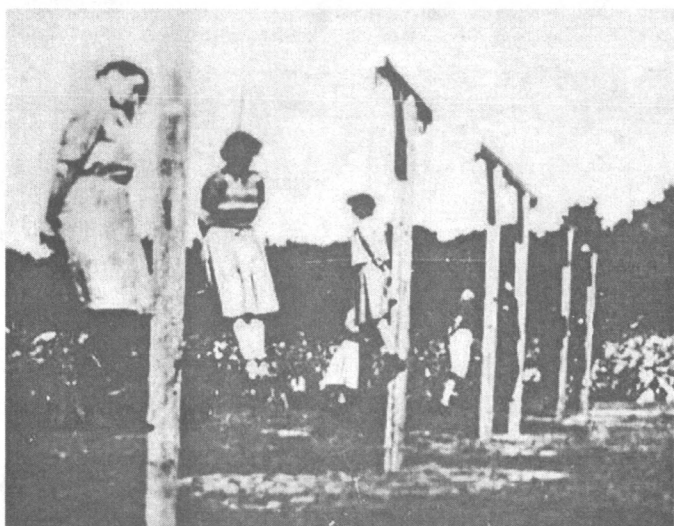
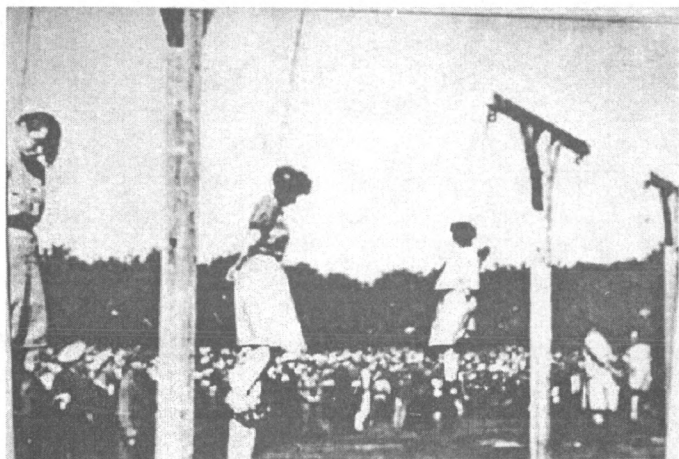
Зачитывается приговор. Под тремя ближайшими петлями (справа налево): Элизабет Беккер (сидит и смотрит на чиновника, читающего приговор), Ванда Клафф и Герда Штейнхофф (стоят).
Через несколько минут начнется казнь...

Казнь началась... Один за другим отъезжают грузовики.
На переднем плане – Дженни Баркманн

Так они выглядели на скамье подсудимых на процессе...
(слева направо: первый ряд – Элизабет Беккер, Герда Штейнхофф, Ванда
Клафф; второй ряд – Эрна Бейлхард и Дженни Баркманн)

...а так после исполнения приговора... (слева направо – Д.Баркманн, Е.Парадиз, Э.Беккер, В.Клафф и Г.Штейнхофф). Первая из этих фотографий была опубликована в журнале «Тайм» за 1946 год с лаконичной подписью «Женщины впереди»

Старшая надзирательница Герда Штейнхофф и комендант Иоганн Паулс

Так сегодня выглядит Штуттгоф, ставший музеем

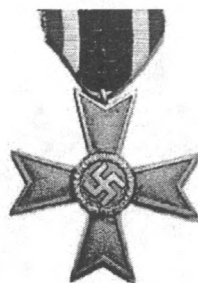

Монумент на подъезде к бывшему концлагерю

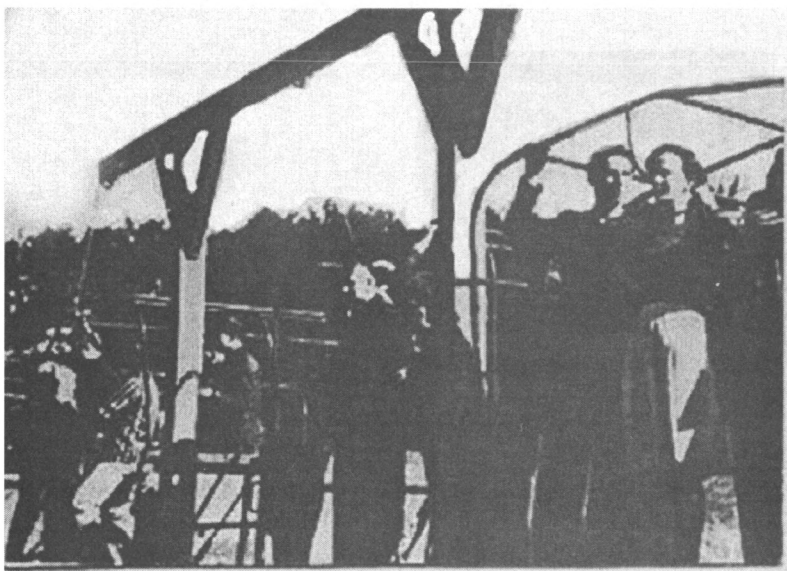
Герда Штейнхофф

Награда Герды Штейнхофф,
ставшая фактически
ее пропуском на эшафот

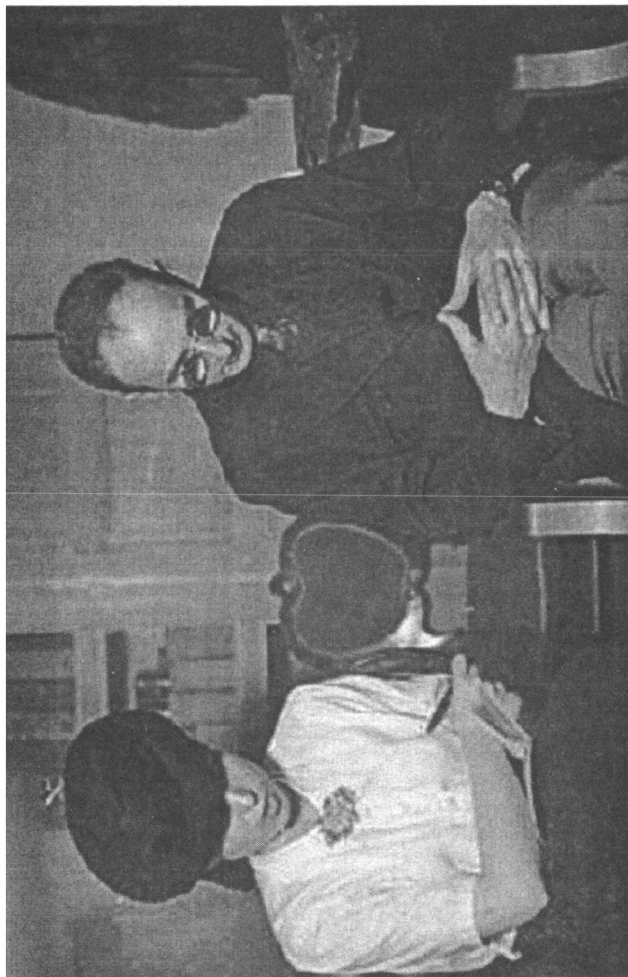
Герда Штейнхофф на процессе...

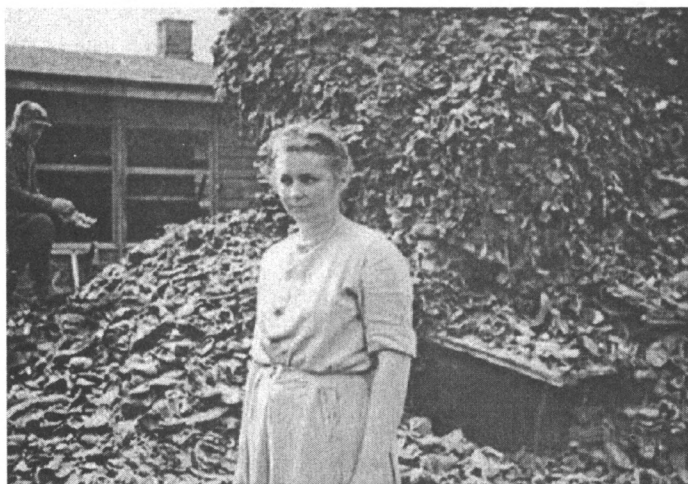
...на эшафоте (крайняя справа)

...и на виселице

Этот снимок сделан, вероятно, сразу же после ареста Дженни Баркманн. Она еще не переодела в тюремную одежду. Рядом с ней какой-то полицейский чин

Снимок Дженни Баркманн на фоне горы
детской обуви в концлагере Штуттгоф

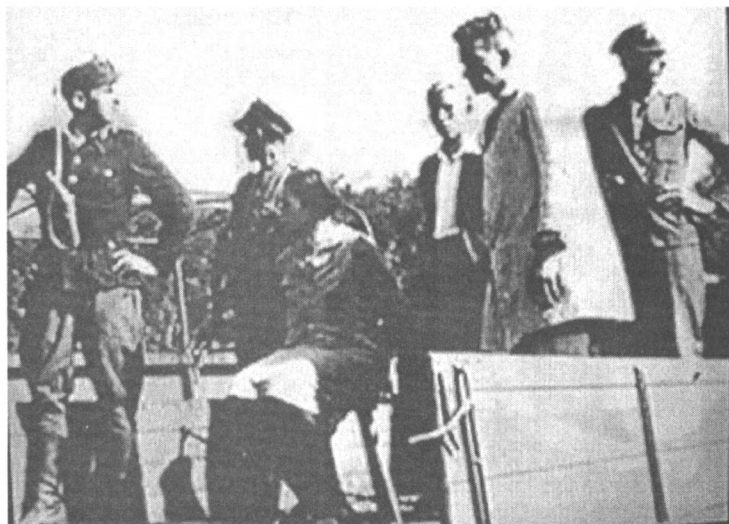
Дженни Ванда Баркманн выслушивает свой смертный приговор
(в левом нижнем углу – Герда Штейнхофф)

Дженни Баркманн со своим адвокатом. Еще есть надежда...

...а эти снимки (точнее – кадры из фильма) сделаны по ходу процесса: Дженни на скамье подсудимых. (Обратите внимание как она постарела – ей никак нельзя дать 24 года.) Похоже, надежда тает...

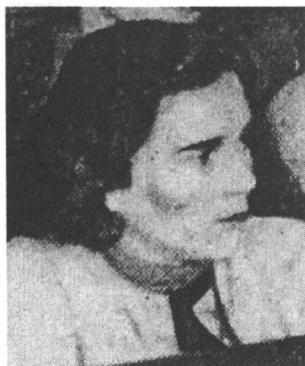

...а теперь уже нет и надежды.
Ни малейшей...

Всё...

Элизабет Беккер

Элизабет Беккер и ее палач
(в полосатой робе узника лагеря)

Конец...

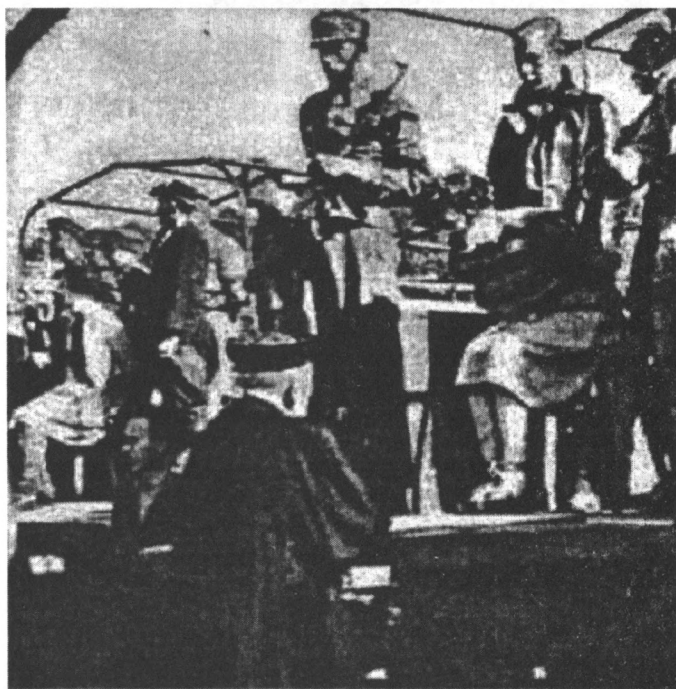
Ванда Клафф

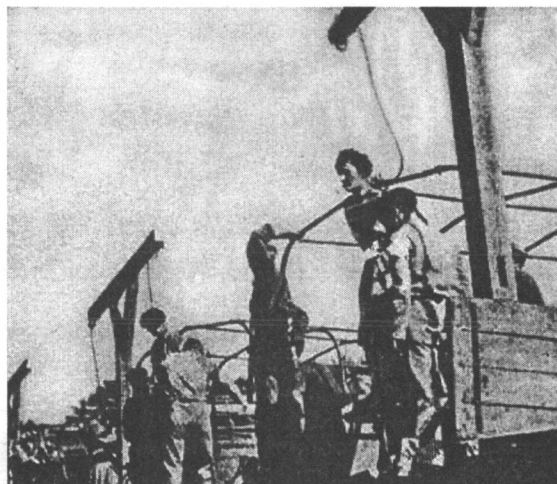
Женщина-палач вместе со своей жертвой – Вандой Клафф

Ева Парадиз

Последнее напутствие...

Последние приготовления...

Последние мгновения...

5. Чехословакия

Приступая к изложению сведений о «валькириях SS» в этой стране, начнем издалека. Именно в Чехословакии после Второй мировой войны произошло одно из самых массовых в XX веке изгнаний за пределы государства целого народа, обвиненного в коллаборационизме. История человечества знает, к сожалению, много примеров изгнаний и депортаций этнических групп и народов. Но в данном случае репрессиям подвергся народ, составляющий по численности примерно четверть населения всей страны, – судетские немцы. По разным оценкам, из Чехословакии в 1945–1947 годах было выдворено от 2,4 до более чем 3 миллионов человек. При этом, по оценкам даже самих чешских историков, около 19 000 человек умерло в ходе переселения, из них 6000 – «насильственной смертью». Другая сторона – судетское землячество немцев в современной Германии – считает, что эти цифры занижены в несколько раз. О цифрах можно спорить, но изгнание почти **четверти** населения страны – событие, имеющее мало прецедентов в истории Европы прошлого века.

Юридическим обоснованием послевоенных репрессий в Чехословакии послужили так называемые декреты Эдварда Бенеша – целый ряд указов чехословацкого президента, которые были приняты как во время пребывания правительства в изгнании с 1940 года, так и сразу по возвращении его в страну в 1945 году. Эти декреты были фактически санкционированы «большой тройкой» (СССР, США и Великобритания) на Потсдамской конференции 1945 года, а 28 марта 1946 года (сразу же после проведения парламентских выборов в Чехословакии) приобрели статус закона, утвержденного Временным национальным собранием, став частью законодательства страны.

Одним из путей «возвращения к мирной жизни», как следовало из декретов, было наказание лиц, сотрудничавших с оккупационными властями в период Второй мировой войны. В связи с этим 19 июня 1945 года Президент Эдвард Бенеш подписал декрет № 16/1945 «О наказании нацистских преступников, изменников и их пособников и о чрезвычайных народных судах». Этот документ получил неофициальное название «декрет воздаяния». До окончания

его действия в 1947 году 24 чрезвычайных народных суда предъявили обвинения 38 тысячам человек, из них 713 были приговорены к смертной казни (среди них было 475 немцев и 234 чеха), 741 – к пожизненному заключению (443 немца и 293 чеха), а более 20 тысяч – к меньшим срокам лишения свободы. Но и после прекращения действия декрета репрессии против «коллорабационистов» продолжались: последняя такая казнь состоялась 11 февраля 1949 года. Всего же за коллаборационизм в послевоенной Чехословакии было казнено 739 человек.

Кроме того, сразу же после возвращения правительства в страну, уже в апреле 1945 года, был издан указ, обвиняющий чехословацких немцев в участии в преступлениях против чехов и словаков, что давало «законный» повод для изгнания их из страны (кстати, вместе с ними заодно изгнали и 70 000 венгров). В июле 1945 года был издан указ о конфискации сельскохозяйственной собственности «немцев, венгров, предателей и коллаборационистов». Таким образом огромное количество земель перешло в распоряжение государства и было распределено между гражданами Чехословакии, не немцами и не венграми. Позже был также проведен пересмотр прав на гражданство Чехословакии, в ходе которого были лишены гражданства те, кто в ходе войны принял германское или венгерское гражданство.

При этом репрессии и изгнание, особенно в первое время, сопровождались страшными жестокостями. Сохранились воспоминания очевидцев о судах Линча, когда, например, бывших эсэсовцев разрывали на части лошаадьми или сжигали заживо, а нередко и ни в чем не повинных немцев скальпировали и расстреливали без разбора. Огромное количество женщин-немок было изнасиловано. Насилиям и избиениям подвергались даже больные и престарелые. Один из свидетелей, венгр по национальности, возвращавшийся в 1945 году домой через Прагу, писал, что увидел там такое, в сравнении с чем его пребывание в нацистском концлагере показалось ему «веселым времяпрепровождением». Даже в конце 1945 года, когда страсти несколько поутихли и был наведен относительный порядок, на казни немцев в Праге собиралось поглазеть, как на забаву, до 50 000 человек.

Так целый народ подвергся наказанию в соответствии с порочным принципом коллективной ответственности. В дополнение можно еще сказать, что волна расправ с так называемыми колла-

борационистами (то есть лицами, сотрудничавшими с оккупантами) прокатилась по всей послевоенной Европе. Разрозненные и приблизительные данные о репрессиях против коллаборационистов (нередко мнимых) говорят о том, что в послевоенные годы жертвами этой кампании стали: в Югославии – до 2 миллионов человек, в Италии – до 1 миллиона человек, во Франции – от 0,5 до 2 миллионов человек, в странах Восточной Европы (кроме СССР) и других странах, подвергшихся оккупации – до 1 миллиона человек.

Масштабы репрессий в послевоенной Чехословакии ужасают еще и потому, что за «коллаборационизм» на виселицу нередко отправлялись женщины. В течение менее чем двух лет – с августа 1945 по май 1947-го – в этой стране по данному обвинению были повешены, по нашим подсчетам, по крайней мере 64 из 67 (!) казненных женщин. Еще две несчастные были повешены в «победном» (для коммунистов) 1948 году. Если вспомнить уже упомянутую нами цифру – 739 человек, казненных за «коллаборационизм», то получается, что почти каждым десятым повешенным была женщина! Можно утверждать, что такого разгула судебной жестокости в отношении женщин **в мирное время** в XX веке не знала ни одна, даже самая варварская, страна мира.

Работая над этой книгой, мы вступили в переписку с Министерством внутренних дел нынешней Чехии. Нас интересовал, прежде всего, характер преступлений, совершенных осужденными женщинами, а также отношение к тем событиям со стороны нынешних органов юстиции Чешской республики. Мы получили несколько ответов, один из которых приводим в «добуквенном» оригинале с сохранением всех неточностей и ошибок его авторов (см. ниже). Обратите внимание, **за что** женщин (в основном судетских немок) отправляли на эшафот – «членство в нацистских организациях, поддержка и пропаганда нацистского движения, содействие потере свободы, предательство республики». Последние два пункта не совсем понятны (особенно «содействие потере свободы») и нуждаются в разъяснениях, но главное ясно и без пояснений: **ни одна из этих женщин сама никого не убила**. Все они были преданы смерти фактически по политическим мотивам.

Употребленный в письме термин «ретрибутивные» происходит, надо полагать, от английского «retribution», что в переводе означает «возмездие».

В других полученных нами от МВД Чехии ответах заявлялось, что «все женщины, уничтоженные в Чехословакии в 1945–1948 годах, были наказаны или за коллаборацию с нацистскими оккупантами, или за совершение криминальных преступлений – убийств», а поэтому «нет ни юридического, ни морального повода этих осужденных каким-либо образом реабилитировать». Оба утверждения, на наш взгляд, достаточно спорны, а первое является откровенной натяжкой – ведь за упомянутый период всего 3 женщины были (и то предположительно!) казнены за уголовные преступления. В этом легко убедиться, зайдя на сайт Министерства внутренних дел Чехии и посмотрев представленные там материалы.

Несомненно, что среди казненных женщин были и те, кто состоял или сотрудничал с СС (а поэтому представлял интерес для нашего повествования), но мы располагаем некоторыми сведениями только об одной из них – Рут Гилднер (Гилднеровой). Поэтому мы приводим без комментариев полный список женщин, повешенных в Чехословакии в 1945–1948 годах. Практически все они были осуждены за «коллаборационизм». Согласно этому списку неясна причина осуждения только Вечерковой Марии (№ 63). В то же время в общем списке на 679 человек, казненных согласно декрету №16/1945, на сайте МВД Чехии почему-то отсутствуют еще два имени – Риппова Гермина и Штефановичова Анна (№ 4 и 5).

При внимательном изучении этого печального списка нельзя не обратить внимание на то, что в нем фигурируют женщины с одинаковыми фамилиями. Но если присутствие двух Анн Давидовых объясняется, скорее всего, простым совпадением имен и фамилий этих женщин, то, например, Хейловы Анежка и Зденка, судя по всему, есть не кто иные, как мать и дочь. Если это так, то выглядит чудовищным: мать и дочь осудили на смерть и повесили в один день, возможно даже, одну на глазах у другой... Кроме того, в списке присутствуют две женщины по фамилии Лосертова. На наш запрос Министерство внутренних дел Чехии ответило, что это, скорее всего, одна и та же женщина, а не сестры-близнецы, как считаем мы. Как говорится, дай-то Бог...

Нельзя не сказать, что кровавая вакханалия 1945–1947 годов не прошла бесследно и для самой Чехословакии. Озверевшие от безнаказанности и пролитой крови прокуроры, судьи и следователи вскоре «переключились» на других «врагов» режима: деятелей оп-

POLICIE ČESKÉ REPUBLIKY
ÚŘAD DOKUMENTACE A VYŠETŘOVÁNÍ ZLOČINŮ KOMUNISMU
SLUŽBY KRIMINÁLNÍ POLICIE A VYŠETŘOVÁNÍ
Poštovní příhrádka 21/ÚDV, Poštovní úřad 170 34 Praha 7, Česká republika

Tel.: +420 974 812 202, Fax.: +420 974 841 875 E-mail:
udv@mvcv.cz

Č.J.: ÚDV-298/2003
Uvádějte vždy v odpovědi

Praha, 11. srpna 2003
Výtisk č.: 1
Počet listů: 1
Přílohy: 1/11

Екатеринбург,
г-ну В.Н.Мамяченкову,
доценту Уральского государственного университета
E-mail: istorik@sky.ru

Запрос по репрессиях в Чехословакии в 1945–1948 гг.

Уважаемый Владимир Николаевич,
отправляю Вам ответ на Ваш вопрос из 23. июля 2003:
Все женщины, осуждаемые за ретрибуционные преступления, были осуждены за одинаковые преступления как мужчины и в соответствии с одинаковыми правовыми нормами – Декретом президента республики № 16/1945 Сб. от 19 июня 1945 «о наказании нацистских преступников, предателей и их сторонников и о чрезвычайных народных судах».

К наиболее частым преступлениям относится: членство в нацистских организациях, поддержка и пропаганда нацистского движения, содействие потери свободы, предательство республики.

Для расширения Вашего представления о видах преступлений и наказаний, высылаем в приложении текст упоминаемого ранее декрета президента Др. Эдварда Бенеша № 16/1945 Сб. на чешском языке. Обратите внимание на §§ 1–11, которые перечисляют отдельные преступления и определяют меры наказания. В рекомендованной нами публикации Отакара Лишки можно возле отдельных имен определить параграфы, по которым люди были приговорены к смертной казни и соответственно их найти в высылаемом приложении.

С приветом

плк. Мгр. Иреней Кратохвил
директор Бюро

Обработал: Мгр. Лукаш Бабка (работник UDV)
тел.: +420 974 812 246

позиции, священнослужителей и просто демократически мыслящих граждан (в том числе и коммунистов).

И снова в Чехословакии заработали виселицы: в 1948–1960 годах по политическим обвинениям в стране было казнено 234 человека. При этом по заведомо сфабрикованным обвинениям были повешены такие известные общественные деятели Чехословакии, как генеральный секретарь Коммунистической партии страны Рудольф Сланский, секретарь ЦК КПЧ Йозеф Франк, заведующий международным отделом ЦК КПЧ Бендржих Геминдер, министр иностранных дел Владо Клементис, главный редактор коммунистической газеты «Руде право» Андре Симон и другие. И в этот раз не обошлось без женщин – на виселицу пошла известнейшая в Чехословакии деятель оппозиции, депутат парламента страны, глава Совета чехословацких женщин Милада Горакова. (Кстати, нацисты в 1944 году осудили Горакову на 8 лет лагерей, но даже они все-таки не решились ее повесить. С просьбами о помиловании этой выдающейся женщины к президенту Чехословакии коммунисту Клементу Готвальду обращались лично Бертран Рассел, Уинстон Черчилль, Альберт Эйнштейн, но все было тщетно: ее казнили 27 июня 1950 года.) Всего в этот период репрессиям в стране подверглись, по разным оценкам, от 240 до 300 тысяч человек. Только за 1948–1951 годы из Чехословакии эмигрировало около 25 000 человек, а при нелегальном переходе границы было убито до 400 человек.

Впрочем, массовые репрессии после февраля 1948 года – это уже не наша тема. Нас же в связи с изложенным интересует только два вопроса: уж не те ли самые работники правоохранительных органов Чехословакии, которые фабриковали «дела» в период коммунистической диктатуры, расправлялись до того с «коллорабационистами»? А раз так, то какова же цена их «объективности» до 1948 года? Тем не менее, в чешском обществе на сегодня прочно утвердилось безапелляционное официальное мнение: репрессии до 1948 года – это справедливо, а вот последующие – это уже вопиющее беззаконие (иными словами, до 1948 года сотни людей были повешены в точном соответствии с законом, а вот после – исключительно по сфабрикованным обвинениям). Хотя, повторяем, совершались обе эти кампании руками во многом одних и тех же людей. Вот так, с наивной и обманчивой детской простотой, очень смахивающей на двойной стандарт, был решен в Чехословакии этот самый и драматичнейший вопрос ее истории.

И, наконец, последнее замечание: самым одиозным и кровавым президентом Чехословакии принято считать коммунистасатрапа Клемента Готвальда¹. Ничуть не пытаясь обелить этого верного ученика Иосифа Сталина, обратим внимание читателя на то, что при нем было казнено 234 человека, а при «либеральном» докторе Эдварде Бенеше втрое больше – 741.

Рут Гилднер (Гилднерова)

В источниках упоминается ее двойное имя – Рут-Эльфрида. О ней мы знаем мало. Известно только, что она родилась 1 ноября 1919 года в местечке Нормберг в Германии. Службу начала надзирательницей в концлагере Равенсбрюк в 1944 году. После этого она была откомандирована в конц лагерь Дахау, а затем в один из филиалов Флоссенбурга – концлагерь Хелмбрехт. С приближением американских войск данный филиал был эвакуирован в Цводау – другой филиал Флоссенбурга, находящийся на территории Чехословакии. Эвакуация была организована в форме «марша смерти», во время которого погибли многие заключенные.

После войны Гилднер была арестована чехословацкой полицией и предана суду. Ей были предъявлены обвинения, как видно из вышеприведенной таблицы, по параграфам 3, 5 и 6 упомянутого декрета президента Чехословакии Эдварда Бенеша.

Приговорена к смертной казни и повешена в Писеке (Чехословакия) 2 мая 1947 года в возрасте 28 лет.

¹ Кстати, имя этого преступника до сих пор носит одна из улиц Екатеринбурга. – *В.М.*

Таблица

№- № п/ п	Дата казни	Фамилия и имя казненной	Параграф закона №16/1945, согласно которому был вынесен приговор*	Место казни	Дата рождения (возраст)
1	2	3	4	5	6
1	21.08. 1945	Ульрихова Людмила	§ 11	Угерске- Градиште	10.06.1914 (31 год)
2	04.09. 1945	Кутейлова Анна	§ 11	Ческе Будейовице	10.04.1912 (33 года)
3	08.10. 1945	Кралова Мария	§ 11	Млада- Болеслав	02.08.1897 (48 лет)
4	09.10. 1945	Риппова Гермина	§ 11	Прага (Панкрац)	01.10.1904 (41 год)
5	16.10. 1945	Штефано- вичова Анна	§ 11	Писек	03.07.1901 (44 года)
6	16.10. 1945	Альбрех- това Софья	§ 10,11	Ческе Будейовице	08.06.1886 или 06.08.1886 (59 лет)
7	18.10. 1945	Павликова Маркета	§ 3,10,11	Пльзень	11.05.1901 (44 года)
8	23.10. 1945	Гошталко- ва Ружена	§ 11	Клатови	31.07.1889 (56 лет)
9	23.10. 1945	Схонфло- кова Йозефа	§ 5,7	Брно	12.03.1906 (39 лет)
10	31.10.- 1945	Хоботска Каролина	§ 7,11	Брно	11.02.1885 (60 лет)
11	20.11.- 1945	Бабикова Мария	§ 3,11	Угерске- Градиште	24.05.1898 (47 лет)
12	05.12. 1945	Бенешова Моника	§ 1,11	Прага (Панкрац)	03.01.1904 (41 год)
13	13.12. 1945	Кайслеро- ва Мария	§ 11	Прага (Панкрац)	12.02.1908 (37 лет)
14	13.12. 1945	Новотна Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	02.06.1900 (45 лет)
15	14.12. 1945	Оберхел- лова Анна	§ 7	Клатови	25.06.1900 (45 лет)

Продолжение таблицы на сл. странице

Продолжение

1	2	3	4	5	6
16	19.12. 1945	Брабкова Мария	§ 3,11	Прага (Панкрац)	01.01.1890 (55 лет)
17	19.12. 1945	Дворакова Мария	§ неизвестен	Хрудим	16.05.1904 (41 год)
18	21.12. 1945	Погоржалова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	25.05.1903 (42 года)
19	17.01. 1946 или 17.01. 1947	Гебертова Анна	§ 11	Мост	10.04.1897 (48 или 49 лет)
20	17.01. 1946	Хейлова Зденка	§ 3,11	Табор	04.04.1914 (31 год)
21	17.01. 1946	Хейлова Анежка	§ 3, 11	Табор	15.11.1892 (53 года)
22	17.01. 1946	Горакова Юлия	§ 11,5/2а	Угерске- Градиште	06.02.1910 (35 лет)
23	24.01. 1946	Рашкова Юлия	§ неизвестен	Зноймо	27.04.1890 (55 лет)
24	31.01. 1946	Миллерова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	30.06.1899 (46 лет)
25	19.02. 1946	Хоубова Штепанка	§ 7,11	Прага (Панкрац)	24.02.1897 (48 лет)
26	26.02. 1946	Малмерова Анна	§ 11	Ческе Будейовице	10.04.1897 (48 лет)
27	28.02. 1946	Лосертова (Трчалкова) Альбина	§ 11	Нови Йичин	10.12.1899 (46 лет)
28	28.02. 1946	Трчалкова Альбертина	§ 11	Нови Йичин	10.12.1899 (46 лет)
29	04.03.- 1946	Блахова Алоисия	§ 11	Угерске- Градиште	26.04.1896 (47 лет)
30	05.03. 1946	Штроуфова Цирилия	§ 1,5	Ческе Будейовице	28.06.1889 (56 лет)
31	05.03. 1946	Вишнанска Альбина	§ 11	Ческе Будейовице	31.08.1905 (40 лет)
32	06.03. 1946	Швехлова Вера	§ 1	Писек	09.02.1914 (32 года)

Продолжение таблицы на сл. странице

Продолжение

1	2	3	4	5	6
33	12.03. 1946	Мюллерова Йозефа	§ 11	Прага (Панкрац)	23.03.1911 (33 года)
34	16.03. 1946	Хржибалова Анна	§ 10,11	Писек	03.07.1908 (35 лет)
35	19.03. 1946	Галеткова Адольфина	§ 11,3/1	Опава	25.10.1900 (45 лет)
36	09.04. 1946	Диккова Мария	§ 11	Ческе Будейовице	29.06.1885 (60 лет)
37	11.04. 1946	Шмидтова Анна	§ 11	Кутна-Гора	26.01.1891 (55 лет)
38	11.04. 1946	Вольфова Эмилия Мария	§ 11	Хеб	04.01.1914 (32 года)
39	13.04. 1946	Сива Магдалена	§ 5	Острава	23.11.1920 (25 лет)
40	16.04. 1946	Новотна Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	11.02.1889 (57 лет)
41	21.05. 1946	Карасова Анна	§ 3,11	Прага (Панкрац)	13.01.1894 (52 года)
42	21.05. 1946	Вискочилова Клара	§ 5,7	Прага (Панкрац)	28.03.1905 (41 год)
43	05.06. 1946	Пршибылова Эмилия	§ 7; 11	Хрудим	24.11.1891 (54 года)
44	14.06. 1946	Климова Анна	§ 3; 11	Прага (Панкрац)	05.05.1896 (50 лет)
45	19.06. 1946	Родова Мария	§ 3; 5; 11	Писек	12.08.1908 (37 лет)
46	24.06. 1946	Комаркова (Комарова) Анна	§ 3	Прага (Панкрац)	01.08.1908 (35 лет)
47	04.07. 1946	Шишкова Божена	§ 11	Кутна-Гора	15.10.1911 (34 года)
48	18.07. 1946	Жагоуркова Адела	§ 11	Ческе- Будейовице	17.10.1907 (38 лет)
49	23.08. 1946	Ворачева Мария	§ 11	Острава	18.10.1897 (48 лет)

Продолжение таблицы на сл. странице

Продолжение таблицы на сл. странице

1	2	3	4	5	6
50	02.09. 1946	Ваткова Мария	§ 11	Острава	27.01.1893 (53 года)
51	05.09. 1946	Питгартова Ярмила	§ 3,7	Пардубице или Хрудим	08.06.1922 или 08.06.1923 (23 или 24 года)
52	12.09. 1946	Ноголова Драгомира	§ 3,8,11	Острава	15.01.1923 (23 года)
53	13.09. 1946	Кашпарова Герта	§ 3,7	Йиглава	21.06.1923 (23 года)
54	25.09. 1946	Майерова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	28.11.1903 (42 года)
55	07.10. 1946	Косинова Франтишка	§ 3,5,11	Прага (Панкрац)	08.09.1902 (44 года)
56	19.12. 1946	Шрамкова Анна	§ неизвес- тен	Хеб	28.9.1921 (25 лет)
57	20.12. 1946 или 20.12. 1948	Сухохлебова Анна	§ 5,11	Либерец	13.06.1887 (59 или 61 год)
58	08.01. 1947	Риттихова (Ритихова) Мария	§ 3,7,8,11	Брно	13.12.1923 (23 года)
59	09.01. 1947	Булиршова Фрида	§ 3,11	Писек	07.04.1897 (49 лет)
60	15.01. 1947	Балоунова ристина	§ 11	Острава	26.06.1908 или 26.10.1908 (38 лет)
61	23.01. 1947	Бросигова (Бросикова, Брошкова) Эльжбета (Элишка)	§ 5	Острава	15.11.1919 (27 лет)
62	19.02. 1947	Цибулкова Франтишка	§ 5,11	Ческе- Будеевице	25.11.1897 (49 лет)

Окончание таблицы на сл. странице

Окончание

1	2	3	4	5	6
63	20.03. 1947	Вечеркова Мария	Причины осуждения неизвест-ны	Острава	01.09.1902 (44 года)
64	20.03. 1947	Станиславова Анна	§ 3,5,11	Прага (Панкрац)	29.07.1914 (32 года)
65	04.04. 1947	Заплеталова Мария	§ 1,11	Ческе- Будеёвице	14.07.1916 (30 лет)
66	17.04. 1947	Брауншвейге- рова Антония	§ 5,10,11	Прага (Панкрац)	07.07.1888 (58 лет)
67	02.05. 1947	Гилднерова Рут	§ 3,5,6	Писек	01.11.1919 (28 лет)
68	12.01. 1948 или 07.10. 1948	Нитсхерова (Митсхерова) Софья	§ 5	Прага (Панкрац)	01.11.1912 (35 лет)
69	07.10. 1948 или 08.10. 1948	Давидова Анна	§ 2,3,5	Прага (Панкрац)	01.09.1921 (27 лет)

* § 1 – участие в заговоре и террор;

§ 3 – пропаганда нацизма;

§ 5 – физическое насилие и грабеж;

§ 7 – содействие потере свободы;

§ 10 – национальное, политическое и расовое угнетение;

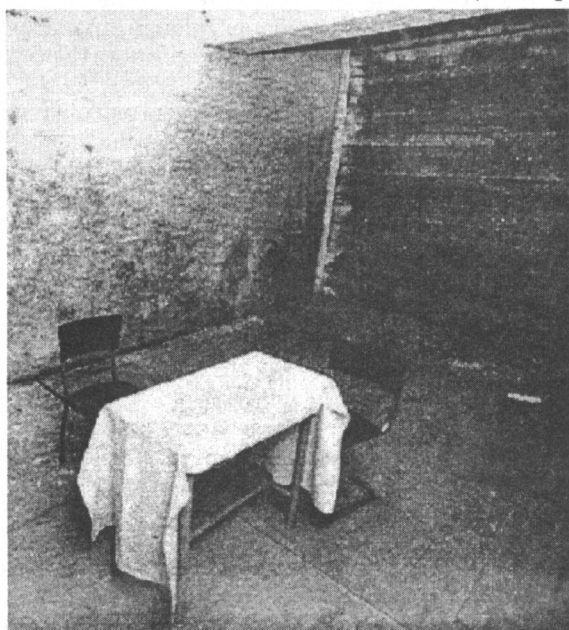
§ 11 – доноительство.

Милада Горакова

Рут Гилднер
(Гилднерова)

Так выглядело место проведения казней в знаменитой пражской тюрьме Панкрац. Здесь на виселице встретили свою смерть 147 осужденных за коллаборационизм, в том числе 20 женщин

Заключение

Начиная работу над этой книгой, мы ставили перед собой одну главную цель – донести до российского читателя тот пласт исторической информации о наказании немецко-фашистских преступников, который в свое время оказался недоступен читателю советскому. Наше мнение о причинах известного замалчивания, а еще больше – необъективного освещения данной темы в советской исторической и периодической литературе, мы высказали. Естественно, далеко не все согласятся с нами. Тем не менее, факты – вещь упрямая. А они свидетельствуют о том, что и прежний советский, и нынешний российский читатель в массе своей до сих пор находятся в плену сложившихся стереотипов и неведении относительно мощного процесса денацификации, прокатившегося по Западной Европе (и прежде всего – по Германии) в послевоенные годы.

До сих пор многие россияне (несмотря на ряд опубликованных произведений, раскрывающих людоедскую сущность сталинизма), уверены, что концентрационные лагеря – это история гитлеровской Германии, но никак не наша. Они почему-то не знают, что **наша** система концлагерей была не менее (если не более) страшной, чем гитлеровская. Они почему-то уверены, что только **там** были садисты-коменданты лагерей и только в **их** лагерях в огромном количестве гибли люди. Они почему-то не знают (или не хотят знать?) что **и у нас** было полно **своих** Гёссов, Либехеншелей и Крамеров, ублюдков-надзирателей, палачей-исполнителей и доморощенных гестаповцев-энкаведэшников.

И все это благодаря тому, что в наших книгах, газетах и журналах все долгие послевоенные годы можно было прочитать о коменданте Освенцима Гёссе и его преступлениях, но до 1985 года нельзя было найти ни строчки, например, о начальнике Севвостлага¹ садисте Гаранине. А он в 1930-х годах за один свой приезд в какой-либо лагерь мог расстрелять просто так (!) несколько десятков заключенных² (тут и Гёссу было до него далеко). В наших учебниках истории можно было прочитать о том, как гибли от

¹ Северо-восточный лагерь ГУЛАГа.

² Голованов Я.К. Королев. М., 1994. С. 269.

голода и лишений в немецких лагерях советские военнопленные, но лишь во второй половине 1980-х Георгию Жженову дали возможность опубликовать следующие страшные строки о том, что он пережил в колымском лагере в одну из военных зим: «Приближающаяся смерть уже не пугала, а скорее была желанной. В эту зиму смерть стала привычным, не вызывающим никаких сострадательных эмоций явлением. Из семисот с лишним человек, населявших лагерь, перезимовала только половина»³ (выделено нами. – В. М.).

Таким образом, до сих пор многие российские граждане наивно полагают, что уж в нашей-то стране фашизма никогда не было, хотя при этом не могут внятно объяснить разницу между его коричнево-гитлеровской и красно-сталинской разновидностями. Другое же, говоря словами известного писателя Сергея Довлатова, «...может быть и ненавидят тиранию, но при этом чувствуют уважение к ее масштабам»⁴.

Теперь, с высоты прошедших десятилетий, особенно отчетливо понимаешь, что мало было просто «сломать хребет фашистскому зверю». Гораздо сложнее оказалось разоружить фашизм идеологически, сделав при этом порой нелицеприятные выводы и о самих себе. Те самые выводы, которые смог (к его чести) сделать немецкий народ, навсегда предавший проклятию нацистскую идеологию и нашедший в себе совесть и мужество принести покаяние перед всем миром. И те самые выводы, которые твердо лобом не желает делать теперь уже общество российское, упорно полагающее, что никаких грехов на нем нет и каяться ему не в чем.

В своей книге мы рассказали почти, – а порой и совсем – неизвестные факты осуждения нацистских преступников (прежде всего – преступниц) за совершенные ими злодеяния против человечности. И сделали это не только с просветительской целью, но и с тем, чтобы наш вдумчивый читатель (другим эта книга будет просто неинтересна) смог «наложить» преступления нацистов и наказания, которые они понесли, на известные ему преступления наших доморощенных садистов. И сделал бы неизбежный вывод, который сделали мы. А вывод этот состоит в следующем: если бы состоялся Второй Нюрнбергский процесс и по тем же меркам,

³ Жженов Г. С. От «Глухаря» до «Жар-птицы». Повесть и рассказы. М., 1989. С. 60.

⁴ Довлатов С. Собрание сочинений. СПб., Т. 2. С. 317.

по которым он осудил преступников нацистских, осудил бы и преступников сталинских, то для них не хватило бы виселиц, даже если ими уставить всю дорогу от Магадана до Москвы и обратно...

У читателя, прочитавшего наш труд, вполне вероятно могут возникнуть вопросы: а как сам автор относится к персонажам своей книги? Не жаль ли ему хотя бы кого-то из них? И можно ли вообще жалеть этих преступниц? Насчет «можно ли» сошлемся на воспоминания Альберта Пьерпойнта, того самого палача, который казнил многих их упомянутых в нашей книге «валькирий SS». Он так выразил свои чувства: «Я знал, что их преступления были чудовищны, но не мог не чувствовать жалости к ним». (На что один из английских солдат резонно заметил ему, что если бы Пьерпойнт побывал в Берген-Бельзене в качестве заключенного, то его чувства были бы несколько иными.)

Да, все это так. И все-таки честно ответим: по крайней мере большинство персонажей, биографии которых мы изложили в нашей книге, нам совершенно искренне жаль. Жаль уже потому, что это в основном были женщины молодые и неискушенные в жизни, у которых она могла сложиться совсем по-другому, не попади они в тиски сложных и трагических обстоятельств. Жаль уже потому, что по-христиански жалости достоин каждый страждущий. Наконец, жаль уже потому, что любой палач, как известно, является одновременно и жертвой... Впрочем, вдумчивый читатель все это понимает и без разъяснений.

Нисколько не сомневаемся в том, что в нашей работе, как и во всякой другой, есть свои недостатки и недоработки, промахи и недочеты. Вместе с тем мы старались написать ее с максимально возможной искренностью и доступностью. Поэтому с благодарностью и пониманием примем любую непредвзятую критику в свой адрес.

Закончим же мы свою работу тем, что еще раз повторим старую, проверенную горьким человеческим опытом истину: кто не помнит о своем прошлом, тот обречен пережить его вновь.

Благодарим каждого, у кого хватило сил дочитать эту грустную книгу до конца. Спасибо.

Приложение 1

Первый Берген-Бельзенский процесс

Проходил в Люнебурге (Германия) с 17 сентября по 17 ноября 1945 года. Перед британским военным трибуналом предстали 45 бывших сотрудников концлагеря Берген-Бельзен (в том числе 19 женщин) во главе с комендантом гауптштурмфюрером СС Йозефом Крамером. Из этого количества привлеченных к ответственности 14 человек были оправданы, а один, Ладислав Гура, признан невменяемым и освобожден от ответственности. Остальные признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Юана Борман – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
2. Ирма Грезе – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
3. Петер Вейнгартнер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
4. Вильгельм Дёrr – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
5. Фриц Клейн – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
6. Йозеф Крамер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
7. Анхор Пихен – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
8. Элизабет Фолкенрат – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
9. Карл Франжё – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
10. Франц Хёсслер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
11. Франц Штофель – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
12. Эрих Зоддель – пожизненное заключение (впоследствии, уже на другом процессе, приговорен к смертной казни и повешен).

13. Отто Кулесса – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).

14. Хелен Коппер – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).

15. Владислав Островски – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).

16. Генрих Шрейер – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1950 году).

17. Герда Элерт – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1953 году).

18. Антони Аурдзиг – 10 лет лишения свободы (освобожден в 1952 году).

19. Герда Боте – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

20. Гертруда Зауэр – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

21. Ирен Гашке – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

22. Хильде Лобауэр – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).

23. Йоганна Рот – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).

24. Станислава Староцка – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).

25. Ильзе Форстер – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

26. Анна Хемпель – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

27. Медислав Бургграф – 5 лет лишения свободы (освобожден в 1949 году).

28. Гертруда Фиест – 5 лет лишения свободы (освобождена в 1949 году).

29. Фрида Вальтер – 3 года лишения свободы.

30. Хильде Лизивиц – 1 год лишения свободы.

Оправданы:

1. Эрик Барш.

2. Йозеф Клиппель.

3. Шарлотта Клейн.

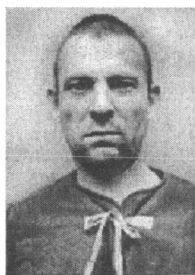
4. Георг Крафт.

5. Ильзе Лотте.
6. Фриц Матес.
7. Клара Опиц.
8. Вальтер Отто.
9. Антони Полански.
10. Ида Форстер.
11. Хильдегард Ханель.
12. Игнац Шломович.
13. Оскар Шмиц.
14. Карл Егерсдорф.

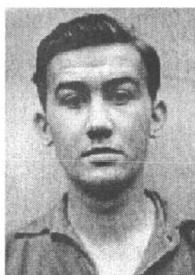
Комендант, его подручные и «валькирии SS»

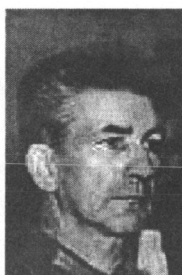
Йозеф Крамер

П.Вейнгартнер

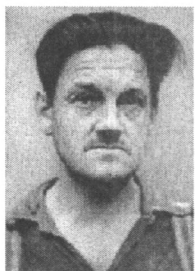
В.Дёрр

Ф.Клейн

А.Пихен

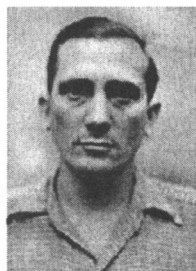
Ф.Хёсслер

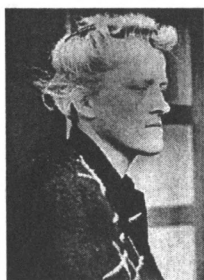
Ф.Штофель

Э.Зоддель

К.Франжье

Х.Лобауэр

А.Хемпель

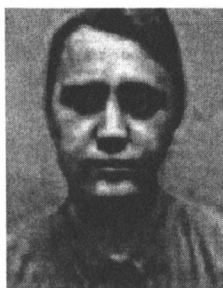
Г.Фиест

Ф.Вальтер

И.Лотте

К.Опиц

Х.Ханель

Приложение 2

Второй Берген-Бельзенский процесс

Проходил с 16 по 30 мая 1946 года в Целле (Германия). Перед британским военным трибуналом предстали 9 бывших сотрудников концлагеря, в том числе 3 женщины. Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вальтер Квакернак – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).

2. Гейнц-Зюдер Гейдеманн – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).

3. Генрих Редехазе – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).

4. Казимир Цегилски – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).

5. Теодор Вагнер – 20 лет лишения свободы (освобожден в 1954 году).

6. Карл Шмитт – 15 лет лишения свободы (дата освобождения неизвестна).

7. Гертруда Гейзе – 15 лет лишения свободы (в 1946 году срок снижен до 7 лет).

8. Марта Линке – 12 лет лишения свободы (в 1946 году срок снижен до 7 лет).

9. Аннелизе Кольманн – 2 года лишения свободы.

Приложение 3

Первый Равенсбрюкский процесс

Проходил с 5 декабря 1946-го по 3 февраля 1947 года в Гамбурге (Германия). Перед межсоюзническим судом предстали 16 бывших служащих концлагеря Равенсбрюк, в том числе 7 женщин. Один обвиняемый – Адольф Винкельманн – умер в день объявления приговора от апоплексического удара, поэтому приговор ему не выносился. Все остальные были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Грета Бёзель – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
2. Густав Биндер – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
3. Доротея Бинц – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
4. Вера Зальвекварт – смертная казнь через повешение (казнена 26.06.1947).
5. Кармен Мори – смертная казнь через повешение (покончила с собой 09.04.1947).
6. Элизабет Маршалл – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
7. Людвиг Рэмдорф – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
8. Рольф Розенталь – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
9. Персиваль Трейте – смертная казнь через повешение (покончил с собой 08.04.1947).
10. Йоганн Шварцхубер – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
11. Герхард Шидловски – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
12. Генрих Петерс – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1954 году).
13. Мартин Хеллинггер – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).
14. Маргарет Мевес – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).
15. Евгения ван Скене – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

Приложение 4

Второй Равенсбрюкский процесс

Проходил с 5 по 24 ноября 1947 года в Гамбурге (Германия). На нем в качестве обвиняемого фигурировал всего один человек – бывший эсэсовский руководитель концлагеря Равенсбрюк Фридрих Опиц, сбежавший из лагеря для интернированных накануне первого Равенсбрюкского процесса. Поэтому он «удостоился» персонального разбирательства. Впрочем, это мало ему помогло: суд приговорил его к смертной казни через повешение. Казнь состоялась 26 февраля 1948 года в гамельнской тюрьме.

Приложение 5

Третий Равенсбрюкский процесс

Проходил с 14 по 26 апреля 1948 года в Гамбурге (Германия). Перед судом предстали пять женщин – бывших служащих СС из молодежного лагеря Уккермарк и концлагеря Равенсбрюк.

Лотте Тоберенц, начальница концлагеря Уккермарк, и надзирательница Иоганна Браах были оправданы. Остальные трое были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Рут Клозиус-Нойдек – смертная казнь через повешение (казнена 29.07.1948).

2. Маргарет Рабе – пожизненное заключение (в 1950 году срок наказания был снижен до 21 года, а в 1955 году – до 20 лет. В 1957 году освобождена).

3. Эльфрида Монеке – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).

Приложение 6

Четвертый Равенсбрюкский процесс

Проходил с мая по 4 июня 1948 года в Гамбурге (Германия). Обвинялись нацистские медицинские работники концлагеря Равенсбрюк в количестве пяти человек, в том числе три женщины-медицинские сестры (из них одна – Герда Ганцер – сама была заключенной). Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вальтер Зоннтаг – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).

2. Бенно Орендс – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).

3. Герда Ганцер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение 3 июля 1948 года. В 1950 году срок снижен до 21 года, а в 1954 году – до 12 лет лишения свободы. Освобождена 06.06.1961).

4. Марта Хаакс – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

5. Лизбет Крцок – 4 года лишения свободы (освобождена в 1951 году).

Приложение 7

Пятый Равенсбрюкский процесс

Проходил с 16 по 29 июня 1948 года в Гамбурге (Германия). В убийствах и истязаниях заключенных обвинялись трое мужчин-эсэсовцев, занимавших различные должности в концлагере Равенсбрюк. Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Артур Конрад – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).
2. Вальтер Шенк – 20 лет лишения свободы (освобожден 03.08.1954).
3. Генрих Шефер – 2 года лишения свободы (освобожден 28.10.1949).

Приложение 8

Шестой Равенсбрюкский процесс

Проходил с 1 по 5 июля 1948 года в Гамбурге (Германия). В истязаниях заключенных обвинялись двое охранников-эсэсовцев. Оба были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Курт Лауэр – 15 лет лишения свободы (освобожден 07.05.1955).

2. Карл Рауксloh – 10 лет лишения свободы (освобожден 26.09.1951).

Приложение 9

Седьмой Равенсбрюкский процесс

Проходил со 2 по 21 июля 1948 года в Гамбурге (Германия). Он завершился серией Равенсбрюкских процессов. В истязаниях и «селекциях» заключенных обвинялись шесть надзирательниц концлагеря Равенсбрюк. Старшая надзирательница Анна Клейн и надзирательница Кристина Холтховер были оправданы. Остальным были вынесены следующие приговоры:

1. Эмма Зиммер – смертная казнь через повешение (казнена 17.09.1948).
2. Гертруда Шрейтер – смертная казнь через повешение (казнена 20.09.1948).
3. Ильзе Феттерманн – 12 лет лишения свободы.
4. Луиза Брюннер – 3 года лишения свободы.

Процесс Рудольфа Гёсса

Проходил с 11 по 29 марта 1947 года в Кракове (Польша). На нем обвинялся только один человек – бывший комендант Освенцима-Аушвица гауптштурмфюрер Рудольф Гёсс. Если учесть более чем мрачную и одиозную известность Освенцима, то станет понятно, что иного приговора, чем смертный, польский суд вынести просто не мог.

Рудольф Гёсс был приговорен к смертной казни и повешен 16 апреля 1947 года в Освенциме.

Рудольф Гёсс на процессе

Приложение 11

Второй Освенцимский процесс¹

Проходил с 24 ноября по 22 декабря 1947 года в Кракове (Польша). Перед польским судом предстал 41 человек из числа персонала Аушвица (Освенцима), в том числе 5 женщин. Один обвиняемый, Ганс Мюнч, был оправдан. Остальные 40 были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Ганс Аумейер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
2. Терез-Рози Брандль – смертная казнь через повешение (казнена 24.01.1948).
3. Август Богуш – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
4. Артур Брейтвизер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение).
5. Фриц Бунтрок – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
6. Вильгельм Г'еринг – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
7. Пауль Гётце – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
8. Максимилиан Грабнер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
9. Генрих Йостен – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
10. Герман Киршнер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
11. Йозеф Коллмер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
12. Франц Краус – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
13. Йоганн Кремер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение).

¹ Первым Освенцимским процессом фактически был первый Берген-Бельзенский процесс, на котором ряду обвиняемых вменялись в вину и преступления, совершенные ими в Освенциме. – В. М.

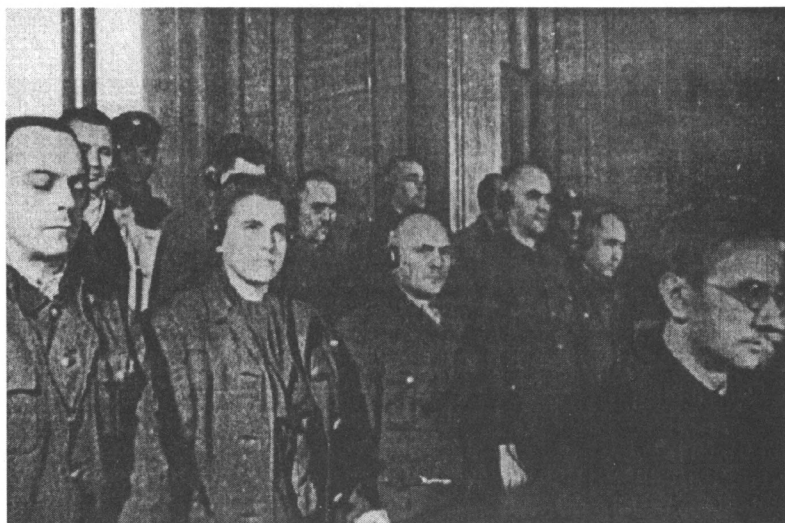
14. Отто Латш – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
15. Артур Либехеншель – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
16. Герберт Людвиг – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
17. Мария Мандель – смертная казнь через повешение (казнена 24.01.1948).
18. Карл Мёкель – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
19. Курт Мюллер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
20. Эрих Мюнсфельд – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
21. Людвиг Плагге – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
22. Пауль Сжурек – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
23. Ганс Шумахер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
24. Луиза Данс – пожизненное заключение.
25. Карл Зейферт – пожизненное заключение.
26. Ганс Кох – пожизненное заключение.
27. Антон Лечнер – пожизненное заключение.
28. Адольф Медефинд – пожизненное заключение.
29. Детлеф Неббе – пожизненное заключение.
30. Освальд Кадук – 25 лет лишения свободы.
31. Йоганн Вебер – 15 лет лишения свободы.
32. Александр Бюлов – 15 лет лишения свободы.
33. Ганс Гоффманн – 15 лет лишения свободы.
34. Хильдегард Лачерт – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1956 году).
35. Эдвард Лоренц – 15 лет лишения свободы.
36. Алиса Орловски – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1956 году).
37. Франц Ромейкат – 15 лет лишения свободы.
38. Ричард Шрёдер – 10 лет лишения свободы.
39. Эрих Дингес – 5 лет лишения свободы.
40. Карл Ешке – 3 года лишения свободы.

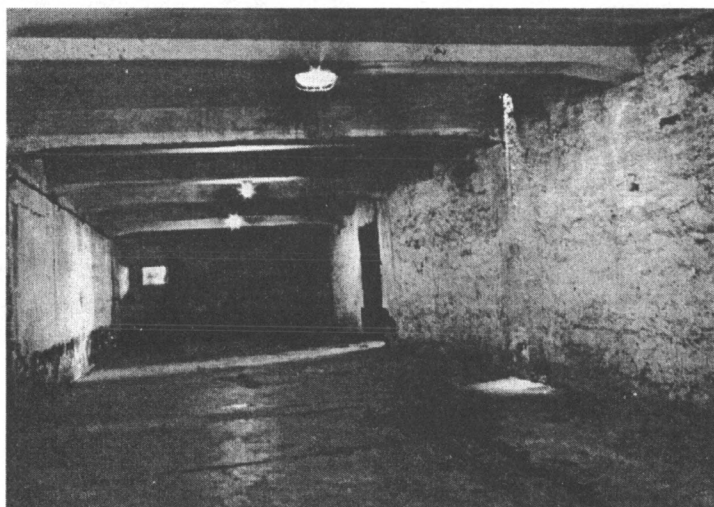
Артур Либехеншель
(запомните это лицо!).
Он был комендантом
Майданека и
Освенцима

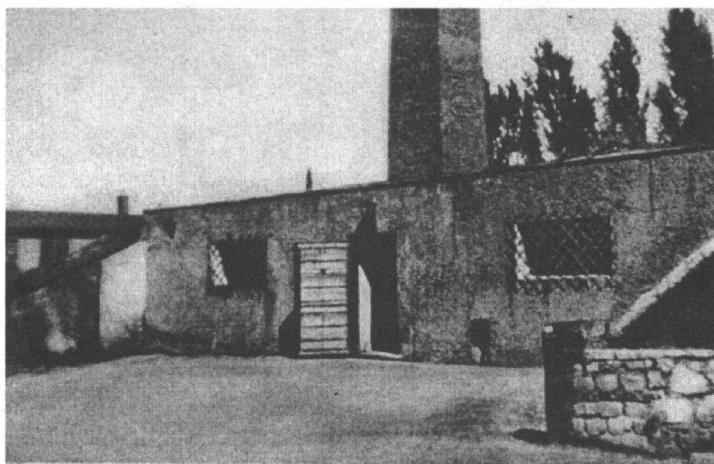
А.Либехеншель и М.Мандель

Встать! Суд идет...

По версии обвинения,
это мрачное помещение
служило в Освенциме газовой камерой

Лагерный крематорий, где сжигали трупы умерщвленных людей

Приложение 12

Третий Освенцимский процесс

Проходил с 10 декабря 1963 по 10 августа 1965 года во Франкфурте-на-Майне (Германия). Перед судом предстали 22 бывших сотрудника Освенцима, все – мужчины. Из них четверо были оправданы, а остальные 18 приговорены к следующим мерам наказания:

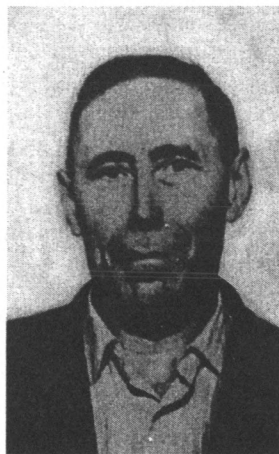
1. Вильгельм Богер – пожизненное заключение плюс 15 лет.
2. Йозеф Клер – пожизненное заключение плюс 15 лет.
3. Стефан Барецки – пожизненное заключение плюс 8 лет.
4. Эмиль Беднарек – пожизненное заключение.
5. Франц-Йоганн Гоффманн – пожизненное заключение.
6. Освальд Кадук² – пожизненное заключение.
7. Роберт Мулка – 14 лет лишения свободы.
8. Вилли Старк – 10 лет лишения свободы.
9. Виктор Капезиус – 9 лет лишения свободы.
10. Карл Гёккер – 7 лет лишения свободы.
11. Вилли Франк – 7 лет лишения свободы.
12. Бруно Шланге – 6 лет лишения свободы.
13. Клаус Дилевски – 5 лет лишения свободы.
14. Герберт Шерпе – 4 года 6 месяцев лишения свободы.
15. Фридрих Шлётер – 4 года 6 месяцев лишения свободы.
16. Перри Брод – 4 года лишения свободы.
17. Эмиль Хантль – 3 года 6 месяцев лишения свободы.
18. Франц Лукас – 3 года 3 месяца лишения свободы.

Оправданы:

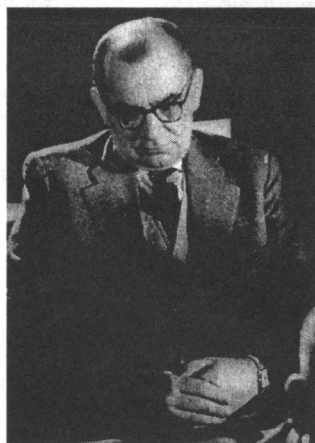
1. Вилли Завацки.
2. Курт Ухленбрук.
3. Вилли Шац.
4. Йоганн Шёберт.

² На втором Освенцимском процессе уже был приговорен к 25 годам лишения свободы. – В.М.

**Приговоренные к пожизненному заключению на третьем
Освенцимском процессе³**

Вильгельм Богер

Йозеф Клер

Стефан Барецки

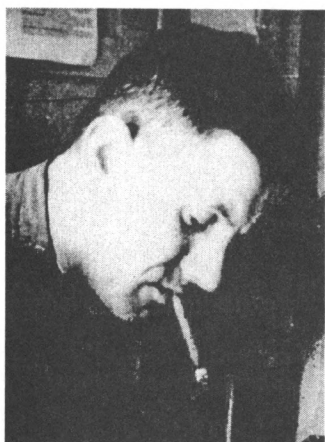
³ Фотоматериал получен на сайте www.english.gfh.org.il/

Эмиль Беднарек

Франц-Йоганн Гоффманн

Освальд Кадук

Это дети Освенцима...

...а это, возможно, они же, только через 20 лет, как свидетели обвинения на третьем Освенцимском процессе.
Какие прекрасные лица у этих людей, переживших кошмар концлагеря!

Это тоже выжившие свидетели нацистских преступлений

...и это тоже свидетель...
Вдова коменданта лагеря Гёсса

Тюрьма во Франкфурте-на-Майне, в которой
во время суда содержались обвиняемые

Зал заседаний третьего Освенцимского процесса

Приложение 13

Первый Майданекский процесс

Проходил в Люблине (Польша) с 27 ноября по 2 декабря 1944 года, вскоре после освобождения Майданека. Перед советско-польским трибуналом предстали не успевшие скрыться 6 бывших надзирателей-мужчин из Майданека. Суд был скорым и беспощадным: все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к смертной казни. Приговор гласил:

1. Вильгельм Герстенмейер – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

2. Эдмунд Польшманн – смертная казнь через повешение (покончил жизнь самоубийством 02.12.1944).

3. Генрих Сталп – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

4. Антон Тернес – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

5. Герман Фогель – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

6. Теодор Шёллен – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

Приложение 14

Третий Майданекский процесс

Проходил в Дюссельдорфе (Германия) и длился необычно долго: с 26 ноября 1975-го по 30 июня 1981 года. Перед судом предстали 16 бывших сотрудников Майданека, в том числе 6 женщин. Долгий срок судебного разбирательства наложил свой отпечаток на процесс: за это время одна из обвиняемых – Алиса Орловски⁴ – успела умереть, а против двух других – Йоанны Зелле и Вильгельма Рейнартса – уголовное преследование было прекращено ввиду «плохого состояния их здоровья». Пятеро подсудимых были оправданы, а остальные 8 приговорены к следующим мерам наказания:

1. Гермина Браунштейнер – пожизненное заключение (освобождена в 1990 году в связи с заболеванием диабетом. Скончалась в 1999 году).

2. Хильдегард Лачерт – 12 лет лишения свободы.

3. Герман Хакманн – 10 лет лишения свободы.

4. Эмиль Лаурих – 8 лет лишения свободы.

5. Гейнц Виллайн – 6 лет лишения свободы.

6. Фриц-Генрих Петрик – 4 года лишения свободы.

7. Арнольд Стриппель – 3 года 6 месяцев лишения свободы.

8. Томас Эллангер – 3 года лет лишения свободы.

Оправданы:

1. Генрих Бётчер.

2. Генрих Гроффманн

3. Рози Зюсс.

4. Шарлотта Майер.

5. Генрих Шмидт.

⁴ На втором Освенцимском процессе она, как и Хильдегард Лачерт, уже была осуждена на 15 лет лишения свободы. – В.М.

Гермина Браунштейнер
(1919–1999).
Возмездие настигло ее
через 36 лет после
окончания войны.

Хильдегард Лачерт (1920–?).
Осуждена дважды за свои
преступления
в Освенциме и Майданеке

Приложение 15

Первый Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 25 апреля по 31 мая 1946 года. Перед польским судом предстали 16 бывших сотрудников лагеря, в том числе 6 женщин, во главе с комендантом Йоганном Паулсом. Один обвиняемый, Мариан Зелковски, не дожид до суда (умер в тюрьме 25.08.1945). Двое – Алекс Дуздал и Ян Прейсс – были оправданы. Остальные 13 человек были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Дженни-Ванда Баркманн – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
2. Элизабет Беккер – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
3. Ян Брейт – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
4. Ванда Клафф – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
5. Вацлав Козловски – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
6. Тадеуш Корчински – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
7. Ева Парадиз – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
8. Йоганн Паулс – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
9. Йозеф Рейтер – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
10. Францишек Шопински – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
11. Герда Штейнхофф – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
12. Эрна Бейлхардт – 5 лет лишения свободы.
13. Казимеж Ковальски – 3 года лишения свободы.

Приложение 16

Второй Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 8 по 31 января 1947 года. Перед судом предстали 24 бывших сотрудника лагеря, все – мужчины. На этот раз оправданных не было: все были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Пауль Вёльниц – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
2. Карл Зурелл – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
3. Курт Дитрих – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
4. Теодор Мейер – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
5. Альфред Николайсен – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
6. Альберт Паулиц – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
7. Фриц Петерс – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
8. Ганс Рач – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
9. Эвальд Фот – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
10. Карл Эггерт – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
11. Эрих Тан – пожизненное заключение.
12. Вильгельм Фоглер – 15 лет лишения свободы.
13. Эдвард Зерлин – 12 лет лишения свободы.
14. Эмиль Венцель – 10 лет лишения свободы.
15. Вернер Вёльниц – 10 лет лишения свободы.
16. Адольф Грамс – 10 лет лишения свободы.
17. Оскар Готтшау – 10 лет лишения свободы.
18. Адальберт Вольтер – 8 лет лишения свободы.
19. Йозеф Веннхардт – 8 лет лишения свободы.
20. Иоганнес Гёртс – 8 лет лишения свободы.
21. Карл Регер – 8 лет лишения свободы.
22. Мартин Стаге – 8 лет лишения свободы.
23. Хьюго Зьем – 3 года лишения свободы.
24. Вальтер Энглерт – 3 года лишения свободы.

Приложение 17

Третий Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 5 по 10 ноября 1947 года. К ответственности были привлечены 20 бывших охранников-мужчин. Из них только один, Ганс Толксдорф, был оправдан, а остальные признаны виновными. Но на этот раз «гуманизация» судопроизводства была налицо: не было вынесено ни одного смертного приговора. Меры наказания были определены следующие:

1. Карл Мейнк – 12 лет лишения свободы.
2. Отто Вельке – 10 лет лишения свободы.
3. Вилли Витт – 10 лет лишения свободы.
4. Адольф Клаффке – 10 лет лишения свободы.
5. Отто Шнейдер – 10 лет лишения свободы.
6. Густав Эберле – 10 лет лишения свободы.
7. Эрих Яссен – 10 лет лишения свободы.
8. Гейнц Левен – 5 лет лишения свободы.
9. Йоганн Лихтнер – 5 лет лишения свободы.
10. Эрих Стампниок – 5 лет лишения свободы.
11. Альфред Тисслер – 5 лет лишения свободы.
12. Эрнст Тульке – 5 лет лишения свободы.
13. Николаус Дирнбергер – 4 года лишения свободы.
14. Ганс Мёрке – 4 лет лишения свободы.
15. Гарри Мюллер – 4 года лишения свободы.
16. Йоганн Спорер – 4 года лишения свободы.
17. Фридрих Тессмер – 4 года лишения свободы.
18. Рихард Тимм – 4 года лишения свободы.
19. Николай Клаван – 3 года лишения свободы.

Приложение 18

Четвертый Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 19 по 29 ноября 1947 года. Он завершил собой серию Штуттгофских процессов. На нем к ответственности были привлечены 27 бывших охранников-мужчин. Из них снова только один, Франц Шпильманн, – был оправдан. Но при этом минимальный срок наказания снизился до семи месяцев. 26 человек были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вилли Бат – пожизненное заключение.
2. Альберт Векмюллер – 15 лет лишения свободы.
3. Рудольф Берг – 10 лет лишения свободы.
4. Фриц Главе – 10 лет лишения свободы.
5. Эмиль Лачейт – 10 лет лишения свободы.
6. Курт Редун – 10 лет лишения свободы.
7. Йозеф Стал – 10 лет лишения свободы.
8. Хорст Хёпке – 10 лет лишения свободы.
9. Йоганнес Валл – 5 лет лишения свободы.
10. Густав Каутц – 5 лет лишения свободы.
11. Германн Линк – 5 лет лишения свободы.
12. Эрих Мертенс – 5 лет лишения свободы.
13. Мартин Пентц – 5 лет лишения свободы.
14. Йоганн Пфистер – 5 лет лишения свободы.
15. Вальдемар Хенке – 5 лет лишения свободы.
16. Рихард Акольт – 3 года лишения свободы.
17. Антон Книффке – 3 года лишения свободы.
18. Кристоф Шварц – 3 года лишения свободы.
19. Леопольд Баумгартнер – 7 месяцев лишения свободы.
20. Густав Бродовски – 7 месяцев лишения свободы.
21. Рихард Вольфейль – 7 месяцев лишения свободы.
22. Йоганн Вробель – 7 месяцев лишения свободы.
23. Эрнст Кнапперт – 7 месяцев лишения свободы.
24. Эмиль Пауль – 7 месяцев лишения свободы.
25. Вальтер Рингевальт – 7 месяцев лишения свободы.
26. Бернхард Эккерманн – 7 месяцев лишения свободы.

Приложение 19

Брауншвейгский процесс детоубийц

Проходил с 20 марта по 3 апреля 1946 года в Брауншвейге (Германия). Перед судом предстали 8 человек из персонала детского дома для интернированных польских детей в местечке Вельпке, в том числе одна женщина. Они обвинялись в преднамеренном преступном пренебрежении своими обязанностями, приведшим к массовой гибели детей. Один из обвиняемых, Фриц Флинт, умер в ходе процесса, трое были оправданы, а остальные приговорены к следующим мерам наказания:

1. Генрих Герике – смертная казнь через повешение (казнен 08.10.1946).

2. Георг Хёсслинг – смертная казнь через повешение (казнен 08.10.1946).

3. Валентина Билиен – 15 лет лишения свободы.

4. Ричард Деммерих – 10 лет лишения свободы.

Оправданы:

1. Густав Клаус.

2. Герман Мюллер.

3. Вернер Нот.

Библиография

1. *Грюнберг К.* Адольф Гитлер. СС – черная гвардия Гитлера. М., 1995.
2. *Залесский К.А.* Вожди и военачальники Третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
3. *Он же.* РСХА. М., 2004.
4. *Зэн Ян.* Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка. Варшава, 1961.
5. *Кноп Г.* СС: черная инквизиция. М., 2005.
6. *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003.
7. *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1987.
8. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М., 1991.
9. *Пэдфилд П.* Рейхсфюрер СС. Смоленск, 2002.
10. *Рассел Э.* Проклятие свастики. М., 1954.
11. *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004.
12. *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.
13. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их помощников. О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. М., 1945.
14. СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 2000.
15. СССР – Германия. 1939. Документы и материалы. Вильнюс. 1989.
16. *Уильямсон Г.* СС – инструмент террора. Смоленск, 1999.
17. *Уорбол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов-на-Дону, 2000.
18. *Ульянов В.Б.* Награды вермахта и ваффен-СС: Нарукавные ленты и щиты кампаний. М., 2001.
19. *Хааг Лина.* Горсть пепла. М., 1981.
20. *Хазанович Ю.Я.* 34 недели на Майданеке. Свердловск, 1945.
21. *Хёне Х.* Орден «Мертвая голова»: История СС. Смоленск, 2002.
22. *Он же.* Черный орден СС: История охранных отрядов.

2003.

23. *Шамбаров В.* Государство и революции. М., 2002.

24. *Bernadac Christian.* Camp for Women: Ravensbrück. Geneva, 1978.

25. *Bridenthal Renate, Grossman Atina, Kaplan Marion, eds.* When biology became destiny. Women in Weimar and Nazi Germany. New York, 1984.

26. *Brown D. P.* The Beautiful Beast: The Life and Crimes of SS-Aufseherin Irma Grese. Ventura, Calif., 1996.

27. *Herzberg Abel.* Between two Streams. A Diary from Bergen-Belsen. London, 1997.

28. *Lasker-Wallfisch Anita.* Inherit the Truth 1939–1945. London, 2000.

29. *Owings Alison.* Frauen: German Women Recall. New Brunswick, 1994.

30. *Oppenheimer Paul.* From Belsen to Buckingham Palace. Newark, 2000.

31. *Phillips R.* Trial of Josef Kramer and Forty-Four Others. London, 1949.

32. *Symonowicz Wanda, ed.* Beyond Human Endurance: The Ravensbrück Women Tell Their Stories. Warsaw, 1970.

33. *Stephenson Jill.* Women in Nazi society. London, 1975.

34. *Massariello Arata Maria.* Il ponte dei corvi. Diario di una deportata a Ravensbrück. Milano, 1979.

35. *Abbati Caterina.* Ich, Carmen Mory. Das Leben einer Berner Arzttochter und Gestapo-Agentin (1906–1947). Zürich, 1999.

36. *Aleff Eberhard.* Das 3 Reich. Hannover, 1985.

37. *Ambach Dieter, Kähler Thomas.* Lublin-Majdanek. Das Konzentrations- und Vernichtungslager im Spiegel von Zeugenaussagen. Düsseldorf, 2004.

38. *Amesberger Helga und Halbmayr Brigitte.* Vom Leben und Überleben – Wege nach Ravensbrück. Das Frauen-Konzentrationslager in der Erinnerung. Wien, 2001.

Band 1: Dokumentation und Analyse

Band 2: Lebensgeschichten.

39. Anatomie des SS-Staates. Bd.1-1. Frankfurt a.M., 1965.

40. **Antoni Ernst.** KZ. Von Dachau bis Auschwitz. Frankfurt, 1979.
41. **Arendt Hannah.** Nach Auschwitz. West-Berlin, 1989.
42. **Arndt Ino.** Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. In: Studien zur Geschichte der Konzentrationslager. Stuttgart, 1970.
43. **Artzt Heinz.** Mörder in Uniform. Nazi-Verbrecher-Organisationen. Rastatt, 1987.
44. Auschwitz in den Augen der SS Höss, Broad, Kremer. Katowice, 1981.
45. **Bastian Till.** Auschwitz und die «Auschwitz-Lüge». München, 1997.
46. **Benz Wolfgang.** Der Holocaust. Munich, 1995.
47. **Bialowna Irena.** Aus der Geschichte des Reviers im Frauenlager in Birkenau. In: Auschwitz-Hefte Bd.1. Berlin, 1987. S.173-184.
48. **Broszat Martin.** Anatomie des SS-Staates. München, 1984.
49. **Bruha Antonia.** Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Wien, 1945.
50. **Buchheim Hans.** Anatomie des SS-Staates. München, 1999.
51. **Burba Manfred.** Treblinka. Ein NS-Vernichtungslager im Rahmen der «Aktion Reinhard.» Göttingen, 2000.
52. **Czech Danuta.** Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. Hamburg, 1989.
53. Die Konzentrationslager-SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien. Göttingen, 2000.
54. **Discher Gisela.** Eine stumme Generation berichtet. Frauen der dreißiger und vierziger Jahre. Frankfurt a.M., 1984.
55. Dokumentation Internationaler Landschaftsplanerischer Ideenwettbewerb Ehemaliges Frauen-Konzentrationslager Ravensbrück. Fürstenberg, 1999.
56. **Eberhard Kolb.** Bergen-Belsen: Geschichte des Aufenthaltslagers. 1943–1945. Hannover, 1962.
57. **Eiber Ludwig.** Verfolgung – Ausbeutung – Vernichtung. Die Lebens- und Arbeitsbedingungen der Häftlinge in deutschen Konzentrationslagern 1933–45. Hannover, 1985.
58. **Franz Helmut.** Frauen im KZ Ravensbrück. Halle, 1946.
59. **Freyberg Jutta** und **Krause-Schmitt Ursula.** «Moringen – Lichtenburg – Ravensbrück. Frauen im Konzentrationslager 1933–1945. Frankfurt a.M., 1997.
60. **Fried Hedi.** Nachschlag für eine Verstorbene. Ein Leben bis Auschwitz + Ein Leben danach. Hamburg, 1995.

61. **Füllberg-Stolberg Claus** and **Jung Martina**. Frauen in Konzentrationslagern: Bergen Belsen, Ravensbrück. Bremen, 1994.
62. **Fürstenberg Doris**. Jeden Moment war dieser Tod. Interviews mit jüdischen Frauen, die Auschwitz überlebten. Düsseldorf, 1986.
63. **Garbe Detlef**. Die vergessenen KZs? Gedenkstätten für die Opfer des NS-Terrors in der Bundesrepublik. Bornheim-Merte, 1983.
64. **Gravenhorst Lerke** und **Tatschmurat Carmen**. Töchter-Fragen. NS-Frauen-Geschichte. Freiburg, 1990.
65. **Günther Wolfgang**. Ach, Schwester, ich kann nicht mehr tanzen... Sinti und Roma im KZ Bergen- Belsen. Hannover, 1990.
66. **Haag Lina**. Eine Handvoll Staub. Frankfurt a.M., 1985.
67. **Hartmann Lukas**. Die Frau im Pelz. Leben und Tod der Carmen Mory. Frankfurt a.M., 2001.
68. **Herbermann Nanda**. Der gesegnete Abgrund. Schutzhäftling Nr. 6582 im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Nürnberg, 1946.
69. **Herbert Ulrich, Orth Karin, Dieckmann Christoph**. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Bd. I u. II. Göttingen, 1998.
70. **Heubner Christoph, Meyer Alwin, Pieplow Jürgen**. Gesehen in Auschwitz. Lebenszeichen. West-Berlin, 1987.
71. **Hofer Walther**. Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933–1945. Frankfurt a.M., 1982.
72. **Israel Gutman, Jäckel Eberhard, Longerich Peter**. Enzyklopädie des Holocaust. München, 1998.
73. **Jacobeit Sigrid und Lieselotte Thoms-Heinrich**. Kruezweg Ravensbrück: Lebensbilder antifaschistischer Widerstandskämpferinnen. Leipzig, 1987.
74. **Jacobeit Sigrid**. Ich grüsse Euch als freier Mensch. Oranienburg, 1995.
75. **Jacobeit Sigrid**. Ravensbrückerinnen. Oranienburg, 1995.
76. **Jacobeit Sigrid** und **Philipp Gritt**, eds. Forschungsschwerpunkt. Ravensbrück. Beiträge zur Geschichte des Frauenkonzentrationslagers. Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten, Band no. 9. Berlin, 1997.
77. **Kiedrzyńska Wanda**. Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. In: Internationale Hefte der Widerstandsbewegung Nr.3. Wien, 1960. S.82–98.
78. **Klinsiek Dorothee**. Die Frau im NS-Staat. Stuttgart, 1982.
79. **Knapp Gabriele**. Das Frauenorchester in Auschwitz – Musikalische Zwangsarbeit und ihre Bewältigung. Hamburg, 1996.

80. *Kocwa Eugenia*. Flucht aus Ravensbrück. Ost-Berlin, 1973.
81. *Kogon Eugen*. Der SS-Staat. München, 2000.
82. *Kolb Eberhard*. Bergen-Belsen 1943–1945. Vom Aufenthaltslager zum Konzentrationslager. Göttingen, 1996.
83. *Komenda Janina*. Frauen im Revier von Birkenau. In: Auschwitz-Hefte 1. Oswiecim, 1987. S.185–198.
84. Konzentrationslager Bergen-Belsen. Berichte und Dokumente. Göttingen, 1995.
85. *Kos Marta*. Frauenschicksale in Konzentrations-lagern. Wien, 1998.
86. *Krause-Schmitt Ursula, Krause Christine*. Mit den Augen der Überlebenden. Ein Rundgang durch die Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück. Essen–Ludwigsburg, 1999.
87. Kudlin. Fridolf. Ärzte im Nationalsozialismus. Köln, 1985.
88. *Langbein Hermann*. Der Auschwitz-Prozeß. Eine Dokumentation. Frankfurt, 1995.
89. *Laqueur Renata*. Schreiben im KZ. Tagebücher 1940–1945. Bremen, 1991.
90. *Lasker-Wallfisch Anita*. Ihr sollt die Wahrheit erben. Die Cellistin von Auschwitz. Reinbek, 2001.
91. *Lee Carol Ann*. Anne Frank. Die Biographie. München, 2000.
92. *Lehker Marianne*. Frauen im Nationalsozialismus. Wie aus Opfern Handlanger der Täter wurden – eine nötige Trauerarbeit. Frankfurt a.M., 1984.
93. *Lévy-Hass Hanna*. Vielleicht war das alles erst der Anfang. Tagebuch aus dem KZ Bergen-Belsen 1944–1945. Berlin, 1991.
94. *Lorska Dorota*. Block 10 in Auschwitz. In: Auschwitz-Hefte Bd.1. Oswiecim, 1987. S.209–212.
95. *Macciocchi Maria-Antonietta*. Jungfrauen, Mütter und ein Führer. Frauen im Faschismus. Berlin, 1979.
96. Majdanek. Lublin, 1985.
97. Majdanek. Poznan, 1966.
98. *Marszalek Josef*. Majdanek. Konzentrationslager Lublin. Warschau, 1984.
99. *Maurel Micheline*. Kein Ort für Tränen. Hamburg, 1960.
100. *Michalak Wanda*. Auschwitz. Geschichte und Wirklichkeit des Vernichtungslagers. Reinbek, 1982.
101. *Mohr Anne und Pregardier Elisabeth*. Gesang aus dem Feuerofen: Ravensbrück (1939–1945).

102. **Müller Charlotte.** Die Klemptnerkolonie von Ravensbrück. Erinnerungen des Häftlings Nr.10787. Ost-Berlin, 1987.
103. **Müller-Münch Ingrid.** Die Frauen von Majdanek. Vom Zerstörten Leben der Opfer und der Mörderinnen. Hamburg, 1982.
104. **Neus Català.** In Ravensbrück ging meine Jugend zu Ende. Vierzehn spanische Frauen berichten über ihre Deportation in deutsche Konzentrationslager. Berlin, 1994.
105. **Orth Karin.** Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisations-geschichte. Hamburg, 1999.
106. **Petter Hellman.** The Auschwitz Album: A Book based upon an Album discovered by a Concetration Camp Survivor. New York, 1981.
107. **Philipp Grit.** Kalendarium der Ereignisse im Frauen-Konzentrationslager Ravensbrück. Berlin, 1999.
108. **Piekut-Warszawska Elzbieta.** Kinder in Auschwitz. Erinnerungen einer Krankenschwester. In: Auschwitz Hefte 1. Oswiecim, 1987. S. 227–230.
109. **Pierrepont A.** Executioner: Pierrepont. London, 1974.
110. **Pingel Falk.** Häftlinge unter SS-Herrschaft. Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager. Hamburg, 1978.
111. **Pollak Michael.** Lebensgeschichten von KZ-Überlebenden als Augenzeugenberichte und als Identitätsarbeit. Frankfurt a.M.-New York, 1988.
112. **Poltawska Wanda.** Und ich fürchte meine Träume. Abensberg, 1993.
113. **Pross Christian.** Wiedergutmachung. Der Kleinkrieg gegen die Opfer. Frankfurt a.M., 1988.
114. **Riebe Renate.** Frauen in Konzentrationslagern 1933–1939. In: Dachauer Hefte 14. 1998. S.125–140.
115. **Rückert Adalbert.** NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. Heidelberg, 1984.
116. **Schäfer Silke.** Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002.
117. **Schäfer Tine, Stiller Anne.** Widerstand und Verfolgung – Über ein Frauenschicksal im Dritten Reich. In: Frauenforschung.

Informationsdienst des Forschungsinstituts Frau und Gesellschaft. Institut Frau und Gesellschaft GmbH. Hannover, 1983. S.6–15.

118. **Schmidt-Fels Lucia**. Deportiert nach Ravensbrück. Bericht einer Zeugin 1943–1945. Düsseldorf, 1981.

119. **Schroeder-Hildebrand Dagmar**. Ich sterbe vor Hunger. Kochrezepte aus dem Konzentrationslager Ravensbrück. Bremen, 1999.

120. **Schulz Christa**. Der Wind weht weinend über die Ebene: Ravensbrücker Gedichte. Paris, 1995.

121. **Schwalbová Margita**. Elf Frauen. Leben in Wahrheit. Eine Ärztin berichtet aus Auschwitz-Birkenau 1942–1945. Plöger, 1994.

122. **Schwarberg Günther**. Der Juwelier Von Majdanek. Göttingen, 1998.

123. **Schwarz Gudrun**. Die nationalsozialistischen Lager. Frankfurt a.M., New York, 1990.

124. **Shelley Lore**. Schreiberinnen des Todes. Lebenserinnerungen internierter jüdischer Frauen, die in der Verwaltung des Vernichtungslagers Auschwitz arbeiten mußten. Bielefeld, 1992.

125. **Siebert Barbara, Kilian Andreas**. Zeugen aus der Todeszone. Das jüdische Sonderkommando in Auschwitzp. Luneburg, 2002.

126. **Sigmund Anna Maria**. Die Frauen der Nazis. Wien, 1999.

127. **Sington Derrick**. Die Tore öffnen sich. Authentischer Bericht über das englische Hilfswerk für Belsen. Münster, 1995.

128. **Sofsky Wolfgang**. Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager. Frankfurt a.M., 1999.

129. SS im Einsatz. Eine Dokumentation über die Verbrechen der SS. Komitee der antifaschistischen Widerstandskämpfer in der DDR. Ost-Berlin. 1957.

130. **Sternheim-Peters Eva**. Die Zeit der großen Täuschung. Mädchenleben im Faschismus. Bielefeld, 1989.

131. **Szepansky Wolfgang**. Dennoch ging ich diesen Weg. West-Berlin, 1985.

132. **Taake Claudia**. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998.

133. **Taylor Telford**. Die Nürnberger Prozesse. Hintergründe, Analysen und Erkenntnisse aus heutiger Sicht. München, 1996.

134. **Thalmann Rita**. Frausein im Dritten Reich. München–Wien, 1984.

135. **Tidl Georg.** Die Frau im Nationalsozialismus. Wien–München–Zürich, 1984.
136. **Tillion Germaine.** Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Lüneburg, 1998.
137. **Vermehren Isa.** Reise durch den letzten Akt. Ravensbrück, Buchenwald, Dachau: eine Frau berichtet. Hamburg, 1987.
138. **Wagner Christa.** Geboren am See der Tränen. Ost-Berlin, 1988.
139. **Walz Loretta.** Erinnern an Ravensbrück. Brandenburg, 1998.
138. **Wandres Thomas.** Auschwitz vor Gericht. München, 1995.
140. **Weichelt Grüt.** Überleben im KZ Ravensbrück. Zur Geschichte der Erika Buchmann in den Jahren 1942 bis 1945. Berlin, 1995.
141. **Weinmann M.** Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt a.M., 1990.
142. **Wember Heiner.** Umerziehung im Lager. Internierung und Bestrafung von Nationalsozialisten in der britischen Besatzungszone Deutschland. Essen, 1992.
143. **Wenck Alexandra-Eileen.** Zwischen Menschenhandel und «Endlösung»: Das Konzentrationslager Bergen-Belsen. Paderborn, 2000.
144. **Westenrieder Norbert.** «Deutsche Frauen und Mädchen!» Vom Alltagsleben 1933-1945. Düsseldorf, 1984.
145. **Wiggershaus Renate.** Frauen unterm Nationalsozialismus. Wuppertal, 1984.
146. **Winkler Dörte.** Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg, 1977.
147. **Wittrock Christine.** Weiblichkeits Mythen. Das Frauenbild im Faschismus und seine Vorläufer in der Frauenbewegung der 20er Jahre. Frankfurt a.M., 1983.
148. **Zywulska Krystyna.** Tanz Mädchen... Vom Warschauer Ghetto nach Auschwitz. Ein Überlebensbericht. München, 1988.
149. **Grabovska-Chalka J.** Stutthof. Gdansk-Sztutowo, 2004.
150. **Gryn Edward, Murawska-Gryn Zofia. Majdanek.** Panstwowe Muzeum na Majdanku, 1984.
151. **Christophe Francine.** Une petite fille privilégiée. Une enfant dans le monde des camps 1942–1945. Paris, 1996.
152. **Chombart de Lauwe Marie-José et al.** Les Francaises a Ravensbrück. Paris: Éditions Gallimard, 1965.
153. Frank Anne. Journal d'Anne Frank. Paris, 1992.

Журналы

Вопросы истории
Новое время
Отечественная история
Россия, XXI

Интернет-источники

www.achtung.fhost.ru/
www.english.gfh.org.il/
www.majdanek.pl/
www.motlc.wiesenthal.com/
www.remember.org/
www.auschwitz-muzeum.oswiecim.pl/
www.axishistory.com/
www.bethshalom.com/
[www.bis.uni-oldenburg.de.](http://www.bis.uni-oldenburg.de)
www.deathcamps.org/
www.ess.uwe.ac.uk/
www.geocities.com/
www.holocaust-history.org/
www.jewishgen.org/
www.mvcr.cz/
www.richard.clark32.btinternet.co.uk/
www.shoa.de/
www.skalman.nu/
www.stutthof.pl/
www.ww2.ee/
www.yale.edu/

Для заметок

Научное издание

МАМЯЧЕНКОВ Владимир Николаевич

Валькирии SS

Монография

**Редакторы: С.В.Фельдман
Оригинал-макет Л.Г.Белолугова
Дизайн обложки В.Б.Белолугов**

Сдано в набор 20.02.2004. Подписано в печать 25.06.2005.

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,32. Уч.-изд. л. 19,29.

Тираж 100 экз. Заказ № 3096

**Издательство Уральского университета
620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.**

**Отпечатано в ГУП СО “Первоуральская типография”,
пр. Ильича, 26-а**